

МК

РУССКАЯ ИСТОРИЯ,

СОЧИНЕННАЯ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Издание шестое.

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи.

1818.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Сентября 23 го дня 1818 года. П. О. Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Денгубскій.

9-32453-41

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ОТЪ ПРЕСѢЧЕНІЯ РУРИКОВА ПОКО-
ЛѢНІЯ, ИЛИ ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ
ФЕОДОРА ИВАНОВИЧА, ДО ИЗБРА-
НІЯ НА ПРЕСТОЛѢ МИХАИЛА
ФЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА,

ТО ЕСТЬ, ОТЪ 1596 ДО 1613 ГОДА.

RECEIVED

NOV 10 1891

TO THE DIRECTOR OF THE BUREAU OF LANDS

WASHINGTON, D. C.

FROM THE LAND OFFICE

OF THE TERRITORY OF ARIZONA

FOR THE YEAR 1891

TO BE USED IN THE

LAND OFFICE

OF THE TERRITORY OF ARIZONA

FOR THE YEAR 1891

TO BE USED IN THE

LAND OFFICE

OF THE TERRITORY OF ARIZONA

FOR THE YEAR 1891

TO BE USED IN THE

LAND OFFICE

OF THE TERRITORY OF ARIZONA

ОГЛАВЛЕНІЕ и СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

*Отъ престѣченія Рурикова конолѣнія , или
отъ кончины Царя Феодора Иеановича
до избранія на Престолъ Михаила Фео-
доровича Романова ,*

шо есть , отъ 1596 до 1613 года.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Борисъ Годуновъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

*Осмыслѣнное злоключеніе Россіи отъ 1604
до 1613.*

OTIAGAHIE & COMPANY

PRINTED AT THE

One of the most important works of the
the history of the country
to be published in the country
the country

THE HISTORY OF THE COUNTRY

THE HISTORY OF THE COUNTRY

THE HISTORY OF THE COUNTRY

THE HISTORY OF THE COUNTRY

THE HISTORY OF THE COUNTRY

ОТЪ ПРЕСЪЧЕНІЯ РУРИКОВА ПОКОЛѢНІЯ,
или ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ФЕОДОРА
ИВАНОВИЧА, ДО ИЗБРАНІЯ НА ПРЕ-
СТОЛЬ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА
РОМАНОВА ,

то есть, отъ 1596 до 1613 года.

Борисъ Годуновъ.

Съ кончиною Феодора пресѣклось Руриково поколѣніе, владѣвшее въ Россіи 736 лѣтъ. Борисъ Годуновъ не началъ царствованія, но происками и хитростію достигъ продолженія владычества. Отрасли древняго Царскаго поколѣнія уже не существовали; властолюбецъ поразилъ ихъ, очищая путь къ престолу. Оставались только братья *Анастасіи*, первой супруги Іоанна Грознаго; и имъ такой же угрожалъ жребій.

Между тѣмъ Царица *Ирина*, вдова Феодорова и сестра Годунова, удалясь въ Новодѣвичій монастырь, приняла иноческій чинъ подъ именемъ *Александры*. Тамъ отрекшись устами отъ міра, не отреклась сердцемъ ни отъ свѣща, ни отъ горделивыхъ замысловъ брата своего. Желаніе, чтобы

родъ ея воцарился, превозмогало въ ней смиреніе. Условясь съ сеспрюю и пришворясь, будто бы не ищешь ни власи, ни величества, Годуновъ удалился въ келью ея. Въ сіе время тайные его разсыльщики внушили Московскимъ жителямъ, что Россія безъ Годунова погибнетъ; что въ немъ одномъ надежда и подпора Царства. Сии внушенія, сопровождаемыя дарами и лестными обѣщаніями, уловили народъ, судящій по одной наружности. Толпы народа, собранныя соборниками властолюбца, требовали, чтобы Патриархъ Іовъ убѣдилъ Годунова принять вѣнецъ и Царство. Тщетно дальновидные Князья Шуйскіе прекословили сему намѣренію, тщетно увѣряли они, что Годуновъ подличиною смиренія тайно пагубные замыслы. Григорій Годуновъ, родственникъ Борисовъ, то же самое подтверждалъ. Благоразуміе не могло побѣдить ласкательства и приманокъ корысти. Патриархъ Іовъ, обязанный возвышеніемъ своимъ Годунову, полагалъ, что жребій его соединенъ съ судьбою властолюбца. Уже не было Митрополита Діонисія, не было Архіепископа Варлаама Крутицкаго, которые, страшась Бога, а не могущества человеческого, вѣщали истину въ чертогахъ

Царскихъ ; злоба и происки Годунова свели ихъ во гробъ. Другіе пастыри церкви, окованные боязнію и малодушіемъ, безмолвствовали. Дѣйствуя безпрепятственно, Іовъ, въ сопровожденіи Бояръ и народа, пошелъ въ Новодѣвичій монастырь, неся Образа и хоругви. Сими священными знамѣніями убѣждалъ онъ вдовствовавшую Царицу отпустить на Царство брата своего. *Ирина*, припавъ, будто бы никакого не имѣла участія въ семъ общенародномъ посольствѣ, отвѣчала : „Я отреклась отъ суетнаго міра: дѣлайте, что хотите.“ Ложь сію въ тошъ же часъ обнаружила она своимъ согласіемъ. Іовъ и народъ прислупили къ Годунову, который также ухищренно показывалъ, будто бы страшился вѣнца и престола. Сія хитрость не укрылась и отъ старинныхъ нашихъ лѣтописателей. Они утвердительно говорятъ, что хотя Годуновъ отрекался устами отъ престола, но давно уже къ нему стремился мыслями и сердцемъ. Приверженцы Годунова сопровождали прозбы свои припавшими слезами и рыданіями. Властолюбецъ согласился. За недѣлю до великаго поста, Годуновъ изъ кельи перешелъ въ Царскіе чертоги и каждый день посѣщалъ сестру свою. Нѣ-

которыя грамоты того времени свидѣтельствуютъ, что она была соправительницею брата своего; а грамота о избраніи Годунова на Царство явно показываетъ, что онъ избранъ былъ ласкательствомъ и раболѣпствомъ. Въ ней не только нарушена истина, но даже и не соблюдено обыкновеннаго *рукоприкладства*. Патриархъ Іовъ, соединившій власть свою съ возвышеніемъ Годунова, написалъ, будто бы умирающій Феодоръ завѣщалъ ему и *душу* и *Царство*. Иностранцы также ошибающся, утверждая, будто бы Годуновъ усыновленъ Іоанномъ Грознымъ, а Царемъ Феодоромъ шоржесловенно провозглашенъ соучастникомъ въ правленіи. Властолюбіе не мыслитъ о законныхъ причинахъ; оно изыскиваетъ только шѣ средства, коими можно уловить простоту народную и привлечь малодушныхъ поклонниковъ щастія, облеченнаго могуществомъ и властью.

Въ первые дни правленія Годуновъ доказалъ, что онъ знаетъ всѣ уловки и происки, употребляемыя новыми владѣльцами къ оболъщенію и ослѣпленію умовъ. Желая прекратить всѣ толки о вступленіи его на престолъ, онъ разсѣялъ молву, будто бы Крымскій Ханъ *Казимирей* угрожаетъ Россіи силь-

нымъ нашествіемъ. Симъ вымысломъ привлечь
всѣхъ бояръ въ станъ, учрежденный подъ
Серпуховымъ. Между тѣмъ ласкатель его раз-
глашали: „Годуновъ хочетъ сперва спасти
Отечество, а потомъ — принять вѣнецъ.“
Около двухъ сотъ тысячъ воиновъ стеклось
въ станъ подъ Серпуховъ. Цѣлые шесть не-
дѣль продолжались пиршества; пышность и
великолѣпіе повсюду блискали. На берегахъ
Оки, на пространствѣ семи верстъ нестрѣ-
лись разноцвѣтные шатры. Воздухъ огла-
щался пѣсенными кликами. Если бы не явля-
лось очамъ оружіе, то можно бы было поду-
мать, что сотни тысячъ людей приглашены
на радостное празднество. Рускихъ очаро-
валъ Годуновъ ласкою, угощеніемъ, щедрыми
и великолѣпными дарами; Крымскихъ пословъ
успрашалъ многолюднымъ ополченіемъ. Съ
вечера до зари утренней происходила пальба
изъ пищалей и раздавался громъ пушечный.
Не было сраженія, не было войны, никто
не видалъ полковъ Татарскихъ; но Годуновъ
увѣрилъ, что онъ подарилъ Россіи миръ и
спокойствіе.

Въ Іюнь мѣсяцѣ кончилось мнимое воору-
женіе; войско, обольщенное Годуновымъ,
разошлось по городамъ и селамъ разглашать

о щедрости и привѣпливости его. Полагая, что уже мѣніе народное покорено, власнолюбецъ вѣчался на Царство въ осень 1598 года. Принимая Царіаршее благословеніе, онъ громко возопилъ: „Отецъ и великій Патріархъ Іовъ! свидѣтельствуюсь Богомъ, что подъ державою моею не будешь ни одного бѣднаго, ни одного нищаго!“ И потомъ, взявшись за рубашку свою, прибавилъ: „и послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми.“ Лестницы превозносили похвалами сіе обѣщаніе, но благомыслящіе сыны Ошеческа знали, что хитрый власнолюбецъ сулилъ невозможное. Хищники престола обѣщаютъ все поному, что имъ ничто не принадлежитъ законнымъ образомъ.

Доснигивуиъ верховной власпи, получа все, Годуновъ не могъ ничѣмъ наслаждаться. Неумолимая совесть терзала его повсечасно. Иершвы, власнолюбіемъ его пораженные, возмущали спокойствіе его днемъ и ночью. Сирѣмась возрѣніа людей, опасаясь, чтобы въ чертахъ его лица не примѣтили душевнаго волненія, онъ скрывался въ чертогахъ Царскихъ, но не могъ укрышья оиъ самага себѣ. Оставляя престоль и вѣнецъ, онъ ча-

ето посѣщаль Святая обители; но и тамъ, въ оградѣ безмолвія и тишины, слышаль голосъ, вопіявшій въ совѣсти его: „Ты убійца! ты истребишель поколѣнія Царскаго!“

Въ мрачномъ отчаяніи своемъ онъ рѣшился погубить всѣхъ тѣхъ, которые умѣли проникать тайные ковы коварства его. Онъ прибѣгъ къ наушничеству; онъ мечталъ, что съ помощію продажныхъ и ничтожныхъ душъ обнажится передъ нимъ вся Россія; онъ надѣялся, что онъ доносчиковъ, называемыхъ въ сѣверѣ доводчиками, ничто не унаишся и все достигнетъ до слуха его. Къ сему позорному ремеслу употребилъ онъ господскихъ слугъ. Первый изъ нихъ, продавшій совѣсть и Вѣру, былъ *Воникъ*, слуга Князя *Феодора Шестунова*. Пользуясь всѣми случаями къ изъявленію мнимаго своего великодушія, *Годуновъ* сказалъ: „Я узналъ о злоумышленіи Князя *Шестунова*, но не хочу ему вѣрять.“ Уловляя сею хитростію народную простоту, онъ осыпалъ наградами доносчика *Воника*. При собраніи жупелей Московскихъ, предъ лицомъ Челобитнаго Приказа, на площади, подъ открытымъ небомъ, гдѣ уже уготовлялся на главу его громъ, разящій власнолюбцевъ; *Годуновъ* повелѣлъ

возвѣстить о заслугахъ *Воника*, опредѣлилъ ему жалованье, далъ помѣстье и записалъ въ *Боярскія дѣти*. Почесши, воздаваемые одному злодѣю, учиняютъ тысячи злодѣевъ и неисчислимыя злодѣянїя. Услыша о наградахъ, оказанныхъ *Вонину*, иногородные слуги, составляя шайки изъ пяти и шести человекъ, спѣшили въ Москву доносить на Господь своихъ; одни были свидѣтелями, другіе донощиками, и все вмѣстѣ домогались наградъ за продажу душъ своихъ. Къ чести Рускаго народа, нашлись и вѣрныя служивели, достойные имени *домочадцевъ*. Они не жалѣли крови своей, чтобы не видѣть крови и мученій своихъ *отцеевъ*. Ихъ пытали огнемъ, имъ рѣзали языки, ихъ повергали въ шемницы; они терпѣли и молились Богу за шѣхъ, за которыхъ рѣшились поспрадащъ и умереть. За вѣрность и за муки, Бояре награждали ихъ семейства, ихъ вдовъ и сиротъ. Но *Борисъ Годуновъ*, обладая Государственною казною, имѣлъ болѣе средствъ къ награжденію злодѣевъ и къ поощренію злодѣйства. Въ Москвѣ и по всемъ городамъ сообщники его разсыпали деньги; вездѣ сулили новыя почести и награды. Допосы оковываютъ души страхомъ и подрываютъ все осно-

ванія общественныя. Вскорѣ смутилось Царство Руское; страхъ оковалъ всѣ сердца: всѣ души объялись недоумѣніемъ; разшорглись связи дружества и всѣ священные союзы. Дѣти доносили на отцевъ; жены на мужей; даже и иноки, обольстясь блескомъ золота, омрачали души свои клеветною и пагубою невинности. Въ Московскихъ и иногородныхъ пемвицахъ раздавались воли спирадальцевъ; тяжкія оковы повсюду гремѣли; лилась кровь невинная; цѣлыя семейства испреблялись. Никогда не было подобнаго бѣдствія въ землѣ Руской; никогда не было въ Россіи и злодѣя, равнявшагося съ Годуновымъ въ проискахъ властолюбія и коварства.

Всѣ сіи бѣдствія и злодѣянія началомъ только были новыхъ напастей и злодѣйствъ. Романовы, двоюродные братья Царицы Анастасіи, первой супруги Іоанна Грознаго, еще жили; по родству съ нею они близки были къ престолу; по добродѣтелямъ своимъ были его достойны. Годуновъ умыслилъ истребить и сію послѣднюю связь съ древнимъ Царскимъ поколѣніемъ. Онъ употребилъ всѣ происки, всѣ приманки къ обольщенію слугъ Романовыхъ; но тщетно. Страдая въ лютыхъ пыткахъ, они едино-

гласно вопіяли: „Мы ничего не вѣдаемъ за Господами своими.“ Одинъ только *Второев*, по прозванію *Бартеневъ*; слуга Александра Никишича *Романова*; одинъ только сей извергъ забылъ Вѣру и вѣрность. Пришедъ къ Семену Годунову, онъ сказалъ: „Что мнѣ Царь велишь сдѣлать надъ Господами моими, то и сдѣлаю.“ Награды посыпались на измѣнника. Семень Годуновъ и *Второев* умыслили оклеветать Романовыхъ въ покушеніи на жизнь Царскую. Наполнивъ мѣшокъ различными кореньями, вѣроломный слуга подкинулъ оный въ кладовую *Александра Никишича*. Немедленно бѣжитъ и увѣдомляетъ, что Господинъ его готовитъ отправу; являющіяся сыщики Годунова и относятъ мѣшокъ на Патріаршій дворъ. *Іосѣ*, забывъ Бога и домня только, что саномъ своимъ обязанъ властолюбцу; *Іовъ* созвалъ народъ, высыпалъ изъ мѣшка коренья; и возвѣстилъ, что сіи ядовитые коренья отысканы въ домъ *Александра Никишича Романова*. И святиицельскія уста не ужаснулись оклеветывать невинность! . . . Столь пагубно дѣйствіе тщеславія!

Между тѣмъ приводятъ Романовыхъ. Спокойно предстанутъ они на судъ неправедный,

безтрепетно вѣщаютъ: „Мы не учинили никакого зла и никакой неправды; Богъ видитъ нашу невинность: на Него возлагаемъ упованіе.“ Гонители добродѣтели не внемлютъ голосу невинности; свидѣтельству пяти братьевъ Романовыхъ проигноруютъ клевету одного наглаго доносчика. Нѣкоторые изъ Бояръ, прислуживаясь Годунову, неистово вопіяли противъ Романовыхъ. Сирададцы хотѣли отвѣчать, но шумъ бѣснующейся толпы заглушалъ ихъ слова. Безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, Романовыхъ и родственниковъ ихъ взяли подъ стражу. *Шестуновы, Репнины и Карповы* разосланы были по иногороднымъ темницамъ; движимое имѣніе ихъ было роздано доносчикамъ; дома ихъ проданы въ пользу Годунова. За Княземъ *Ситцкимъ*, также близкимъ родственникомъ Романовыхъ, мучитель послалъ въ Астрахань. Заключа въ цѣпи *Ситцкаго*, супругу его и сына, въ жалостнѣйшемъ состояніи привезли въ Москву. Вскорѣ потомъ сіе несчастное семейство сослано въ *Кожозерскій* монастырь, гдѣ и было умерщвлено. Какъ будто въ поруганіе Богу и Вѣрѣ, супругу страдальца принудили сперва воспричься, а потомъ удавили. *Александръ Ишкитичъ* Рома-

новъ сосланъ былъ къ берегамъ Ледовитаго моря, въ *Луду*, гдѣ и погибъ онъ рукъ палачей Годунова. Михайлу Никишича отправили въ *Пермь* и заключили въ шемницу, нарочно построенную въ семи верстахъ отъ города; вскорѣ и онъ былъ жертвою насильственной смерти. Тѣло его погребено въ безмолвной пустынѣ; и какъ будто бы для указанія страдальческаго праха, два недра выросли по двумъ концамъ гроба. Василій Никишичъ отвезенъ былъ въ *Пелимъ* и удавленъ тамъ. Брата и сопутника его *Ивана Никишича* изтомляли голодною смертію. Поруча Богу жизнь и душу свою, онъ безтрепешно укорялъ палачей Годуновыхъ; онъ предвѣщалъ имъ казнь, постигающую злодѣевъ: палачи содрогнулись; они рѣшились послушаться мучителя. Узнавъ о семъ происшествіи, Годуновъ приказалъ перевести *Ивана Никишича* въ *Юрьевъ*, гдѣ съ нѣкоторыми изъ родственниковъ своихъ содержался до смерти гонителя своего. Затѣмъ *Романовыхъ*, Князь *Борисъ Канбулатовичъ*, со всѣмъ семействомъ сосланъ былъ на *Вѣло-озеро*. Вѣрные служители умерщвленныхъ Бояръ расселены были по монастырямъ.

Почти по всемъ дальнимъ предѣламъ земли Руской раздавались стоны невинности и смертные вопли страдальцевъ. Между шѣмъ подтверждалась и непреложная истина, что торжество злодѣевъ не надежно. Вѣроломные слуги и донощики, продавшие души свои за корысть, расшочали золото въ жертву разврата. Предаваясь пьянству, буйствуя по городамъ и селамъ, они возставали другъ на друга; грабили и убивали. Предатели гибли въ собственной крови своей.

Въ то же время, непостижимыми судьбами небесными, охраненъ отъ рукъ палачей *Феодоръ Никитичъ Романовъ*, родоначальникъ новаго Царскаго поколѣнія. Онъ сосланъ былъ въ Архангельскіе предѣлы въ *Антоніевскую* обитель, гдѣ и постриженъ неволею подъ именемъ *Филарета*. Супругу его *Ксенію*, знаменитую породой, а еще болѣе добродѣтелями, удалили въ Новгородскую справу въ *Заонежскіе погосты*. Ее разлучили съ супругомъ, разлучили съ сыномъ, которому въ отроческихъ лѣтахъ всего нужнѣе былъ призоръ материнскій; ее заключили въ темницѣ и осудили на голодную смерть! . . По расчисленіямъ человѣческимъ казалось, что злополучная *Ксенія* всего

лишилась; ей не съ кѣмъ даже было дѣлать и скорби своей: супругъ и сынъ далеко отъ нее были; мученія и голодная смерть ей угрожали; все противъ нее возстало; — и вдругъ мракъ темничный озарился лучемъ ошрады и надежды.

Часто, весьма часто добродѣтель, жалость и состраданіе, изгоняемая развращеніемъ изъ чертоговъ, скрываются и обитаютъ подъ бѣднымъ и неизвѣстнымъ кровомъ. Къ подкрѣпленію злополучной Ксеніи, жалость и состраданіе предстали въ лицѣ добродѣтельнаго Священника *Ермолая Герасимова*, служившаго Богу вѣрой и дѣлами во храмѣ *Егорьевскаго погоста*. Услыша о страданіи Ксеніи, онъ посѣщилъ въ темницу ея; оживотворяясь Богомъ, онъ убѣдилъ стражей и палачей *Годунова* сжалиться надъ невинною жертвою; слова его поколебали ихъ жестокость и проникли въ ихъ души. Изпоргнувъ Ксенію изъ челюстей смерти и страданія, *Егорьевскій Священникъ* не щадилъ имущества для доставленія ей всего нужнаго. Укрываясь отъ взоровъ людей и подвергая жизнь свою опасности, онъ неоднократно путешествовалъ изъ страны *Новгородской*

въ Архангельскіе предѣлы, чтобы вѣстію о супругѣ оживить и утѣшить сердце Ксеніи. Въ трудныхъ, въ опасныхъ странствіяхъ спутникомъ его былъ Богъ, ослѣпляющій горделивыхъ властолюбцевъ тогда, когда они мечтающъ, что имъ все извѣстно, и что ни одинъ шагъ человѣческій не ушаится отъ прозорливости ихъ.

Около сего времени Годуновъ заключилъ на десять лѣтъ мирный союзъ съ Поляками, но не могъ заключить мира съ сердцемъ своимъ, волнуемымъ непрестаннымъ подозрѣніемъ. Въ предѣлахъ Калужскихъ, основывая во имя свое *Борисовъ городъ*, онъ препоручилъ строеніе онаго Окольничему *Богдану Бѣльскому*, обладавшему великимъ богатствомъ. Бѣльскій взялъ съ собою множество запасовъ, и пришедъ на опредѣленное мѣсто, собственнымъ издѣвеніемъ и людьми своими выстроилъ для себя домъ, укрѣпилъ и по сему образцу приказалъ созидать городъ. Хотя богачи рѣдко бываютъ щедры и привѣтливы, но Богданъ Бѣльскій украшался сими двумя качествами. Онъ угощалъ ратныхъ людей и снабжалъ ихъ деньгами и одеждою. Голосъ признавательныхъ воиновъ донесся въ Москву и въ Царскіе чертоги. Году-

новъ возпылалъ негодованіемъ; въ яростномъ изступленіи онъ вообразилъ, что Бѣльскій хочетъ привлечь народъ и поколебать его могущество. Бѣльскаго задержали, и заключили въ темницу. У всѣхъ старыхъ Бояръ, бывшихъ съ нимъ, приказано отобрать имѣніе за то, что они не препятствовали Бѣльскому быть другомъ и благодѣтелемъ воиновъ. Безумно предполагать, будто бы Бѣльскій, строя не большой городъ, хотѣлъ утвердиться въ немъ и противустать Годунову; но опыты доказываютъ, что безумное подозрѣніе нераздѣльно съ порывами властолюбія.

Въ первый годъ *семнадцатаго столѣтія* гнѣвъ небесный поразилъ землю Рускую. Въ началѣ лѣта шли проливные дожди; всходы хлѣба быстро поднялись, колосья наливались; но вдругъ природа какъ будтобы омертвѣла. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль прохладный вѣтръ не обвѣвалъ нивъ и полей; за симъ бѣдствіемъ воспослѣдовалъ морозъ и вмѣстѣ съ созрѣвавшею жатвою истребилъ радостную надежду поселянъ. Нивы, поля, дубравы, лѣса, почернѣли; казалось, что всеобщее пламя опалило всѣ земныя произрастѣнія. Первый годъ пишались запаснымъ

хлѣбомъ. Съ наступившимъ голодомъ умножились развратъ и злодѣяніе; голодная смерть, подобно моровому повѣтрію, распространила повсюду ужасы свои и поражала народъ. Въ сіи бѣдственныя дни отцы оставляли дѣтей; мужья бѣжали отъ женъ своихъ; каждый мыслить только о себѣ, и никто не миновалъ общей напасти.

Между нѣмъ нашлись безчеловѣчныя корыстолюбцы, которые, скупая хлѣбъ дорогою цѣною, еще дороже продавали, надѣясь обогатиться изнѣможеніемъ и гибелью ближнихъ. Годуновъ раздавалъ милостыню; но сія милостыня, по словамъ тогдашнихъ лѣтописателей, противна была и Богу и людямъ: онъ расточалъ имущества Бояръ, умерщвленныхъ его злобою и заключенныхъ въ темницы его подозрѣніемъ. Молва о раздачѣ денегъ привлекла въ Москву иногородныхъ жителей; они получали милостыню, но отъ чрезмѣрнаго сполненія не могли покупать хлѣба и умирали съ деньгами, которыя не доставляли и не замѣняли дневнаго пропитанія. Даже и самые жалоспивые люди принуждены были отвѣчать просящимъ: *Налѣ нечего дать; и мы отъ голода изнемогаемъ!*

Для надежнѣйшаго прокормленія народа, Годуновъ завелъ каменные строенія. Полагають, что тогда сооружена и колокольня *Исана Великаго*. — Старинныя лѣтописи о семъ молчатъ; въ нихъ только сказано: „Сдѣлавы каменные большія палаты на взрубѣ, гдѣ были Царя Іоанна хоромы.“

Въ сіе время многіе Бояра, приманившіе къ себѣ въ службу оруженосцевъ и различнаго званія людей, не могли ихъ прокормить, а въкоторыя, желая обогатиться продажей сбереженнаго хлѣба, опускали прежнихъ служителей своихъ. Скипавшіяся шайки, томимыя голодомъ и порываемыя своеволіемъ, составили сильныя скопища. Вскорѣ не только въ отдаленныхъ мѣстахъ, но и подъ Москвою не лзя стало ни проходить, ни проѣзжать безопасно. Начальникомъ сихъ скопищъ учинился *Хлопко*, отважный, предприимчивый и, можетъ быть, льстившійся поколебать владычество Годунова. Видя покушенія сихъ наглыхъ скопищъ, Годуновъ отправилъ сильное войско. Окольниковъ *Иванъ Федоровичъ Басмановъ* сразился съ ними подъ Москвою. Мужественно билось воинство, упорно и неустрашимо сражались и скопища разбойническія. Всѣ они рѣшились умереть,

но не сдаваться. - Хлопко взять былъ въ плѣнъ тогда уже, когда палъ отъ множества ранъ. Оставшіяся шайки разбойниковъ побѣжали въ Украинскіе предѣлы, куда еще со времени *Іоанна Грознаго* дозволено удаляться преступникамъ и смертоубійцамъ, предполагая, что они будутъ защитниками границъ. Новые разбойники были перехвачены и казнены. Окольныйчій *Басмановъ*, поспрадавшій за оборону Москвы, съ почестію погребенъ въ *Троицкой обители*.

Среди общей напасти, среди непрестанныхъ смертей, поражавшихъ народъ, истомленный голодомъ, *Годуновъ* мечталъ о возвышеніи рода своего и о вступленіи въ родство съ иностранными Дворами. Въ семъ намѣреніи онъ отправилъ въ *Данію* посольство и приглашалъ въ Москву *Королевича Іоанна*, младшаго брата *Христіерна Четвертаго*. *Данія*, находясь во враждѣ со *Швеціей* за ничтожный споръ о гербахъ, обрадовалась, что можетъ подкрѣпиться союзомъ съ *Россіей*. 1602 Года прибылъ въ Москву *Датскій Королевичъ Іоаннъ*. Хотя голодъ свирѣствовалъ еще во всей силѣ, но его встрѣтила великолѣпно. По словамъ иностранныхъ писателей, *Борисъ Годуновъ* и сынъ его *Фе-*

одоръ , принимая *Іоанна* , были въ длинныхъ бархатныхъ порфирахъ , унизанныхъ жемчугомъ и драгоценными каменьями ; груди ихъ особенно блистали. Поговоря дружелюбно съ *Іоанномъ* , *Годуновъ* пригласилъ его къ столу , накрытому посреди Грановитой палаты. По старинному обычаю , Бояре и Царедворцы сидѣли за другимъ столомъ , называемымъ *кривымъ*. Сей столъ въ видѣ полумѣсяца примыкалъ къ Царскому столу, Бояре сидѣли на одной сторонѣ , чтобы каждый изъ нихъ могъ видѣть Государево лице. Надъ золотыми Царскими креслами висѣла корона , въ которой помѣщены были боевые часы. На столѣ являлись серебряные, золотые кубки , кружки , золотая и серебряная посуда. Кушанья подавали на золотыхъ блюдахъ.

Обладая такими сокровищами и поклявшись дѣлиться съ народомъ *последнею рубашкою* , почему *Годуновъ* не употребилъ еего суетнаго украшенія на покупку хлѣба ? Почему не принялъ онъ мѣръ осторожности и не старался изъ дальнихъ Рускихъ областей доставлять продовольствіе въ Москву и въ другія мѣста, страдающія отъ голода? *Авраамъ Палицынъ* говоритъ, что въ дав-

нихъ житницяхъ много еще было хлѣба, и
 чино въ смутныя времена, когда остріе ме-
 чей, сверкавшихъ надъ главами Россіянъ,
 препятствовали занимающься сохою, жители
 Россіи пишались старинными трудами: для
 чего же Годуновъ не учинилъ благоразумнаго
 разпорядка къ употребленію сего запаса? Вла-
 стнолюбцы, истощая все остроуміе свое на
 происки коварства и на замыслы къ возвы-
 шенію рода своего, не умѣютъ заниматься
 истиннымъ благомъ Ошечества. Годуновъ,
 помышляя о чужихъ земляхъ, не вѣдалъ,
 что будетъ надъ Россіей. Такъ повѣствуютъ
 старинныя наши лѣтописи. Отецъ народа,
 видя страданіе подданныхъ, самъ съ ними
 справдешъ; Годуновъ, мечтая о блиста-
 тельныхъ союзахъ, ликовалъ среди общей
 напасти. Онъ любилъ себя, а не народъ.

Данскій Королевичъ понравился Москов-
 скимъ жителямъ привѣтливостію, ласкою,
 цвѣтущею молодостію и дородствомъ,
 означавшимъ крѣпость и силу плѣснью.
 Сѣрдце Исеніи вмѣстѣ съ сѣрдцами народа
 влеклось къ нему чувствіями любви. Между
 тѣмъ Годуновъ, ошѣзжая на богомолье въ
 Троицу, приказалъ воздавать нареченному
 своему зятю прежнія почести; но по возвра-

щеніи его все перемѣнилось. До слуха его дошла вѣсть, что жители Московскіе полюбили Датскаго Королевича; что они желаютъ, чтобы онъ былъ супругомъ Ксеніи и жилъ бы въ Россіи. Вѣсть сія была громовымъ ударомъ для властолюбца. Онъ испугался, что сынъ его можетъ быть обойденъ въ преемничествѣ престола; что супругъ Ксеніи уничтожитъ плоды его происковъ къ утвержденію новаго Царскаго поколѣнія. Раздраженное властолюбіе заглушаетъ въ сердцѣ чувства природы. Возмущаясь завистію и страхомъ, онъ запретилъ Ксеніи видѣться съ женихомъ своимъ, и поручилъ Семену Годунову наблюдать всѣ его шаги. Въ сіе время Датскій Королевичъ занемогъ и потребовалъ врачей, бывшихъ въ вѣдомствѣ Семена Годунова. — Годуновъ дозволилъ Врачамъ посѣтить больного; но услыша отъ нихъ, что есть надежда къ изцѣленію, сильно вознегодовалъ. Больной, лишенный всѣхъ нужныхъ пособій, скончался въ Октябрѣ мѣсяцѣ, спустя шесть недѣль по пріѣздѣ въ Москву. Тѣло его погребено близъ новой Лютеранской церкви въ нынѣшней Нѣмецкой слободѣ, называемой въ старину Кукуемъ, будто бы отъ того, что въ томъ

пустомъ мѣстѣ раздавался голосъ кукушекъ. Въ послѣдствіи прахъ несчастнаго Іоанна перевезенъ въ Данію.

Иностранцы иначе о смерти его повѣствуютъ. Они говорятъ, что въ болѣзнь Дашскаго Королевича, Годуновъ съ сыномъ своимъ посѣщалъ его и обѣщалъ освободить четыре тысячи плѣнниковъ по выздоровленіи Іоанна. Трудно рѣшить, справедливо ли, или ложно обвиняютъ Годунова въ смерти Іоанна; но то неоспоримо, что властолюбцы гонятъ и ненавидятъ тѣхъ, которые къ несчастію своему приобрѣтаютъ любовь и приверженность народную.

Вскорѣ послѣ сего происшествія Грузинскіе Цари просили Годунова о защитѣ ихъ отъ Горскихъ Черкесъ. Къ оборонѣ Грузинскихъ Царей назначенъ главнымъ Воеводою Окольниковъ Иванъ Михайловичъ Бутурлинъ съ тремя полками, или отдѣленіями, для поставленія трехъ городовъ: перваго въ *Шевкальской землѣ*, другаго въ *Теркахъ*, третьяго въ *Таркалахъ* въ *Андреевѣ* деревнѣ. Сколько можно догадываться изъ словъ лѣтописи, особливо же вникая въ свойства Годунова, который часто отрицалъ то сердцемъ, что вѣщалъ устами, кажешся,

что Окольничему Ивану Михайловичу Бутурлину приказано притворно только отстаивать Грузинских Царей. По обычаям праотеческимъ, соблюдая свято Цареву тайну, Бутурлинъ отправился въ походъ, и вскорѣ при назначенные города были поставлены. Появленіе Россіянъ поразило Горскихъ Черкесъ страхомъ. Съ сильною рашью успремались они къ осадѣ новоустроенныхъ городовъ. Призывая на помощь Бога, Воеводы и Окольничій Бутурлинъ крѣпко сидѣли въ городахъ, неустрашимо бились съ невѣрными и сильно ихъ поражали. Не одолѣвъ Рускихъ многочисленностію, враги прибѣгли къ лести. *Покиньте, говорили они, покиньте нашу землю; идите со всемъ, что у васъ есть, куда хотите.*

Ивану Михайловичу Бутурлину, состоявшемуся въ Вѣрѣ, правотѣ и мужествѣ, предстояли двѣ крайности: или *избыть храбрости*, то есть, посрамить себя трусостию, или объявить тайну Царскую. Нажитая слава въ юности еще дороже въ преклонныхъ лѣтахъ; и какъ за предѣломъ гроба встрѣшиться съ предками, не устоявъ въ ихъ Вѣрѣ, въ ихъ славу? . . . Бутурлинъ рѣшился молчать о тайномъ *Государевомъ наказѣ*,

пелюжа неотступно бились съ врагами, которые между тѣмъ непрестанно вопіяли: *Подите, куда хотите, и часъ опъ часу бо- лѣе тѣснили* осажденные полки Рускіе. Великодушному и храброму Бушурлину жаль стало крайняго изнеможенія и крови братій своихъ; онъ объявилъ приказъ Государевъ. По первому порыву войны возроптали, за то ли, что Бушурлинъ ранѣе не возвѣстилъ порученной ему тайны, или за то, что храбрость ихъ постыдилася яредъ лицомъ невѣрныхъ? въ лѣтописи сего не объяснено. Но какъ бы то ни было, за мгновенный ропотъ полки Рускіе увѣнчали славою добродѣтель и храбрость своего Вождя.

Судя по совѣсти и вѣрѣ своей, Бушурлинъ требовалъ, чтобы и Враги по вѣрѣ своей поклялись въ нерушимости даннаго слова. Гдѣ ласкъ, тамъ и измѣна. Невѣрные присягнули; но едва выпустили Рускихъ на слепь, вѣроломно и яростно на нихъ напали. Рускіе силою мышцъ и твердостью грудей, одушевленныхъ Вѣрою и правдою, встрѣтили и отразили внезапное нападеніе. Никто не отступалъ; всѣ какъ будто бы одною душою и одною дланью разили клятвопреступниковъ.

Въ сіи опасные часы рѣшительнаго и непоколебимаго мужества Рускихъ воиновъ, какими еще чувствованіями наполнялась душа вѣрнаго и храбраго Воеводы Бутурлина! Сынъ его *Феодоръ*, цвѣтущій юностью, красотою, неустрашимо бьется съ врагами. . . „Исполню,“ говоритъ онъ: „родитель мой! исполню завѣщаніе твое; умру съ честію за Вѣру и Отечество!“ Съ симъ словомъ еще сильнѣе стремится на враговъ, и въ очахъ отца упадаешь первою жертвою за Вѣру Рускихъ и за ненависть ихъ къ неправдѣ и вѣроломству.

Не колебался духъ неустрашимаго Бутурлина; Вѣра и надежда подкрѣпили сердце опцовское. Онъ зналъ, онъ убѣжденъ былъ, что правда въ небесахъ увѣнчается. „Братія и друзья!“ сказалъ онъ: „неповинною кровію своею сынъ мой и мнѣ и вамъ показываетъ путь. Онъ устоялъ въ Вѣрѣ и правдѣ; устоимъ и мы въ правдѣ и Вѣрѣ.“ Воины единодушно воскликнули: *Устоимъ въ Вѣрѣ и правдѣ; клянемся, что никто живой не отдастся врагамъ.*

Всѣ сдержали слово свое: никто живой не отдался въ руки враговъ вѣроломныхъ; всѣ пали на полѣ чести и славы; и только

немногіе , изнеможенные отъ ранъ и безчувственно лежавшіе , взяты были въ плѣнъ.

Около сего времени скончалась супруга Царя Феодора и сестра Годунова. Прахъ ея лежитъ въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Сія смерть какъ будто бы предвѣстила усугубленіе бѣдствій и кончину властолюбца.

Развращъ народа часъ отъ часу усиливался. Годуновъ возвысилъ цѣну на вино и размножилъ откупы. Обогащаясь позорными прибытками , онъ сооружалъ церкви и , по словамъ лѣтописцевъ , смѣшивая клятву съ благословеніемъ , сдѣлался ненавистнымъ и Богу и людямъ добросовѣстнымъ. Видя , что Годуновъ поощряетъ къ нововведеніямъ , многіе уклонились отъ обычаевъ предковъ и предались роскоши и корысти. Желая возвеличить могущество свое , Годуновъ захотѣлъ производить Царей. Урусъ Махметъ *Андароеичъ* , получа Касимовское княженіе , получилъ и названіе Царя. Въ различныя времена ко Двору Годунова являлись Англичскіе и Папскіе послы. Сіи послѣдніе просили дозволенія ѣздить въ Персію черезъ Россію , въ чемъ и были удовлетворены. Отъ влады

Персидскаго прїѣзжало къ Годунову пышное посольство. Торговые Нѣмецкіе города, особенно *Любекъ*, воспользовавшійся беспошлинною торговлею, вошли съ нимъ въ тѣсную связь и привозили драгоценные подарки. За простые Рускіе избытки отдавали золото и серебро. Нѣсколько молодыхъ Россіянъ отправлялись въ чужіе края для ученія. Все увеличивало славу Годунова; но сія слава быстро и внезапно зашмилась и исчезла.

Не надежны предпріятія человѣческія и ничпожны происки властолюбія! 1602 Года, когда Годуновъ льстился утвердишь владычество свое родствомъ съ Царями иноземными; въ то самое время Рускій бѣглець, скрывавшійся въ Польскихъ областяхъ, приготовлялъ паденіе власти его и гибель его семейства. Старинныя лѣтописи, относя все къ Провидѣнію небесному, говорятъ, что за усилившійся развратъ въ Россіи, Богъ наказалъ не грознымъ нашествіемъ иноплемениковъ, но прахомъ, взятымъ въ землѣ Руской. Сей прахъ, затемнявшій нѣсколько лѣтъ Опечесство наше, внесенъ въ него самозванцемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Разстриги*; или *Гришки Отрепьева*.

Въ городѣ *Галичѣ* въ числѣ тѣлохрапителей, или дѣшей *Боярскихъ*, былъ *Измашина Отрепьевъ*; отъ сына его *Богдана* родился *Яковъ Отрепьевъ*. Рано обнаружилась въ немъ оспрота ума, почему и отдали его учиться въ *Москву*. Самозванецъ доказалъ, что и лучшія способности ничто безъ добродѣтели. Падѣясь съ помощію ученія возвыситься въ санѣ духовномъ, *Отрепьевъ* въ юномъ возрастѣ поспригся и проименовался *Григоріемъ*. Лѣтописи не упоминають, гдѣ принялъ онъ иноческое званіе; извѣстно только, что изъ *Москвы* перешелъ въ *Суздальскій Спаскій Ефиміевъ монастырь*. Тамъ мошній *Архимандритъ*, не довѣряя юному иноку, отдалъ его подъ начало благочестивому старцу. Любя буйство, а не смиреніе, *Отрепьевъ* бѣжалъ въ *Спаскую обитель на Рубну*, откуда переселился въ *Москву* въ *Чудовъ монастырь*, былъ поставленъ въ дѣконы и вскорѣ сдѣлался извѣстенъ *Патріарху Іову* искусствомъ чистописанія. Прозорливый *Ростовскій Митрополитъ Іона*, замѣчая въ *Отрепьевѣ* склонности къ своеволію и разврату, объяснялся о томъ съ *Патріархомъ*. Слова его не подѣйствовали. Совѣщанія лю-

бятъ давать, но рѣдко слѣдуютъ полезнымъ увѣщаніямъ.

Между тѣмъ Отрепьевъ, слыша отъ нѣкоторыхъ людей, что онъ похожъ на Царевича Димитрія, выспрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ убіенія Царевича. По незрѣлости лѣтъ, не умѣя замысловъ своихъ облакати завѣсою тайны, онъ явно говорилъ: „Я Царевичъ Димитрій; я царствовать буду въ Москвѣ!“ Иные смѣялись сему самохвальству, другіе почитали оное слѣдствіемъ сумасбродства. Узнавъ о такой наглости, Годуновъ приказалъ Смирному, называемому Васильеыль, сослать дерзкаго инока подъ присмотръ въ Соловецкую обитель. Смирной повѣстилъ о семъ Дьяку Семену Ефимьеву, бывшему въ родствѣ съ Отрепьевымъ. Вступая за родственника своего, онъ упросилъ Смирнова помедлишь исполненіемъ приказа. По удивительному стеченію обстоятельствъ, или лучше сказать по волѣ непостижимыхъ судебъ Небесныхъ, подозрительный Годуновъ, возмущавшійся отъ малѣйшей молвы, забылъ, что донесено ему было о Гришкѣ Отрепьевѣ, и не справлялся о немъ до того самаго времени, когда онъ уже возсталъ къ потрясенію его престола. Пользуясь оплошностью

Годупова, Опреньевъ бѣжалъ изъ Москвы; скипался по разнымъ мѣстамъ; сошелся въ Брянскъ съ монахомъ *Поводинымъ* и товарищемъ его. Бродяги вскорѣ познакомились и пошли вмѣстѣ въ Новгородъ - Сѣверскій въ Спаскій монастырь. Архимандритъ принялъ ихъ ласково и доставлялъ всевозможное спокойствіе. Вкравшись въ довѣренность благодѣтеля своего, Опреньевъ выдумалъ мнимыхъ родственниковъ въ *Путимѣ* и выпросился туда съѣздить. Сопровождаѣ неблагодарностию коварствомъ, онъ написалъ слѣдующую записку и положилъ ее въ кельѣ Архимандритской: „Я Царевичъ *Димитрій*, сынъ Царя *Іоанна*; достигнувъ престола отца своего, награжу тебя за то, что ты успокоивалъ меня въ обители своей.“ Любя Опреньева и ничего не подозрѣвая, Архимандритъ далъ ему подводу и проводника. Опреньевъ отправился съ товарищемъ своимъ *Поводинымъ*. Приближаясь къ Кіевской дорогѣ, созналъ онъ проводника и пустился къ Кіеву, бывшему еще тогда подъ владычествомъ Польскимъ. Казалось, что щастіе вездѣ встрѣчало Опреньева. Польскій Воевода Князь *Острожскій*, ревностно держась Греческаго исповѣданія, прельстился знаніемъ Опреньева въ дѣлахъ

церковныхъ, заставилъ его служить обѣдню, послѣ чего препроводилъ въ Печерскій монастырь, предписать оказывать ему всевозможное покровительство. Разграбные пошутки Опреньева и здѣсь вскорѣ обнаружились. По докладу Архимандрита, Князь Острожскій приказалъ его наказать; но самозванецъ успѣлъ убѣжать въ Польское мѣстечко *Голу*, гдѣ сложивъ съ себя монашескій чинъ, старался научиться Польскому языку. Для перемчиваго его ума все было легко. Ставъ объясняться свободно, пошелъ онъ въ городъ *Брачинъ* къ Князю Адаму *Вишневицкому* и опредѣлился въ число его служителей.

Хитрый Опреньевъ умѣя пользоваться случаемъ и соображать обстоятельства, тотчасъ увидѣлъ, что ему можно простиранъ замыслы свои далѣе. Князь Вишневицкій былъ въ числѣ знатнѣйшихъ Польскихъ Вельможъ; сила его могла поддержать самозванца. Укрываясь отъ свидѣтелей, Опреньевъ сочинилъ на Польскомъ языкѣ краткую повѣсть отъ кончины *Іоанна Грознаго* до покушенія *Годунова* къ истребленію древняго Царскаго поколѣнія. Изобразя всѣ подробности сего происшествія, онъ прибавилъ: „Сей злополучный Царевичъ, сохраненный

вѣрностью Боярь, скрывается въ безвѣстной участи и живетъ благодѣяніями Князя Вишневицкаго.“

Написавъ сію ложную повѣсть, Опреньевъ пришворился, больнымъ и требовалъ духовника. Слабымъ и умирающимъ голосомъ сказалъ онъ духовнику: „Отходя во гробъ, хочу обнаружись все душевныя мои тайны. Я сынъ Царя Іоанна Васильевича, я злополучный Царевичъ Димитрій. Въ жизни моей гнала меня злоба Годунова; хотя по смерти воздайте мнѣ почести, приличныя Царскому сыну. Когда отойду къ Богу, возьми подъ одромъ моимъ бумагу; прочитай ее и не объявляй никому, что въ ней написано.“

Опреньевъ зналъ, что духовникъ все перескажетъ Князю Вишневицкому. Пылая любопытствомъ, Князь послѣшилъ къ больному; бросился опыскивать свишокъ; Опреньевъ пришворился, будто бы противился; но рукопись была уже въ рукахъ Вишневицкаго. Съ изумленіемъ прочиталъ онъ ее, и не войдя ни въ какое изслѣдованіе, повѣрилъ, или пришворился, будто бы вѣрить повѣсти Опреньева. Самозванецъ изъ хижины перешелъ въ палаты Дорожа временемъ и случаемъ, Опреньевъ

началь учисься Латинскому языку, Исторіи, стараясь пріобрѣсть и другія свѣдѣнія. Щастіе, помогавшее ему вездѣ, ознакомило его съ Княземъ Ковсшаншиномъ, роднымъ брашомъ Адама Вишневицкаго, зятемъ Сендомиренкаго Воеводы Мнишки, богатаго и сильнаго на Сеймѣ Польскомъ; къ возвышенію самозванца содѣйствовала и дочь сего Воеводы, *Марина*. — Гордость, хитрость и отважность, неприличные тому полу, который долженъ украшаться скромностію, — сіи буйныя страсти волновали сердце Марины. Надѣясь блистать на престолѣ Рускаго Царства, она отдала Ошрепьеву сердце не по любви, неизвѣстной гордости, но по тщеславію, алчущему власти и могущества. Мнишко и Вишневицкіе обѣщали сочетать Марину бракомъ тогда, когда самозванецъ достигнетъ престола. Ходатайствуя за Ошрепьева по личнымъ выгодамъ своимъ, они взяли его на *Краковскій Сеймъ*, происходившій 1603 года. Съ согласія Короля Сигизмунда, самозванецъ представленъ былъ на *Сеймъ*. Изостря свой умъ ученіемъ иностранныхъ языковъ, онъ разительнo описывалъ мнимыя бѣдствія свои. „Слезы мои,“ говорилъ онъ: „за меня предстательствуютъ;

я плачу не о себѣ, но о жребіи Царства моего, унѣсвеннаго Годуновымъ!»

Забывъ о мирѣ, недавно заключенномъ съ Россіей, *Сигизмундъ* дозволилъ, Польскимъ Вельможамъ дѣйствовать въ пользу замозванца, коимъ своей стороны обязался уступить ему Рускія области, сопредѣльныя Польшѣ. Наглый, неизвѣстный самозванецъ, возмущая два Государства, коварными грамотами обольщалъ Европейскія области, и заключилъ союзъ съ Папою *Климентомъ* Седьмымъ. Папа велѣлъ вступаться за него какъ за поборника, и резнищелъ вѣры Каплической. Удивляются уму Годунова; но умъ Опрепьева былъ еще превосходнѣе въ замыслахъ вѣроломства и коварства. Годуновъ съ величайшими пособіями не умѣлъ сохранить престола; Опрепьевъ съ малыми средствами достигъ опажныхъ предпріятій. Оба они вознеслись для того, что бы показать ничтожность замысловъ человѣческихъ.

Находясь еще въ Польшѣ, Опрепьевъ усилился помощію Донскихъ козаковъ. По словамъ лѣтописей, козаки терпѣли сильное гоненіе отъ Годунова; онъ не позволялъ имъ никуда оплутаться, и вездѣ, гдѣ встрѣчали

ихъ , перехватывали , заключали въ темницы , словомъ : во всей Руской землѣ нигдѣ не было имъ приспанища. И въ семъ случаѣ Годуновъ показалъ свою нерасчетливость, Сердца привлекають не приѣзженіемъ , но милосердіемъ. Отецъ народа никогда не доводитъ подданныхъ до той крайности, отъ которой опечесиво дѣлается не опечесивомъ. Всѣ древнія лѣтописи свидѣльствуютъ, что Годуновъ довелъ до сей крайности Донскихъ козаковъ, не означая однако причины ожесточенія его противъ нихъ.

Грозная вѣсть о самозванцѣ дошла въ Россію въ то самое время , когда область Смоленская спрадала отъ мороваго повѣтрія. Годуновъ немедленно усилилъ заставы , учрежденныя по рубежу Смоленскому, и распространилъ оныя до *Брянска*, что бы оградить Москвѣ отъ всякихъ слуховъ. Къ обличенію самозванца отправилъ онъ въ Польшу роднаго его дядю, который тщетно требуя съ нимъ свиданія , возвратился въ Москву безъ всякаго успѣха. Въ сихъ обстоятельствахъ вспомнилъ Годуновъ , что онъ года за два передъ тѣмъ приказалъ сослать Опреньева въ Соловецкую обитель; вспомнилъ, и за сію ослушность предалъ казни Дьяка

Смирнова, обвиня его въ расточеніи казны государственной. Не довѣряя ничему и всего опасаясь, Годуновъ занялся ничтожными мѣрами тогда, когда нужны были мѣры рѣшительныя. Ему бы надлежало торжественно объявить предъ появившуюся опасность; но хитрикъ не можетъ дѣйствовать съ откровенностью, приличною законному Государю. Годуновъ въ сіе время не способенъ былъ разсуждать. Во глубинѣ смущенной совѣсти, слыша вопль невинно пролитой крови и предчувствуя казнь Небесную, онъ объялся страхомъ и недоумѣніемъ.

Совокупясь съ Липовцами и Черкесами, Отрепьевъ вступилъ въ Украинскіе предѣлы. Здѣсь должно припомнить, что 1593 года Украина обвиняла Годунова къ призыву Крымскихъ Татаръ къ Москвѣ. Мешая за сію молву, Годуновъ гналъ и предавалъ казнямъ Украинскихъ жителей. Въ ослѣпленномъ властолюбіи, онъ самъ вооружалъ противъ себя народъ. *Татищевъ* замѣчаетъ, что не Отрепьевъ, но злоба и властолюбіе Годунова причинили его гибель. Непавидя властолюбца, Рускіе предались самозванцу. Любовь и приверженность народная суть надежнѣйшія стражи Царствъ и Царей.

Едва самозванецъ подступилъ къ Чернигову, всѣ жители къ нему преклонились. Мужество Князя Татееа, рѣшившагося или отразить Опрепьева, или умереть, было бесполезно. Изъ Путилы прибыли къ самозванцу послы; вскорѣ предались ему всѣ города Украинскіе. Усиля войско новыми приверженцами, Опрепьевъ поспѣшилъ къ Новгороду-Сѣвѣрску, гдѣ встрѣтилъ сильный отпоръ отъ Воеводъ: Князя Трубецкаго и Басманова.

Между тѣмъ, какъ Воеводы Рускіе съ переменнымъ счастьемъ сражались съ самозванцемъ; градоначальники, предававшіеся Опрепьеву, восклицали: *Мы хотимъ служить природному Государю!* Въ сіе время очевидно уже свирѣпствовало волненіе умовъ. Годуновъ рѣшился наконецъ сдѣлать воззваніе къ народу.

„Явное и праведное Божіе наказаніе за грѣхи наши,“ вѣщаль указъ: „посыгло насъ. Всѣмъ извѣстный чернецъ, бывшій сынъ Боярскій, по прозванію Опрепьевъ, бѣжавъ въ Польшу, наименовалъ себя Царевичемъ Димитріемъ, хотя Царевичъ скончался въ Угличѣ по приключенію. — Самозванецъ какъ яроспный левъ, идетъ на разореніе Россіи; обольсша Короля Польскаго и Липовскаго, согла-

сая съ давними ненавистниками Россіи, онъ хочеть похитить Царство Руское и ниспровергнуть Вѣру православную. Уже имя его проклинается въ церквахъ и на площадяхъ. Войска наши оскудѣли: одни предались самозванцу, другія отъ долговременныхъ походовъ изнурились, разорились и разошлись по домамъ. Многіе владѣльцы великихъ помѣстій и еопчинъ ни сами не служатъ, ни служителейъ своихъ не посылають и живутъ по домамъ, не мысля ни о Вѣрѣ, ни о злополучіи Отечества. Не такъ было въ прежнія времена! Тогда не только служители монастырскіе, но и старцы, и священники, и діаконы многочисленными сонмами ополчались на иноплемениковъ; защищая Вѣру, они не щадили ни жизни, ни крови. И мы повелѣваемъ, что бы весь санъ духовный возспалъ на оборону Олтарей Божіихъ. Уже люди господскіе спѣшаютъ съ оружіемъ и съ запасами въ Калугу къ Боярамъ и Воеводамъ. Пусть останутся въ домахъ одни немощные, неспособные поднять оружія; всѣмъ же другимъ ослушникамъ угрожаемъ гнѣвомъ и казнію.“

Угрожая другимъ гнѣвомъ и казнію, Годуновъ самъ чувствовалъ уже всю тягость гнѣва Небеснаго и весь ужасъ, предстоявшей

ему, казни. Ни дальновидность, ни происки коварства, ни что ему не помогало: предпримчивый умъ его исчезъ вмѣстѣ съ счастьемъ.

Поражаясь непрестанными вѣспями о быстрыхъ успѣхахъ самозванца, Годуновъ умеръ скоропостижно 1604 года, обладавъ пресноломъ семь лѣтъ съ половиною. О смерти его повѣствуютъ различно. Одни говорятъ, что онъ оправленъ тѣмъ самымъ Петромъ *Басмановымъ*, котораго за мужественную оборону Новгорода - Сѣверска осыпалъ дарами, почестями и сдѣлалъ своимъ наперсникомъ. Другіе утверждаютъ, что послѣ объда, ощутивъ нестерпимую внутреннюю боль, прожилъ только три часа; вѣроятно же всего, что волненія душевныя и угрызения совѣсти свели его въ гробъ преждевременно.

Годуновъ имѣлъ все, кромѣ добродѣтели, прошивоборствующей обольщенію счастья и властолюбія. Онъ былъ отцемъ прелестнаго семейства; онъ могъ бы наслаждаться мирнымъ домашнимъ благополучіемъ; но заглуша природу порывами тщеславія, онъ погубилъ семейство свое. По способностямъ ума, онъ бы могъ быть полезнымъ сыномъ Отечества; но ослѣпясь властолюбіемъ и алча

Быть родоначальникомъ новаго поколѣнія, онъ самъ изрылъ пропасть, въ которую низвергся съ высоты похищеннаго престола. Истинный умъ не снимаетъ узду съ сира-сней, но сиремлевію ихъ полагаетъ преграды. Кто любитъ Отечество, кто дорожитъ жребіемъ людей, тотъ не захочетъ для суетнаго тщеславія возмущать общество происками властолюбія. Добродѣтель находитъ счастье и въ неизвѣстности; порочная совѣсть возмущается и въ чертогахъ и въ вѣнцѣ владычества.

ОСЬМИЛѢТНЕЕ ЗЛОКЛЮЧЕНІЕ РОССІИ

Отъ 1604 до 1613 года.

Кровь убіеннаго Царевича Димитрія обратилась на главу убійцы его; владычество Годунова разрушилось ничтожнымъ самозванцемъ. Въ продолженіи осьми лѣтъ грозныя бури шумѣли и возмущали внутренность Россіи. Борисъ Годуновъ былъ первымъ виновникомъ сихъ бурь и мятежей, Властолюбивые его происки и другихъ обольстили властолюбіемъ. Истребленіе послѣдней отрасли древняго Царскаго рода возродило самозванство.

Феодоръ Борисовичъ, сынъ Годунова, въ самой цвѣтущей юности вступилъ на престолъ, или лучше сказать провозглашенъ былъ Царемъ нѣсколькими Боярами. Для удержанія въ вѣрности полки, отряженные противъ самозванца, отправленъ былъ Новгородскій Митрополитъ *Исидоръ*. Убѣжденія не подѣйствовали; самозванецъ уловлялъ сердца приманками корысти и блескомъ почестей. Войско его усиливалось измѣною полковъ.

Къ успѣхамъ измѣны особенно содѣйствовалъ *Петръ Басмановъ*, первый наперсникъ Годунова и опличившійся защищеніемъ Новгорода Сѣверска отъ нападеній самозванца. Юный *Феодоръ* и мать его надѣясь, что за благодѣянія Годунова, *Басмановъ* будетъ ихъ защитникомъ, послали его вмѣстѣ съ *Исидоромъ*. *Басмановъ* устами клялся въ вѣрности, а въ сердцѣ умышлялъ пагубу сына и матери. Обольстясь быстрымъ возвышеніемъ, онъ захотѣлъ еще болѣе возвыситься. Въ то же время отъ города *Кромъ*, гдѣ была гласная Руская сила, потребовали Князя *Мстиславскаго* и Князей *Василія* и *Димитрія Шуйскаго*. Отзывъ сихъ Бояръ и отправленіе въ *Кромъ* *Басманова*, ускори-

ли паденіе юнаго Царя. Басмановъ внуша подозрѣніе къ Мспиславскому и Шуйскимъ, заставилъ ихъ опозвать, чтобы вадежнѣе совершить умыселъ свой.

Между тѣмъ, когда Митрополитъ Исидоръ приводилъ полки къ присягѣ, когда многіе отъ чистаго сердца цѣловали крестъ; между тѣмъ нашлись и предатели, поощренные Басмановымъ къ измѣнѣ. Бояръ, приверженныхъ *Феодору*, начали захватывать, вязать и ссылать. Одинъ изъ соучастниковъ измѣны далъ нарочно себя связать, показывая, будто бы онъ не сообщникъ Басманова, и что бы тайными происками дѣйствовать въ пользу самозванца. По сему случаю лѣтописи говорятъ: *Хотя и утаимъ замыслы наши отъ людей, но не утаимъ ихъ отъ Бога*. Коварство всегда изобличается, и мрачный гробъ не скрываетъ предательства. Дѣла остаются или къ славѣ, или къ позору.

Въ буряхъ общественныхъ и государственныхъ явиѣе всего ознаменовываются умыслы злодѣйства и подвиги добродѣтели. Великодушная вѣрность топова всѣмъ жертвовать къ сохраненію совѣсти и Вѣры. Многіе изъ воиновъ, оживляясь симъ чувстvomъ

ніамъ, бросили всё свои пожитки, и, по словамъ лѣтописей, бѣжали только тѣломъ и душою.

Искатели почестей и рабы корысти поспѣшили въ Путиль къ самозванцу присягать въ мнимой вѣрности. Многіе присягали къ нему, дѣйствительно полагая, что онъ попомокъ Рускихъ Царей. Приверженность Рускихъ къ природнымъ Государямъ непосредственно участвовала въ успѣхахъ Лжедмитрія. Съ истребленіемъ послѣдней отрасли древняго Царскаго поколѣнія, Годуновъ не истребилъ сей приверженности. Хотя онъ и похитилъ вѣнецъ, но въ немъ видѣли не Царя законнаго, а убійцу Дмитрія. Вотъ отъ чего воспослѣдовало скоропостижное колебаніе умовъ при первой молвѣ о мнимомъ Царевичѣ. Войско не знало защищать ли хищника престола, или вступить за того, кто выдавалъ себя за сына Государя природнаго?

Вскорѣ многіе убѣдились, что они предались не Царевичу Дмитрію, но Гришкѣ Отрепьеву. Они плакали и раскаявались; но скорбь и сѣтованіе не помогали: время было упущено. Усилясь предательствомъ, самозванецъ двинулся къ Москвѣ. Въ Орлѣ всё прошивъ:

ники злодѣйства пострадали; къ возмущенію же Московскихъ жителей, Лжедмитрій отправилъ своихъ сообщниковъ, которые прибывъ въ *Красное село*, обольщили поселянъ, позволяя имъ разграбить дома и имущество бояръ, приверженныхъ къ наследнику Годунова. Легкомысленные просполудимы, не умѣя вникать въ обстоятельства, легко обольщаясь мгновенными приманками. *Красносельцы* буйными скопищами повеслись къ Москвѣ. Отправленная противъ ихъ стража оробѣла и обратилась въ бѣгство. *Десницѣ Божіей*, говорили предки наши: никто не можетъ противустать. Волнуясь страхомъ и невѣдѣніемъ, Московскіе жители усиливали *Красносельцевъ*. Патриархъ Іовъ немедленно поспѣшилъ къ мятежникамъ, неустрашимо укорялъ ихъ и убѣждалъ въ Вѣрѣ и сѣрности. Вопли бунтовщиковъ и членіе самозванцовыхъ грамотъ заглушали голосъ его. Лжедмитрій нареченъ Царемъ. Начались грабежи и неисповѣдства. Злополучное семейство Годунова перевели изъ Царскихъ палатъ въ прежній его домъ, гдѣ могъ бы наслаждаться мирнымъ щастіемъ и гдѣ властолюбіемъ своимъ пригошовилъ гибель супругѣ, сыну и дочери.

Торжество и злодѣянїя Лжедмитрія часъ
отъ часу умножались. Изъ окрестностей
Тулы отправилъ онъ сообщниковъ своихъ
умертвить семейство Годунова и низвер-
гнуть Патріарха Іова. Въ сіи злополучные
часы Іовъ ощутилъ всю ничтожность замы-
словъ человѣческихъ. Злодѣи срывають съ
него облаченіе Патріаршее; Іовъ беретъ па-
нагію, идетъ въ Успенскій Соборъ и со сле-
зами обращается къ Образу Божіей Матери.
„Сїя панагія,“ восклицаетъ онъ: „и санъ свя-
щенительскій возложены на меня недостойнаго
во храмъ Твоемъ у Образа Твоего. Десять
лѣтъ въ хвалу Сына Твоего ревностно соблю-
далъ я Вѣру. Нынѣ угрожаетъ ей гибель;
нынѣ возстаютъ на насъ нечестивцы. Молю
Тебя со слезами, предстательствуй на небе-
сахъ, да сохранишься непоколебимо Вѣра пра-
вославная!“ Съ рыданіемъ и со слезами Іовъ
возлагаетъ панагію у Образа Божіей Матери
и повергается вѣдъ Нимъ. Злодѣи силою его
поднимають, выводятъ изъ храма, надѣвають
бѣдную старческую одежду, сажаютъ на шѣ-
легу и отправляютъ въ Старицу, въ обитель
Пресвятыя Богородицы.

Захвативъ родственниковъ Годунова , сослали въ дальные города и предали ихъ казни. Лютейшій ударъ ожидалъ его семейство. Слыша повсемѣстные вопли буйства , мать , дочь и сынъ предчувствовали бѣдственный свой жребій. Убійцы вбѣжали къ нимъ , разлучили злополучныя жершвы , развели по разнымъ компанамъ ; они лишили ихъ даже и той отрады , что бы въ послѣднее мгновеніе насладиться послѣдними возрѣніями нѣжности и любви. *Марія* , супруга Годунова , немедленно предана смерти. Юный *Феодоръ* съ крѣпостию исполинской ошибивался ошъ четырехъ палачей ; наконецъ отъ лютоств ихъ изнемогъ. *Шестъ* только недѣль назывался онъ *Царемъ* : взглянулъ на престолъ и сошелъ во гробъ ! Невинность и прелести *Ксеніи* обезоружили убійцъ ; они не лишили ее жизни , что бы испытала она всѣ бѣдствія и все бремя позора. . . .

Какой урокъ для властолюбцевъ ! Какой урокъ для всѣхъ опцевъ , кошорые основываютъ щастіе дѣшей на замыслахъ ищеславія ! Властолюбецъ Годуновъ готовилъ сына своего въ наслѣдники престола , въ преемни-

ки новаго Царскаго поколѣнія ; цѣлые годы дѣйствоваль онъ къ достиженію сей цѣли ; и одинъ мигъ все разстроилъ , все уничтожилъ !

Л Ж Е Д М И Т Р І Й.

Отъ 20 Іюня 1604 до 1606 года.

Получа вѣсть о убіеніи Феодора и матери его , самозванецъ поспѣшилъ изъ Тулы, и пройдя Серпуховъ, остановился въ Коломенскомъ. Власти духовныя , Болре и народъ встрѣтили его , какъ Царя. Въ радостномъ восторгѣ двинулся онъ къ престольному граду. День былъ прекрасный , солнце сіяло въ полномъ блескѣ , сонмы народныя повсюду шѣснились. Но едва приближился самозванецъ къ Лобному мѣсту, гдѣ ожидали его со крестами , вдругъ зашумѣлъ вихрь и сбилъ съ коней нѣкоторые изъ провожатыхъ его. Оробѣвшій народъ успокоился , видя , что нареченный Царь пошелъ обходить храмы Божіи и прикладывался къ Образамъ. Пришворство вскорѣ изобличилось. Поляки , сопровождавшіе Лжедмитрія , нагло самовольствуя , съ звономъ колокольнымъ смѣшивали звуки трубъ и стукъ барабановъ. Сіе буй-

ство, сей развратъ сильнѣе внезапнаго волненія природы возмутили сердца Московскихъ жишелей. Мечпа разсѣялась, развратъ сорвалъ личину съ коварнаго злодѣя: многіе въ мнимомъ Царевичѣ увидѣли самозванца.

Въ тошъ же день неистовый Лжедмитрій принесъ *Ксенію* въ жерпву любострасніа своего и сослалъ ее во Владимиръ въ *дѣвичій монастырь*. Злополучіе *Ксеніи* началось съ воцареніемъ властолюбиваго ея опца. Домогаясь возвеличить имя свое повсемѣстно, онъ обручилъ ее Датскому Королевичу *Іоанну*, котораго вскорѣ возненавидѣлъ за любовь къ нему жишелей Московскихъ. Съ кончиной жениха *Ксеніи* кончилось щасіе ея жизни; палачи Лжедмитрія пощадили ее; но сей извергъ, не уважавшій ни Бога, ни Вѣры, не уважилъ и добродѣтели, украшавшей *Ксенію*. Въ стѣнахъ мирной обители жизнь ея угасла въ скорби и слезахъ. *Ксенія* встрѣтила смерть безъ ужаса, безъ содроганія: за спраданія земныя ожидала она награды въ Небесахъ.

Хотя *Опрещевъ* обѣщаль *Панѣ* пристать къ паствѣ его, но при всей наглости своей не смѣлъ еще на то вдругъ отважиться. Между

тѣмъ провѣдавъ , что Рязанскій Архієпископъ *Игнатій* , уроженецъ Греческій и бывшій *Кипрскимъ* Епископомъ , готовъ для мірской славы жертвовать Вѣрой и душою , онъ призвалъ его и изъ рукъ сего малодушнаго пастыря принялъ Царскій вѣнецъ ,

Польскій Король , покровитель *Лжедмитрія* , отправилъ къ нему посломъ *Александра Гассевскаго*. Въ тайномъ свиданіи съ *Растрогою*, *Гассевской* сказалъ ему; „Король нашъ мыслилъ , что не толико достоинъ похвалы , кто , начавъ что нибудь , не кончилъ ; но толико , кто совершаетъ предприятие. *Сигизмундъ* началъ тебѣ помогать ; онъ хочетъ и утвердить твой престолъ. Король нашъ извѣщаетъ тебя , какъ любимаго своего брата , что на рубежахъ *Литовскихъ* появился недавно Руской выходецъ , называющій себя *Алешкою*. Услыша о распускаемой имъ молвъ , Король призвалъ его къ себѣ , и *Алешка* объявилъ , что онъ иностранецъ ; что привезенъ въ Москву въ малолѣтствѣ ; что *Годуновъ* былъ его восприемникомъ тогда еще , когда былъ правителемъ Государства ; наконецъ открылъ , что вмѣсто *Годунова* отправленъ ядомъ другой и погребенъ въ *Архангельскомъ* Соборѣ ; а что самъ *Годуновъ* , захватя ,

сколько можно было, золота и драгоценных камней, бѣжалъ въ Англію. Но ты ничего не опасайся; Король нашъ будетъ всегда неуспыннымъ блюстителемъ пользы твоихъ; не нарушай только никогда съ нимъ союза и будь вратомъ его враговъ.“

При самомъ похищеніи вѣнца и престола, самозванецъ поработился боязни и подозрѣнію. Въ Англіи спрашился онъ вымышленнаго укрывательства Годунова, въ Россіи опасался свидѣтелей, могущихъ его обличить; въ совѣсти своей спрашился самаго себя. Уже голосъ людей праводушныхъ доходилъ въ Царскіе чертоги, возмущалъ шумныя, развратныя пиршества и заставлялъ Димитрія пренебрегать среди многочисленной стражи. Къ укрощенію сомнѣнія, начинавшаго часъ отъ часу болѣе волновать умы народные, самозванецъ отправилъ на *Бѣло-Озеро* нарочныхъ за матерью Царевича Димитрія. Вѣроятно, что онъ кому нибудь изъ повѣренныхъ своихъ приказалъ ее приготовить къ свиданію съ нимъ. Злодѣи не имѣютъ друзей; но у нихъ есть рабы, продающіе себя за блескъ золота и почестей. Сіи рабы могли и успѣли обольстить Царицу Марфу. Услы-

ша о приближеніи ея, Ошрепьевъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу въ село *Тайнинское*. Пораженная великолѣпною встрѣчею и ослѣпясь счастьемъ, внезапно ей польстившимъ, Царица рѣшилась назваться матерью *Царя-саломеицы*. Съ радостными слезами прижала она Ошрепьева къ сердцу, какъ сына. Можешь быть, сію чувство возбуждилось въ ней и сходствомъ его съ Царевичемъ Димитріемъ; оно было первою причиною дерзновеннаго его предпріятія. Ошрепьевъ проводилъ мнимую свою мать въ кельи, приготовленныя въ Вознесенскомъ монастырѣ, и воздавалъ ей всѣ почести, приличныя матери и Царицѣ.

Тщешно расприга избралъ себѣ мнимую мать! Родная его мать и всѣ Галицкіе жители изобличали самозванца явно и безспрашно. Примѣру великодушной матери послѣдовали сынъ ея, братъ *расприги*, и дядя его Смирной *Ошрепьевъ*. Сей добродѣтельный родственникъ, желавшій лучше пострадать за Вѣру и Отечество, нежели быть сообщникомъ злодѣя, подвергся изшязаніемъ и сосланъ былъ въ Сибирь.

Казни и страхъ не удерживаютъ рвенія сердечнаго. Вскорѣ явились новые страдалы-

цы за Вѣру и за правду. Петръ Тургеневъ и Федоръ Калаченинъ, нося Боярской санъ не по одному имени, но и по душевнымъ качествамъ, торжественно назвали Отрепьева самозванцемъ. Ихъ предали пылкѣ. Въ лютыхъ изпязаніяхъ они вѣщали палачамъ: „Сегодня вы насъ пытаете, а завтра, можетъ быть, васъ будутъ пытатъ.“ Пришедъ на мѣсто казни и безтрепѣтно взирая на смертоносныя орудія, они возопили къ народу: „Вы приняли нечестиваго самозванца; вы присягнули расприѣ, воцаренному предательствомъ и злоумышленіемъ. Вскорѣ разрушитъ онъ законъ опцевъ нашихъ; вскорѣ уразумѣете наши слова. Богъ не потерпитъ злодѣя; но да отвратитъ онъ отъ васъ смерть и гибель!“ Съ симъ великодушнымъ желаніемъ пролилась ихъ кровь; но съ жизнію ихъ не пресѣклась слава, увѣнчающая защитниковъ Вѣры и правоты.

Въ сіе бѣдственное время для Россіи, но достопамятное испытаніемъ извердости душевной, воссталъ противъ самозванца Князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьями своими. Они рѣшились или низвергнуть самозванца, или умереть за Вѣру и Отечество. Узнавъ о предпріятіи семъ онъ при-

верженцевъ своихъ, Ошрепьевъ созвалъ не *Боярскую* *дулу*, но скликалъ прослѣдителей, во всемъ пошавшихъ ему. По приговору сего новоучрежденнаго совѣща, онъ велѣлъ захватить Шуйскихъ и заключить ихъ въ темницы. Князь Василій Шуйскій приговоренъ былъ къ смертной казни; уже сѣкира блистала надъ главою его, но по необходимости опредѣленію судьбы Небесныхъ онъ спасенъ ходатайствомъ мнимой матери самозванца; спасенъ для того, что бы низвергнуть изверга. Шуйскіе сосланы были въ Галицкіе предѣлы и заключены тамъ въ темницы.

Патріархъ *Игнатій*, служа не Богу, но самозванцу, уговорилъ духовныхъ и Бояръ подписать грамоту, отправляемую къ Сandomирскому Воеводѣ *Мнишкѣ*, для изпрошенія дочери его въ жены Ошрепьева. Нѣкоторые изъ духовныхъ знали, что онъ ничтожный самозванецъ; но не устыдились называть его сыномъ Іоанна Грознаго. Въ то время, когда Руской посолъ прибылъ въ Польшу, Король Сигизмундъ сочетался бракомъ съ Эрцгерцогинею *Констанціею*. По сему случаю съѣхались въ Краковъ множество Дворянъ и Вельможъ. Въ присутствіи ихъ и самаго Короля воспослѣдовалъ обрядъ обрученія Ру-

скаго посла съ Мариной. Отецъ ея Мишкино восхищался мыслию, что родъ его возвысился союзомъ съ самозванцемъ. Надѣясь подыменемъ зятя своего владычествовать въ Россіи, онъ поспѣшилъ въ Москву съ дочерью въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ оруженосцевъ. Высокомѣрный Ссндомирскій Боевода принадлежалъ къ числу опцевъ, готовыхъ жертвовать щастіемъ дѣшей суетному блеску и мнимымъ расчетамъ тщеславія. Какъ будто бы въ предвѣстіе жребія, ожидавшаго Мишку въ Москву, ему опвели домъ Годунова. Постоемъ стражи его утѣснились не только дома гражданъ, но и обиталища духовныхъ. Развратъ и неистовство возмутили мирные домашніе кровы Московскихъ жишелей. Джедмишрій, не могши себя ограждать сердцами, окружился грозною иноземною стражей, сопровождавшей его повсюду въ блестящихъ доспѣхахъ и съ различнымъ оружіемъ. Надѣясь обезсилить и оковать души развратомъ, онъ дозволилъ играть и обманываться въ карты, не только въ частныхъ домахъ, но и въ Царскихъ Палаіпахъ. Онъ приказалъ Боярамъ и простолюдимамъ ходить по улицамъ въ нарядныхъ одеждахъ. Онъ хотѣлъ, что бы блескъ и шумныя шир-

шества истребили напоминаніе о самозванцѣ. Нашлись несчастные корыстолюбцы, которые во дни общаго злополучія радовались, что выгодно продають свои шовары. Но въ то же время многіе скорбѣли, видя, что иноземные оруженосцы дерзновенно входя въ храмы Господніи, облакачивались на гробы чудотворцевъ *Петра* и *Іоны*, смѣялись и кощунствовали, не помня ни Бога, ни себя.

Послѣ брака самозванца съ *Мариною*, развратъ еще усилился. Въ буйспивенномъ тщеславіи повелѣлъ онъ именовать себя *непобѣдимымъ* и *величайшимъ* изъ Царей. Гнушаясь развратомъ и гордыней самозванца, Дьякъ *Тимоѣй Осиповъ*, изъ сословія Боярскаго, вознамѣрясь изобличить *Отрепьева* во всѣхъ его неистовствахъ, приготовился къ сему подвигу постомъ, молитвою и причащеніемъ Святыхъ Таинъ. Укрѣпясь Вѣрою, онъ вошелъ въ Царскія палаты, прорвался сквозь стражу, окружавшую самозванца, и воскликнулъ: „Ты не Царь непобѣдимый, ты не сынъ Царскій; ты рабъ нечестія и врагъ Отечества!“ Плача и рыданиемъ и яростию, самозванецъ немедленно предалъ казни великодушнаго Дьяка *Тимоѣя Осипова*.

Ни въ одномъ изъ старинныхъ , ни изъ новѣйшихъ лѣтописцевъ не сказано , какимъ образомъ Князья Шуйскіе освободились изъ заключенія и прибыли въ Москву. Но изъ всѣхъ преданій несомнѣнно явствуетъ , что по прибытіи Князей Шуйскихъ въ Москву , все уже готово было къ общему возстанію. Повсемѣстная носилась молва , что самозванецъ , подъ предлогомъ учреждаемаго праздника въ Кремль , для торжествованія женибды своей , намѣренъ привлечь Бояръ , народъ и стрѣлять по нимъ изъ пушекъ. Не Рускіе обычаи, презрѣніе обрядовъ Вѣры, наглые поступки оруженосцевъ, все сіе часъ отъ часу болѣе раздражало народъ и воспламеняло праведнымъ мщеніемъ. Пользуясь сими обстоятельствами, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій за два дни до праздника , долженствовавшаго ознаменоваться смертію и гибелью Россіянъ , Шуйскій ночью созвалъ къ себѣ родственниковъ, друзей и вѣрныхъ служителей. „Друзья!“ сказалъ онъ : „Каждый день, каждый часъ мы видимъ наглое презрѣніе Лжедмитріа къ Вѣрѣ праотеческой. Онъ пришелъ на пугубу Москвы и Россіи; а мы, призвавъ на помощь Бога , подвигнемся къ спасенію Отечества. Сообщники самозванца

своевольствуютъ ; иноплемennыя тѣлохрани-
тели посягають на жизнь Россіянъ : чего
намъ ожидать? Оковъ и казней! Вооружимся,
испребимъ врага Вѣры и губителя Россіи.“

Рвеніе Шуйскаго воспламенило сердца и
души. Всѣ вооружились, всѣ устремились
за Княземъ Василиемъ, державшимъ въ одной
рукѣ крестъ, а въ другой мечъ. Къ муже-
свенной его дружинѣ прислаивали повсюду
соумы народа. Съ двадцатью, или пятнад-
цатью тысячами вошелъ онъ въ Кремль. Съ
восходящимъ солнцемъ, въ день семнадцатаго
Мая, раздался звонъ набатный. *Басмановъ*,
наперсникъ самозванца, почелъ сей звонъ въ-
стїю пожара ; но въ сердцѣ *Лжедмитрія*
озвучался онъ въстїю смертной гибели.
Онъ хочетъ защищаться, но тщетно ! *Ба-*
смановъ уже убитъ. Самозванецъ, лишась рев-
ностнѣйшаго своего сообщника, въ лютомъ
отчаяніи и въ ужасѣ бросается изъ окна.
Поврежденная нога препятствуетъ ему бѣ-
жать. На волю его уснаряются къ нему
нѣсколько иноземныхъ ратниковъ и сирѣль-
цовъ. Они хотять его защищать, и на убѣж-
денія Князя Шуйскаго и Бояръ отвѣчаютъ :
„Пусть Царица мать его объявитъ, что онъ
не сынъ ея.“ Шуйскій спѣшилъ въ Возне-

сенскій монастырь, извѣщаетъ Царицу, что противъ самозванца возсталъ народъ, рѣшившійся опомститься за поруганіе Вѣры и Отечества. „Твое присутствіе,“ прибавляетъ Шуйскій: „предупредитъ кровопролитіе. Погибнетъ одинъ только Лжедмитрій.“ Царица является съ Шуйскимъ на Красной площади, и вопіетъ къ защитникамъ самозванца: „Я не знаю сего нечестивца; винюсь предъ Богомъ и людьми, что я отъ страха назвала его сыномъ.“ Сіи слова опредѣлили казнь Лжедмитрія. Въ упоеніи высокомерія, во дни скоротечнаго своего торжества онъ увѣрялъ, что будетъ царствовать *тридцать три года*. вмѣсто того провелъ одинъ только годъ на похищенномъ престолѣ и погибъ въ одно мгновеніе. Къ убѣжденію народа, что самозванецъ казненъ, тѣло его три дни лежало на Лобномъ мѣстѣ. Ошшуда перенесли свое на ту дорогу, по которой вошелъ въ Москву (*), сожгли, и прахъ развеяли. Такъ исчезъ самозванецъ, вѣщавшій въ грамотахъ своихъ, будто бы самъ Богъ возсѣлъ его на престолъ прародительскій.

(*) Въ Котлы.

Торжествующее злодѣйство часто держитъ клеветашъ на Провидѣніе; но падая съ высоты міновеннаго могущества, обнаруживаешь коварство свое.

СОСТОЯНІЕ РОССИИ СО ВРЕМЕНИ САМОВОЛЬНОГО НАРѢЧЕНІЯ ЦАРЕМЪ КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКАГО ДО ТРЕХЪ - ЛѢТНЯГО МЕЖДУЦАРСТВІЯ,

то есть, отъ 1606 до 1610 года.

На четвертый день, по убіеніи Ажедмитрія, нѣсколько придворныхъ Бояръ нарекли Царемъ Князя Василія Ивановича *Шуйскаго*; не сносаясь о томъ ни съ Боярами, ни съ народомъ. Съ сего времени *разномысліе* раздѣлило и возмутило Россію. Возстало междоусобіе; братья ополчились на братьевъ; соотечественники не щадили жизни соотечественниковъ; нивы поросли терніемъ; деревни и села опустѣли; вооруженныя толпы; непрестанно скипавшіяся, иреяшествовали мирнымъ трудамъ земледѣльцевъ и сами изнемогали отъ голода. Обольщаясь прибыткомъ и корыстію; повергались въ нищету, лишаясь даже послѣдней одежды. Междоусо-

біе свирѣпствовало въ Украинскихъ городахъ, сопредѣльныхъ Крыму; пламя домашнихъ раздоровъ разливалось въ предѣлахъ Рязанскихъ, Смоленскихъ, во Ржевѣ, въ Великихъ Лукахъ, въ Новгородѣ, во Псковѣ, въ Ивангородѣ. *Сѣверскіе* Польскіе города разорялись ошъ войска, посылаемаго Царемъ Василиемъ, и ошъ внушрѣйнихъ раздоровъ. Крымскіе, Нагайскіе Таттары и Черкесы вторгались въ области Рускія, захватывали спада и вмѣстѣ съ ними гнали въ плѣнъ жителей Россіи. Самозванцы непрестанно появлялись; Поляки, поймавшіе ихъ, разоряли области Московскія и простирали опустошеніе за Волгу.

21 Мая 1606 года Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, принадлежавшій къ поколѣнію Князей *Суздальскихъ*, наречень Царемъ самовольнымъ приговоромъ приверженцевъ своихъ. Съ Лобнаго мѣста пошелъ онъ въ Успенскій Соборъ и подобно Борису Годунову, нарушая древніе обычаи, предъ олтарями священными произнесъ слѣдующую рѣчь: „Клянусь, что безъ суда не причиню никому никакой обиды; за преступленіе отца не буду наказывать сына; за вину сыновнюю не взыщу съ отца. За обиды, учиненныя мнѣ при Годуновѣ, клянусь не мстити никому.“ При

сихъ словахъ Бояре и народъ возопили : „Не
 клянись ! Сего не было никогда въ землѣ Ру-
 ской!“ Вопреки общему сопротивленію, Шуй-
 скій запечаталъ рѣчь свою крестнымъ цѣ-
 лованіемъ. Бояре и Московскіе жители при-
 сягнули ему, хотя ни одинъ изъ Рускихъ го-
 родовъ ничего не вѣдалъ. По приваѣи уже
 вѣнца изъ рукъ Казанскаго Митрополита
 Гермогена, новый Царь разослалъ по горо-
 дамъ вѣсть о вступленіи своемъ на престолъ.
Игнатій, сообщникъ Лжедмитрія заключенъ
 былъ въ Чудовъ монастырь; вмѣсто его
 поставленъ въ Патріархи Гермогенъ.

Стражу Липовскую отвели на Посольскій
 дворъ ; *Мнишку* и дочь его *Марину* выслали
 изъ Москвы. За нѣсколько блестящихъ дней
 подверглись они долговременнымъ бѣдствіямъ.
 Въ то же время Царь Василій отправилъ по-
 словъ въ Польшу съ извѣстіемъ о казни Лже-
 дмитрія ; послы не получили никакого отвѣ-
 та ни отъ Короля , ни отъ Вельможъ , воз-
 негодовавшихъ за то , что не могли болѣе
 вредить Россіи посредствомъ приверженца
 своего Лжедмитрія.

Но Царь Василій самъ возжегъ новыя мя-
 тежи и раздоры. Легкомысленно поклявшись,
 что не будешь мстить никому изъ личныхъ

своихъ враговъ, онъ нарушилъ сію клятву и у многихъ Бояръ и чиновниковъ опьялялъ помястья и вопчины. Притѣсненіе возбуждаеиъ мщеніе. Немедленно разнеслась вѣсть по городамъ Украинскимъ, что Лжедмитрій живъ, а вмѣсто его убитъ иноземець, похожій лицомъ на самозванца. Князь Шаховской, Пущимльскій Воевода, первой отложилъ отъ Царя Василья, увѣряя жищелей Пущимля, что Царь Димитрій отъ гоненія своихъ враговъ укрывается въ мѣстахъ неизвѣстныхъ. Сія молва возмутила Пущимль, Дмитровъ, Черниговъ, Стародубъ и Новгородъ - Сѣверскъ.

Къ прекращенію междоусобной брани, Царь Василій приказалъ перенести въ Москву Мощи Царевича Димитрія и положить оныя въ Архангельскомъ Соборѣ. При семъ священномъ торжествѣ находился и Филаретъ, говимый Годуновымъ, и спасенный Богомъ къ щастію Россіи.

По пренесеніи Мощей Царевича Димитрія изъ Углича въ Москву, многіе спрадальцы, одержимые недугами и пришекавшіе съ вѣрою къ ракъ его, получали исцѣленіе; но волненіе страстей не укрощалось. Не внемля ни грамотамъ, ни спасительнымъ увѣщаніямъ, алча

корысти и грабительства, мятежники буйствовали и учинялись жертьюю своеволия.

Въ сіе время прахъ Годунова, супруги и сына его ~~перемѣщенъ~~ ^{и погребенъ} ~~былъ~~ ^{всѣмъ} въ Троицкую обишель.

Между тѣмъ свирѣпствовалъ уже новый самозванецъ, возникшій еще при Опрепьевѣ. Терскіе козаки, негодуя на Лжедмитрія, называли Петромъ Царевичемъ Илью Васильевского, слугу Елагина. Они распустили молву, будто бы сей мнимый царевичъ родился 1592 года и подмѣненъ другимъ младенцемъ, названнымъ Θεодосіей, которая вскорѣ потомъ скончалась. При самомъ нареченіи самозванца, они хотѣли его выдать Опрепьеву, надѣясь получить награду. Они уже поплыли Волгою съ плѣнникомъ своимъ; но услыша о казни Лжедмитрія, возвратились назадъ. До самаго Царицына злодѣи распространили грабежи, разореніе, убивали многихъ Бояръ и вмѣстѣ съ самозванцемъ пошли зимовать на Донъ.

Ядъ разврата быстро разливается и заражаетъ души. Зависть и корыстолюбіе заглушаютъ голосъ совѣсти и Вѣры. Зашумѣла новая буря; взволновались люди Боярскіе и крестьяне. Усились помощію посадскихъ

Украинскихъ людей, стрѣльцовъ и козаковъ, они разграбляли дома и имущества Бояръ, заключали ихъ въ темницы и умерщвляли. Главою сихъ скопищъ былъ *Иванъ Болотниковъ*, слуга Князя *Телятевскаго*. Съ буйными толпами устремился онъ къ *Кромамъ*; малодушные Воеводы и войско, стоявшіе подъ *Ельцемъ*, услыша о возмущеніи, отступили къ *Москвѣ*. Большая часть воиновъ разошлись по домамъ; Царь *Василій* съ малымъ числомъ ратныхъ людей находился въ *Москвѣ*.

Пользуясь измѣною *Рязани* и другихъ городовъ, мятежникъ *Болотниковъ* приблизился къ *Москвѣ* и остановился въ селѣ *Коломенскомъ*. Къ умноженію общихъ бѣдствій, *Аспраханъ* волновалась неустройствами; Боярскіе слуги и крестьяне беспокоили *Нижній - Новгородъ*; но Воеводы сильно сопротивляясь, доказали, что они были истинными спражами вѣрннаго имъ города.

Въ сіе злополучное время первый голосъ Вѣры и вѣрности раздался въ стѣнахъ *Смоленска*. Архіепископъ, Воеводы и воины собрались на площадь и единодушно воскликнули: „Ополчимся на враговъ и губителей Отечества; вступимся за *Москву*; не пожалѣемъ себя: спасемъ Вѣру и братій своихъ!“ Не-

медленно составила ревностная дружина. По общему согласію *Старшиною* оной избранъ былъ *Григорій Полтневъ*. Сей примѣръ вѣрности одушевилъ Вѣрою и другіе города; многіе изъ нихъ совокупились къ общей оборонѣ Отечества. Всѣ *Рязанцы* опклонились отъ сомнѣнія бунтовщиковъ и, по словамъ *Лѣтописи*, цѣлымиъ городами двинулись къ Москвѣ. Жители престольнаго града, подобно беззащитнымъ сиротамъ, съ одною надеждою на Бога, сидѣли въ скорбной и тяжелой осадѣ. Усердіе *Смольянъ* и *Рязанцевъ* оживило ихъ. Дружина *Смоленская* остановилась въ *Ноедѣвичьемъ* монастырѣ, который тогда причислялся къ *Смоленской* части.

Наканувъ прибытія *Смольянъ*, мужественный Князь *Михайла Васильевичъ Шуйскій Скопинъ*, въ сопровожденіи *Московскихъ* Воеводъ, изъ *Даниловскаго* монастыря двинулся врозь мятежниковъ въ село *Коломенское*; дружина *Смоленская* поспѣшила къ нему. Надѣясь на многочисленность свою, бунтовщики рѣшились принять бой. Между тѣмъ *Истоме Пашковъ*, главный сообщникъ *Болотникова*, раскаясь въ преступленіи своемъ, со всѣми *Дворянами* и дѣтьми *Боярскими* перешелъ на сторону Царя *Василія*. Хотя скопища мя-

тежныя сильно и упорно сражались; но они были побѣждены и разсѣяны. *Болотниковъ* съ малымъ числомъ сообщниковъ своихъ убѣжалъ въ *Калугу*; другія толпы засѣли въ деревьяхъ *Заборѣ*. Наконецъ сіи послѣднія принуждены были сдаться. Царь *Василій* покорившихся бунтовщиковъ принялъ, какъ разкаявшихся подданныхъ, а захваченныхъ въ сраженіи предалъ казни.

Не упуская времени, Царь *Василій* къ усмирению мятежныхъ городовъ отправилъ Воеводу *Московскихъ*, а подъ *Калугу* послалъ Князя *Андрея Никитича Хованскаго*. По причинѣ безуспѣшныхъ его приступовъ, отряжены были туда остальныя *Московскія* войска. Воеводы, рѣшась зажечь острогъ, въ копоромъ укрѣпился бунтовщикъ, подвели къ нему деревянную мостъ. *Болотниковъ*, предупреждая намѣреніе ихъ, самъ зажегъ сію деревянную гору; многіе *Московскіе* воины погибли на приступѣ. Въ сіе время происходили безпокойства въ *Взнесѣ*, *Алексинѣ* и въ *Тулѣ*.

Измѣнники *Путимльскіе* и другихъ городовъ услыша, что *Болотниковъ* спѣсень въ *Калугѣ*, посѣщили къ нему на помощь и остановились на рѣкѣ *Выркѣ* въ *Перемышлѣ*.

левскомъ уѣздѣ. Къ безславію имени своего, сими скопищами предводительствовалъ Князь *Василій Мосальскій*. Противъ сего измѣнника отряженъ былъ изъ подъ Калуги Бояринъ *Иванъ Никитичъ Романовъ*, сосланный Годуновымъ въ городъ *Пелимъ* и освободившійся по смерти его. Товарищемъ его былъ Князь *Мезецкій*. Цѣлая сушка сражались они съ мятежниками: побѣда увѣнчала мужество и правоту. Измѣнникъ Князь *Мосальскій* палъ на полѣ битвы. Многіе изъ оставшихся мятежниковъ, въ буйственномъ опьяненіи сѣли на пороховыя бочки, зажгли ихъ и сами предали себя казни.

Между тѣмъ самозванецъ *Петрушка*, прослывшій сыномъ Царя *Феодора Ивановича*, съ Дону перешелъ въ *Путимль*. При возобновленіи злодѣйскихъ своихъ замысловъ, предавъ смерти вѣрнаго Воеводу Князя *Бахтіарова*, устремился въ *Калужскіе предѣлы* къ *Борисову городку*. Буйствуя безъ опредѣленной цѣли, онъ вскорѣ опять возвратился въ *Путимль*. Всѣ шаги его ознаменовывались грабежемъ и убійствомъ. Многіе изъ Бояръ, не обольщаясь блестящими обѣщаніями и не ужасаясь казней, явно изобличали самозванца. Мучительная и преждевременная смерть сихъ

страдальцевъ за Вѣру и Отечество, доставила имъ вѣчное бытіе въ Лѣтописяхъ Отечественныхъ и благословеніе потомства.

Изъ Пушима самозванецъ Петрушка съ многочисленными шайками пошелъ къ Тулѣ. Скопища его усилились *Черкесами*, вызванными изъ *пороговъ* надеждою обогатиться добычей. Заѣвъ Тулу и подкрѣпясь шамъ шайками *Болотникова*, самозванецъ часть скопищъ своихъ отправилъ къ Калугѣ. Князь Андрей *Телятевскій*, забывъ Бога, Вѣру и, къ посрамленію Боярскаго своего сана, сравнялся съ слугою своимъ Болотниковымъ, сдѣлавшись атаманомъ разбойническихъ ватагъ. Не доходя Калуги, онъ остановился на *Пчелнѣ*. Изъ окрестностей Калуги выступило вѣрное войско и сразилось: но щастіе, всегда благопріятствующее правотѣ, склонилось на сторону мятежниковъ. Воеводы, усердствуя примѣромъ своимъ одушевить полки, бросались во всѣ опасныя мѣста и пали на мѣстѣ сраженія. Смерти ихъ причиной была излишняя опрометчивость. Презирая неустроенныя толпы сопрошниковъ, они забыли осторожность, всегда соблюдаемую опытными полководцами. Остальная войска, устрашенная сею неудачею и лишаясь предво-

дителей, бросили пушки, снаряды, обозъ и отступили къ Боровску.

Хотя Князь Михайла Долгорукоѣ и одержалъ надъ бунтовщиками поверхность подъ Козельскомъ; но Артемій Измайловъ, услыша о неудачномъ боѣ, происходившемъ на Пчелинѣ, отступилъ къ Мещовску.

Междоусобіе пагубиѣе всѣхъ другихъ распрей. Воюя съ иноплеменниками, войско отечественное знаетъ, кого отражать и въ слѣдъ за вождями идетъ къ предназначенной цѣли. Въ войнѣ домашней никто не знаетъ, гдѣ враги и гдѣ друзья; страхъ и недоумѣніе распространяются повсемѣстно. Къ прекращенію сей лютой борьбы, Царь Василій предпринялъ походъ къ Тулѣ. Самозванецъ Пепрушка услыша, что Царь уже подъ Серпуховымъ, а Воеводы его пошли къ Каширѣ, желая воспрепятствовать ихъ соединенію, немедленно отправилъ къ Каширѣ наперсника своего Князя Телятевскаго. Московскіе Воеводы двинулись противъ бунтовщиковъ и сошлись съ ними на рѣкѣ Вязмѣ. Цѣлый день продолжался сильный и упорный бой. Съ послѣдними лучами заходящаго солнца побѣда склонялась на сторону мятежниковъ. Изнемогая силами, вѣрные воины

не изнемогали духомъ. Воеводы: Князь Голыцынъ и Князь Лытовъ, быспро мчась по рядамъ, со слезами вопіяли: *Не побѣжимъ; умеремъ другъ за друга!* Воины единодушно восклицали: *Начинайте!* мы готовы умереть. Воеводы и воины, не думая о жизни, но рѣшась умереть со славой, возобновили бой и отважно наступили на злодѣевъ; большая часть изъ нихъ за мгновенную удачу заплашили жизнию; протіе бѣжали и скрылись въ укрѣпленномъ мѣстѣ, откуда съ малымъ числомъ наносили большой вредъ. Великодушные Воеводы, ревнуя довершить подвигъ свой, сошли съ коней; по примѣру ихъ всѣ есаувики спѣшились и устремились на приступъ открытою грудью. Сила душевная все опровергаетъ. Укрѣпленіе было взято; зашедшіе въ немъ бунтовщики пали подъ осирѣвѣвъ меча. При семъ послѣднемъ нападении вѣрные воины не потерпѣли никакого урона отъ того, что отважностью своею изумили и устрашили враговъ.

Пользуясь сею побѣдой и совокупя силы свои, Царь Василій взявъ *Алексинъ*, послалъ Воеводу къ очищенію другихъ городовъ, а самъ отправился къ Тулѣ противъ самозванца *Петрушки*. Радость, возбужденная въ сердцѣ

Царя Василія побѣдоносными уснѣхами, вскорѣ помрачила въспнію о новомъ Лжедмитріѣ.

Въ злополучный 1607 годъ, когда по-
словамъ Лѣтописей, бѣдствія исчезали и воз-
раждались подобно морскимъ волнамъ, едва
погибающимъ и возникающимъ вновь: въ сіе
время пришелъ въ *Стародубъ* неизвѣстный
бродяга, называвшій себя *Андреемъ Нагимъ*.
Сопутникомъ его былъ *Алексѣй Рукинъ*, Мо-
сковскій приказный, а по сказанію другихъ,
выходецъ Липовскій. Никто изъ Стародуб-
скихъ жителей не зналъ, откуда появились
пришельцы, которые на всѣ вопросы любо-
пытныхъ отвѣчали: *Мы присланы отъ Царя*
Димитрія. Возбуждая часъ отъ часу любо-
пытство и таинственнымъ видомъ умножая
важность мнимаго своего посольства, они
привлекли къ себѣ легкомысленныхъ просто-
людиновъ. Наконецъ видя общее колебаніе
умовъ, явно возопили: *Будете ли вы рады*
Царю Димитрію? Онъ живъ; онъ скрывается
въ безопасныхъ мѣстахъ отъ враговъ своихъ.
Стародубцы воскликнули: *Гдѣ онъ? Мы все*
готовы за него умереть! Рукинъ отвѣчалъ:
Онъ здѣсь; онъ съ вами. пылая любопы-
ствомъ, Стародубцы наперерывъ другъ передъ
другомъ спрашивали: *Гдѣ онъ? Гдѣ Царь Дими-*

трій? Коварный сообщникъ самозванца, притворяясь, будто бы страшился открыть важную сію тайну, на всѣ вопросы не отвѣчалъ ни слова. Жители Стародубскіе, тревожимые любопытствомъ и раздраженные упрямствомъ наглаго обманщика, предали его пылкѣ, яростно возглашая: *Гдѣ Царь Димитрій? Показывая, будтобы одна предположившая смерть изторгла изъ устъ его тайну, Рукинъ воскликнулъ: Царь Димитрій есть тотъ самый, который пришелъ къ намъ подъ именемъ Андрея Нагова. Внезапно возсталъ смятенный шумъ, раздался звонъ колокольный; толпы народныя возопили: Да здравствуетъ Царь Димитрій! Умремъ за своего природнаго Государя! Въ семъ буйственномъ порывѣ разослали они грамоты по городамъ о появленіи Царя. Съ такою же грамотою отправился подъ Тулу Стародубскій Боярскій сынъ. Сей несчастный, обольстясь ложными обѣщаніями и посулами блестящихъ почестей, явно сказалъ Царю Василю: Ты отнялъ Царство у нашего природнаго Государя. Подвергшись пылкѣ, онъ то же повторалъ и умеръ съ увѣреніемъ, что погибаетъ за природнаго Царя. Въ смутныя времена заимѣвающихся и умы и души.*

Между тѣмъ новый *Лжедмитрій* усилился буйными шайками, пошелъ къ *Брянску* и выжегъ предмѣстіе. Къ остановленію опустошенія, Царь *Василій* принужденъ былъ раздроблять войска свои, и обезсиля ихъ шѣмъ, тщетно старался взять *Тулу* и истребить самозванца *Петрушку*.

Въ сихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, Боярской сынъ *Кравковъ* вызвался затопить *Тулу*, получа нужное пособіе. Царь и Бояре съ насмѣшкою отвергли сіе предложеніе, почитаемое ими не сбыточнымъ. Не оскорбляясь презрѣніемъ, *Кравковъ* настоятельно возобновилъ прозьбу, и предпочитая общую пользу жизни своей, въ жару душевнаго усердія воскликнулъ: *Государь! вели меня казнить, если не затоплю Тулы.* Великодушный *Кравковъ* достигъ своего желанія; ему позволено было употребить всѣ нужныя средства. Въ тотъ же часъ приказалъ онъ, что бы каждый воинъ привнесъ по мѣшку земли, и сими мѣшками началъ запружать рѣку *Уну* въ томъ мѣстѣ, гдѣ она выходитъ изъ города. Вода выступала изъ береговъ; Царь *Василій* къ скорѣйшему производству дѣла отдалъ въ распоряженіе *Кравкова* всѣхъ мѣльниковъ, сколько можно

было собрать. Буинтовщики устращася пошопленія, лишились прежней дерзости. Вѣрность только и добродѣтель могутъ выдерживать долговременныя испытанія. Оробѣвшія скопища мяшежниковъ выдали самозванца *Петрушку*, Князя Григорія *Шаховскаго*, главнаго виновника кровопролитія, и *Болотникова*, предводителя своевольныхъ слугъ и крестьянъ. Всѣ сіи злодѣи отпращены были въ Москву, куда поѣхалъ и Царь, устроивъ порядокъ въ Тульскихъ городахъ. Самозванецъ *Петрушка* былъ повѣшенъ, *Шаховской* сосланъ въ *Каменное*, *Болотниковъ* и товарищъ его *Нагиба* отвезены въ *Полморскіе города* и преданы казни.

По взятіи Тулы неосторожный Царь *Василій* распустилъ войско по домамъ. Онъ зналъ, что *Стародубскій* самозванецъ свирѣпствуетъ, по чему и надлежало дѣйствовать совокупными силами. Часто отъ искры распространяется повсемѣстное пламя. Самозванецъ, услыша о взятіи Тулы, отъ страху и изъ предосторожности, бѣжалъ изъ подъ *Брянска* въ *Стародубъ*. Литовцы, опасаясь усмиренія Россіи, на помощь къ нему прислали Полковника *Лисовскаго*. „Поспѣшимъ къ *Брянску*,“ сказалъ онъ самозванцу:

„Рускіе полки распущены; пока они будутъ собираться, мы возьмемъ Брянскъ. Воспользуемся оплошностью нашихъ враговъ.“ Слѣдую совѣту *Лисовскаго*, самозванецъ посѣтилъ съ нимъ къ Брянску. Бскорѣ попомъ привели туда другаго самозванца, называвшагося сыномъ Царя Феодора. Сей четвертый самозванецъ казненъ новымъ *Лжедмитріемъ*, который часъ опъ часу усиливался *Липовскими* войсками, изнурявшими себя къ разоренію Россіи.

Къ освобожденію вѣрнаго города Брянска, внутри гибнущаго отъ голода, а извнѣ стѣсняемаго врагами, Царь Василій отправилъ изъ Москвы Воеводу Князя Семена Ивановича Куракина. Для скорѣйшаго же вспомошествованія предписано было высшупить изъ Мѣщовска Князю *Мосальскому*.

Сей усердной Воевода вскорѣ пришелъ къ рѣкѣ Деснѣ подъ Брянскъ. Липовцы, помогавшіе прешему самозванцу, стояли подъ стѣною и вдоль сопротивнаго берега рѣки. Вмѣстѣ съ врагами и природа, казалось, вооружилась на вѣрныхъ сыновъ Ошечества. Хотя уже была глубокая зима, и оспалось только десять дней до Рождества Христова,

но вода еще была велика и густой ледъ шелъ по рѣкѣ.

Какою лютою скорбію объаты были Рускіе воины о жребіи храбрыхъ защитниковъ города Брянска! Кто поможетъ имъ перейти глубокую рѣку, одолѣть въ волнахъ ея стужу, сразиться со льдами и врагомъ? . . Но воины Московскіе слышатъ плачь и рыданіе изнемогающихъ защитниковъ Брянска: *Помогите! мы погибаемъ!* Закипѣли сердца ихъ рвеніемъ и любовію къ злополучнымъ братьямъ; призывали со слезами Бога, и единодушно возопили: *Лучше намъ всѣмъ погибнуть и умереть, нежели видѣть свою братью въ конечной гибели!* Одушеваясь Богомъ и Вѣрою, Московскіе воины прощаюшся другъ съ другомъ какъ братья, обрекшіе себя къ смертному часу для избавленія братій утѣшенныхъ. Они единодушно бросаются въ рѣку. Сильной ледъ на каждомъ шагѣ грозитъ имъ опасностью съ сопроотивнаго берега, свистяшъ пули. Богъ ведетъ ихъ!

Уже воины Московскіе на другомъ берегу рѣки. . . Вышли, встрепенулись, быстро наступили на враговъ. Тщешно укрываются они въ окопы; вездѣ настигаютъ ихъ, оповсюду гоняшъ. *Помремъ за братій нашихъ,*

восклицають они непрестанно: *Богъ не оставитъ насъ!* . . . Брянскъ освобожденъ; избавленные братья стремятся на встрѣчу къ братьямъ - избавителямъ. *Вы спасли насъ и чадъ нашихъ*; вѣщающъ они. . . — *Мы лучше хотѣли умереть, нежели видѣть вашу гибель*, отвѣчаютъ воины Московскіе. . . — *Богъ да наградитъ васъ!* восклицаютъ снова Брянскіе жители! . . . *Богъ наградилъ насъ; мы выручили братьевъ нашихъ.*

Лѣтовись говоритъ, что неописанное мужество избавителей города Брянска превосходило всякое вѣроятіе, и что едва ли можно равный подвигъ сыскать въ Лѣтописяхъ иноземныхъ.

Между тѣмъ подосѣлъ съ войсками Князь Куракинъ, и укрѣпясь за рѣкою, замерзшею въ самую ночь его прибытія, препроводилъ въ Брянскъ съѣстные припасы. Самозванецъ устремился на Князя Куракина и вступилъ въ сильный бой. Воеводы Московскіе сражаясь непрестанно, поспѣху кинулись къ *Корачеву*, гдѣ успѣли окопаться. Неотважась на нихъ напасть, самозванецъ пошелъ къ *Орлу*. Вскорѣ *Гетманъ Ружинскій* привелъ къ нему новое подкрѣпленіе и приходомъ своимъ усилилъ въ немъ надежду

звладѣть престоломъ и Россіей. А Поляки съ своей стороны надѣялись съ помощію самозванцевъ обезсилить Россію и поработить.

Около сего времени Царь Василій съчелся бракомъ съ дочерью Князя Петра Ивановича *Буйсова*, надѣясь, что сей Князь, извѣщенный въ войскъ, еще болѣе привлечетъ ополченіе къ нему. Первые дни его радости возмущились скорбными вѣспями о успѣхахъ самозванца. Къ воспрепятствованію его замысламъ, Царь Василій отправилъ въ походъ роднаго своего брата, Князя Дмитрія Ивановича *Шуйскаго*. Подъ предлогомъ ожиданія весны, или лучше сказать по недоспашку благоразумной предпримчивости, сей Князь остановился въ *Болховѣ* въ 54 верстахъ отъ враговъ. Внезапною и быстрою онъ могъ бы предупредить и поразить противниковъ. Пользуясь оплошностію и медленностію Русскаго полководца; самозванецъ; руководимый *Генрихомъ Ружинскимъ*, сдѣлалъ то, что упустилъ Князь Шуйскій. Едва Русскіе полки вышли съ наступившею весною изъ *Болхова*, самозванецъ быстро и стремительно на нихъ напалъ. Отъ внезапнаго появленія враговъ, Князь Василій *Голицынъ*, предводительствовавшій *передовымъ полкомъ*, оробѣвъ, хотѣ

свился на *большой полкъ* и распроиля оный. Воины въ смятеніи и безпорядкѣ бѣжали къ *Сторожевому полку*. Къ щастію въ войскахъ Рускихъ находился тогда мужественный Воевода Князь *Куракинъ*, ошличившійся подъ *Брянскомъ*. Среди всеобщаго безпорядка ударилъ онъ съ дружиной своей на враговъ и ошвяля у нихъ побѣду. Литовцы и самозванецъ отступили, но на другой день возобновили бой. Не могши отражать яростнаго нападенія враговъ, Московскіе Воеводы показывая видъ, будтобы намѣрены выдерживать бой, рѣшились отступить къ *Болхову*, куда и отправили остальные снаряды и обозъ. Въ сіе время *Каширскій* уроженецъ, *Боярской* сынъ *Лихаревъ*, бѣжалъ къ самозванцу и донесъ ему о намѣреніи Московскихъ Воеводъ. Самозванецъ и *Гетманъ Ружинскій* усилили нападенія; полки Рускіе не могли уже отступать къ *Болхову*, но успремились къ *Москвѣ*, пролагая свободную дорогу мяшежникамъ и Литовцамъ.

Враги осадили *Болховъ*. Нѣкоторые изъ жишелей бѣжали; другіе, не вида ни откуда помощи, присягнули самозванцу. Усиля скопща свои новыми приверженцами, самозванецъ пошелъ въ *Калугу* и сшалъ на устьѣ рѣки *Угры*.

Хотя грозная буря неслась къ престольному граду; но вѣрные сыны Россіи изъ тѣхъ городовъ, чрезъ которые проходилъ самозванецъ, удалялись въ сѣны его, оставляя на жертву дома, имуществва и спасая только женъ и дѣтей. Царь Василій принималъ ихъ, какъ отецъ, и снабжалъ всемъ нужнымъ.

Къ поправленію сихъ неудачъ выбраны были два знаменистые Воеводы, Князь Михайла Васильевичъ Шуйскій *Скопинъ* и Иванъ Никипичъ *Романовъ*. Шуйскому изъ всѣхъ современниковъ одинъ Пожарской былъ соперникомъ въ подвигахъ ратныхъ; Романовъ славенъ былъ вѣрностью и великодушіемъ. Но ни мужество, ни вѣрность, ничто не могло удержать бурнаго попока, спремившагося къ Москвѣ и на каждомъ шагу усиливавшагося измѣдою. Въ полкахъ Князя Шуйскаго *Скопина* множество Бояръ измѣнили; нѣкоторые изъ нихъ были заключены въ темницы, другіе преданы казни.

Самозванецъ и Гетманъ *Ружинскій* разположились станомъ въ *Тушинѣ* по Воскресенской дорогѣ въ десяти верстахъ отъ Москвы. Туда стекались оповсюду злоумышленники, не для того, что бы воз-

вести новаго Лжедмитрія на Царской престолю, но что бы расхищать древнія Царскія сокровища. Съ сего времени начались сраженія подъ Москвою. Изъ Тушина самозванецъ першелъ въ Тайнинское на Троицкую дорогу; но встрѣтя тамъ сильное сопротивленіе, возвратился въ прежнее гнѣздо свое, гдѣ и началъ строити анбары для сохраненія продовольствія.

Гетманъ Ружинскій, искусный въ хитроспяхъ военныхъ, присовѣтовалъ самозванцу отправить къ Царю Василію пословъ съ прищворною прозьбою о отпускѣ Поляковъ, бывшихъ со Лжедмитріемъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, что бы обозрѣть войско и Руской естанъ. Возвращаясь изъ Москвы, вѣстники самозванца, проходя Ходынку, видѣли устройство и опорожность полковъ Рускихъ. Повсюду бодрствовала неусыпная стража, никто не обезоруживался; всѣ были готовы къ бою. Но вдругъ разнеслась молва, будто бы Царь Василій заключилъ съ Литовцами перемиріе. Воины, обманутые сею молвой, безъ сомнѣнія распущенною приверженцами самозванца, обезвечились и предались сну. Въ шепчотѣ почной мямлехники и Литовцы напали на сонныя полки. Рускіе въ торопяхъ

побѣжали, и образумясь уже подѣ городскими стѣнами, ударили на враговъ и отпихнули ихъ къ рѣкѣ *Ходынкѣ*, гдѣ былъ укрѣпленный Руской станъ. Опасаясь однако новаго нападенія, Воеводы на другой день отступили къ городу и расположились около стѣнъ.

Между тѣмъ Полковникъ *Лисовскій*, прежде всѣхъ явившійся изъ Литвы къ самозванцу, завладѣлъ *Зарайскомъ*. Хотя изъ *Переяслава Рязанскаго* и послано было войско, но безъ успѣха. Одержавъ новую побѣду, *Лисовскій* двинулся къ *Коломнѣ*, взялъ ее и попышился къ осадѣ Москвы. Мужественные Воеводы, Князь Иванъ Семеновичъ *Нуркинъ* и Князь Борисъ Михайловичъ *Дыковъ*, оплотившіеся въ различныхъ сраженіяхъ, встрѣтили Лисовскаго на берегахъ Москвы рѣки у урочища, называемаго *Медеежъ или Бродомъ*. Бой продолжался цѣлый день; Литовцы были разбиты; изъ плѣна ихъ выручили Владыку Коломенскаго и Бояръ, захваченныхъ въ *Зарайскѣ*. Царь Василій немедленно отправилъ Коломенскаго Владыку къ паствѣ его, и къ оборонѣ города послалъ Воеводу.

Желая отворотить кровопролитіе и примириться съ Литовцами, Царь Василій рѣ-

тился отпустить Польскихъ пословъ, прибывшихъ въ Москву съ *первымъ* Лжедмитріемъ. Узнавъ о выѣздѣ пословъ, самозванецъ приглашалъ ихъ въ станъ свой, но они отказались; одинъ только *Мишка* съ дочерью отъѣхалъ въ Тушино ко *второму* Лжедмитрію. Марина не устыдилась назваться его женою. Женищина, поработясь разврату, опдаётся на произволъ страстей. Чѣмъ болѣе усиливалась опасность, угрожавшая Москвѣ, тѣмъ болѣе умножались нерадѣніе и безпечность войска. Шуйской съ именемъ Царя не получилъ владычества надъ сердцами. Одни только природные Государи, одни наследственные опцы народа, могутъ быть увѣрены въ народной приверженности, испытываемой злключеніями. Для защищенія сѣверной части Россіи, Царь Василій отправилъ въ Новгородъ племянника своего Князя Михаила Васильевича Шуйскаго *Скопца*. Препоруча ему небольшую дружину, велѣлъ нанять Шведское войско, не разсудя, что наемники ищутъ личныхъ своихъ выгодъ и не заботятся о оборонѣ чужой земли.

Польскій Король *Сигизмундъ*, радуясь разоренію Россіи, и мечтая утвердиться надъ ней владычество свое, хотя и не

объявлялъ явной войны, но вѣроломнымъ образомъ отправлялъ войска и непрестанно оныя усиливалъ. Въ семъ злоумышленіи подкрѣплялся онъ Французскимъ Правительствомъ, негодовавшимъ на Россію за то, что она не вступала въ тѣсное сношеніе съ Французами. Честолюбивый Король Генрихъ Четвертый, намѣреваясь составить общій Европейскій союзъ къ низпроверженію Турецкой Державы, а вѣроятнѣе помогаясь первенства надъ областями Европейскими, опредѣдилъ въ совѣтъ своемъ вооружить противъ Россіи Швецію и Польшу, чтобы она не вступилась за Турцію. Франція непосредственно участвовала въ бѣдствіяхъ, оплывавшихъ Россію до исхода 1612 года. Поляки и Шведы были ея орудіемъ, хотя и думали, что дѣйствуютъ сами собою.

Шайки Тушинскаго самозванца усилились Литовскимъ войскомъ, прибывшимъ съ Сяпегою. Первый свой поискъ вознамѣрились они учинить на Троицкую обитель. Въ деревнѣ Рахмановкѣ, разстояніемъ на сорокъ верстъ отъ Москвы, Рускіе полки потерпѣли поражение, разсѣялись и бѣжали по домамъ.

Видя общее учыніе сыновъ Россіи, Царь Василій призвалъ Московскихъ жителей и вѣ-

щаль имъ : „Кто хочетъ защищать престольный градъ , пусть потъ цѣлуеъ крестъ въ потъ , кто готовъ оборонять и умереть за него ; а не желающіе быть его защитниками , пусть удалятся изъ Москвы и не препятствуютъ усердію вѣрныхъ и великодушныхъ воиновъ.“ Въ первомъ порывѣ Московскіе жители возопили: *Мы все готовы умереть !* Но за сею клятвой вскорѣ послѣдовало преступленіе. Черезъ нѣсколько дней многіе Боярскіе дѣти и другіе чиновники отъѣхали въ *Тушино* и предались самозванцу , страшась силы его и не боясь Бога и совѣсти. Царь Василій съ остаткомъ вѣрной дружины заперся въ Москвѣ.

Троицкая обитель оставалась послѣднею надеждою Рускихъ и Россіи. Въ густомъ мракѣ , затмѣившемъ предѣлы Московскіе , она сіяла подобно солнцу , на которое взирали Рускіе города , успоившіе въ Вѣрѣ и вѣрности. Троицкая обитель служила единственнымъ сообщеніемъ Россіи съ Москвою. Все вѣрные Россіяне изъ дальнихъ областей спекались въ нее и пробирались лѣсами въ престольный градъ. Отъ береговъ Ледовитаго моря , изъ Новгорода , изъ Вологды , изъ

Казани и Нижняго все запасы проходили въ Москву черезъ Троицу.

Иосафъ, Троицкій Архимандритъ, и Келарь *Авраамій Палицынъ*, ставъ на неусыпную стражу Вѣры и вѣрности, не щадили ни себя, ни монастырскихъ сокровищъ для снабженія всемъ нужнымъ матери Рускихъ городовъ. Не только окрестные жители, но и иногородные съ семействами своими съѣхали искать убѣжища въ стѣнахъ святой обители. Воины, пришекая ко гробу Преподобнаго *Сергія*, одушевлялись новымъ мужествомъ и готовились на смертный подвигъ, какъ на радостный пиръ.

Противъ Троицы Лавры, соединявшей Россію съ Москвою, Литовцы и самозванцы рѣшились совокупить все силы свои. *Сяпегъ* отправилъ къ *Лисоескому* нарочныхъ, чтобы онъ прибылъ къ войску. *Лисоескій*, разоритель Нижегородскихъ и Рязанскихъ областей, поспѣшая къ *Сяпегу*, отъ Владимира до Переслава все шаги свои означалъ убійствомъ и опустошеніемъ. Весь *Плементесскій* посадъ и все окрестныя жилища отъ ненасытной его злобы разсѣялись въ воздухъ пожарнымъ дымомъ.

Въ прежнія времена монастыри служили и обителями Вѣры и оградою отъ внезапнаго нашествія враговъ. Троицкій монастырь, сооруженный между овраговъ и возвышеній, за 20 лѣтъ до осады Липовцевъ, укрѣпленъ былъ высокими каменными бойницами и обведенъ глубокимъ рвомъ со стороны восточной и сѣверной. О сихъ укрѣпленіяхъ, разрушенныхъ рукою времени, остались преданія въ монастырскихъ запискахъ.

23 Сентября 1607 года, *Санега*, Лисовскій и самозванецъ подступили къ стѣнамъ Троицкой обители. Вѣрная дружина Рускихъ воиновъ встрѣтила ихъ на *Клементьевскомъ* полѣ: за разореніе, за гибель братьевъ своихъ мужескиенно поразила враговъ и съ побѣдою возвратилась въ стѣны священной *Лавры*. Липовцы и толпы самозванца нагло свирѣпствуя, быстро окружили обитель и мечпали истребить ее первымъ порывомъ.

Между тѣмъ Архимандритъ *Иосафъ*, въ сопровожденіи воиновъ и народа, съ Вѣрою и молитвою прибѣгаль къ Мощамъ Преподобнаго Сергія. Укрѣпясь ревностію и силою Вѣры, воины и народъ вышли изъ стѣнъ монастырскихъ и сами зажгли все окрестныя

жилица , что бы люлые враги не могли въ нихъ гнѣздиться. Воеводы , Князь Григорій Борисовичъ Долгорукой , Алексѣй Голохвастовъ и Дворяне , по совѣщанію съ Архимандритомъ Иосафомъ и соборными старцами , поклялись умереть за ссытую обитель , избрали начальниковъ изъ Бояръ и изъ старцевъ , и каждому назначили мѣсто , гдѣ надлежало или умереть , или опразить враговъ. Наблюдая воинскую осторожность , они опредѣлили , что бы изъ защитниковъ Лавры никто оиъ мѣста своего не отлучался , а для вылазокъ и для помощи назначены были особая дружины. Вѣра , вѣрность , единодушіе , всѣ добродѣтели , охраняющія Царства и вароши , водворились въ стѣнахъ Лавры.

По обзрѣніи мѣстоположенія , Сянега учредилъ стражу и стѣснилъ всѣ пути. Отложивъ на время оружіе , враги домогались уловить защитниковъ Лавры лестію и коварствомъ. 29 Сентября 1608 года отправили они къ нимъ грамоту. „Мы предлагаемъ вамъ,“ говорили они , „милость и пощаду ; а вы покоришесь Царю вашему Дмитрію Ивановичу. Любовь его готовитъ вамъ щедрыя награды ; мы же рѣшились до полѣ не отступать , доколѣ не возьмемъ обители. Пожа-

лѣйте себя ; вспомните , какія милости оказывалъ Троицѣ Царь Иванъ Васильевичъ ; вспомните , что вы гоните сына его и не вѣстку ! Ручаемся вамъ словами Царя нашего Дмитрія Ивановича , что ежели не покоритесь , то стѣны ваши низвергнутся , и съ прахомъ ихъ смѣшается ваша кровь.“

Прочитавъ сію грамоту, защитники Давры возопили со слезами : „Надежда наша и уцованіе на Свяшюю Живоначальную Троицу; Заступница и покровъ нашъ, Божія Матерь; помощники и молители за насъ передъ Богомъ, Преподобные Отцы *Сергей* и *Никонъ*.

30 Сентября *Санега* окружилъ Троицу стѣнобитными орудіями. Началась сильная сирѣдьба, потрясались стѣны; но сердца Рускихъ воиновъ были непоколебимы. Архимандритъ *Иосафъ*, совершая непрестанныя моленія, восклицалъ: „Всесильный Царь небесный! мы прогнѣвали Твое милосердіе; мы нарушили Твои повелѣнія; мы поработились разврату и своеволію; мы далеко отъ Тебя ошеступили, но Ты отъ насъ не ошеступай! Ополчись за насъ; не разори достоянія Твоего; будь нашимъ защитникомъ въ сіе злополучное время!“ Одушевляя Бкрою возмужалыхъ воиновъ, *Иосафъ* приказывалъ старцамъ

заставлять малолѣтнихъ опроверговъ и утверждать ихъ въ благочестіи.

Въ стѣнахъ священной Лавры непрестанно повторялся голосъ Вѣры и добродѣтели; въ станѣ враговъ со звукомъ оружія смѣшивались клики буйства и разврата. Въ высокомѣрныхъ замыслахъ почитая себя обладателемъ *Лавры* и *Россіи*, Сапега далъ великолѣпное и шумное пиршество. Цѣлый день раздавались всенные клики, происходила пляска и помѣшная стрѣльба. Полагая, что сіе пиршество обольститъ Россіянъ и покажетъ, что станъ непріятельскій всѣмъ изобилуетъ, Сапега отправилъ Лисовскаго по дорогамъ, ведущимъ къ Переяславлю и Угличу, а самъ въ ту же ночь при звукахъ торжественной музыки сдѣлалъ приступъ. Воины Троицкіе, одушевляемые Вѣрой и подкрѣпляемые презвостью, оббили враговъ, обуйныхъ развратомъ и виномъ.

Видя непоколебимосць Лавры среди всѣхъ опасностей, Сапега отрядилъ чиновниковъ своихъ обольщать другіе города. Сообщники его повсюду разглашали: „Троицкая обитель у насъ въ рукахъ, и Россія не избѣжитъ такого же жребія.“ Суздаля не усполялъ. Жители *Переяслава* преданы *Литовцамъ*;

вѣдая, что Ростовъ не укрѣплень, устремились къ сему граду беззащитному. Клятвопреступники въ буйствѣ своемъ забыли, что Вѣра и вѣрность надежныѣ всѣхъ укрѣплений, оградъ и оборонъ. Ужаснулись Ростовскіе жители, поспѣшили къ Пастырю своему, и слезно умоляли его удалиться въ Ярославль. *Филаретъ* отвѣчалъ: „Нашъ долгъ непоколебимо стоятъ за Вѣру, за Государство и всѣми силами сопротивляться злодѣямъ. А если ли отъ нихъ погибнемъ, мы отъ Бога воспримемъ вѣнцы мученическіе.“ Воевода и всѣ люди Ростовскіе снова его убѣждаютъ. *Филаретъ* что же повторяетъ: „Готовъ на всѣ мученія за Домъ Пресвятыя Богородицы; не покину Ростовскихъ Чудотворцевъ.“

Устрашась непреклонной рѣшительности великодушнаго Пастыря, нѣкоторые малодушные Ростовцы убѣжали въ Ярославль. Между тѣмъ *Филаретъ*, съ умножающеюся опасностію, укрѣпляясь Вѣрою и Богомъ, идетъ въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы, и какъ будто бы на священное празднество, облакается въ полный свяшительскій санъ. Для душъ, живущихъ Вѣрою и Богомъ, смерть за Вѣру и правду есть торжество и побѣда. Многіе богобоязненные люди спѣшашъ

въ храмъ Божій подъ покровъ Вѣры и подъ
 защиту своего Пастыря. Предъ сонмомъ
 православныхъ *Филаретъ* причащается Свя-
 тыхъ Таинъ; онъ повелѣваетъ Протопопу и
 Священникамъ одушевлять Вѣрою и прича-
 щать весь народъ. *Литовцы* уже во градѣ
Ростовѣ; невинные жители, не успѣвшіе уйти
 въ храмъ Божій, гибнуть отъ меча враговъ.
 Въ ослѣпленной ярости они устремляются
 къ церкви *Пречистой Богородицы*. Воздухъ
 оглашается воплями страдальцевъ и буй-
 ственными кликами враговъ нечестивыхъ.
Филаретъ приказываетъ утвердить двери;
 для злодѣевъ нѣтъ ничего святаго: они при-
 ступаютъ къ дверямъ и хотятъ силою вор-
 ваться. Вѣрные *Ростовцы*, затворившіеся
 въ храмъ Господень, бьются со врагами и
 готовы положить души за Вѣру и за церковь
 православную. *Литовцы* усиливаются; *Рос-
 товцы* изнемогаютъ. Великодушный, неустра-
 шимый *Филаретъ* обращается къ Рускимъ
Переславскимъ измѣнникамъ. „Вспомните Бо-
 га!“ вѣщаетъ онъ: „Отстаньте отъ враговъ;
 вступитесь за братій своихъ.“ Сердца из-
 мѣнниковъ не внимаютъ гласу благочестія;
 вмѣстѣ съ *Литовцами* и *Переслаецы* врыва-
 ются въ церковь. Рускіе на Рускихъ устре-
 Часть У. Ж

мились! . . . Они хватаютъ Пастыря, со-
влекаютъ съ него Священительскую одежду,
одѣваютъ въ скудныя ризы, и подъ стра-
жею опсылаютъ къ *Тушинскому* самозванцу.
Сколь спрашно, сколь пагубно измѣняютъ Вѣ-
ръ и Отечеству! Рускіе измѣнники еще яро-
спѣше *Литовцевъ* губятъ и убиваютъ едино-
кровныхъ братьевъ. Горе имъ! они погубили
души свои; а спрадальцы за Вѣру и правду
воспріяли вѣнцы небесные.

Послы Сапегины успѣли въ проныр-
ствахъ своихъ: лести и коварство взволно-
вали умы. Въ цѣлой Россіи вѣрными города-
ми остались: Казань, Новгородъ, Смоленскъ,
Нижвій, Переяславль Рязанской, Коломна и
Царство Сибирское.

Не побѣда Коломны лестию, Литовцы об-
рашили противъ нее оружіе. Испытавъ въ
первый разъ неудачу, снова ополчились. Князь
Дмитрій Михайловичъ Пожарскій выступилъ
противъ враговъ и предвѣстилъ будущую
свою славу. Узнавъ, что Литовцы разполо-
жились въ 30 верстахъ отъ Коломны въ се-
лѣ *Высоцкомъ*, Пожарскій двинулся изъ Ко-
ломны, всталъ на зарѣ утренней, изумилъ
оторопѣвшихъ враговъ внезапною, и увѣн-
чался побѣдой.

Въ сіе самое время въ Новгородѣ учреждалось ополченіе подъ начальствомъ Князя Шуйскаго *Скопина*. По препорученію Царя Василія послалъ онъ въ Швецію нанять войско. Царь Василій не могъ тогда предвидѣть, что сіи наемники употребятъ оружіе не для Россіи, но противъ нее. Измѣна, чась отъ часу болѣе распроспранявшаяся, возмутила Псковъ. Желая усмирить Псковичанъ, *Скопинъ* спрашилъ легкомыслія Новгородцевъ. Наконецъ выступилъ къ *Ивану* городу, гдѣ также начинался мятежъ, по чему и не былъ впущенъ въ городъ. По выходѣ Героя, Новгородцы предались самозванцу. *Скопинъ*, не надѣясь на силы человѣческія, но уповавъ только на Бога, пришелъ къ *Орѣшку*. Въ семъ городѣ былъ Воеводою Михайла *Салтыковъ*, приверженецъ самозванцевъ и раболѣпный служникъ Поляковъ. Отъ коварныхъ его происковъ возникли мятежи въ Сѣверной Россіи.

Вскорѣ разкаялись Новгородцы и убѣдительно призывали Князя Шуйскаго, клянясь единодушно стоять за Вѣру и Отечество. *Скопинъ* изъ-подъ *Орѣшка* поспѣшилъ въ Новгородъ; немедленно отправилъ онъ въ Москву нарочаыхъ съ извѣстіемъ о вѣрности

Новгородцевъ и о посылкѣ за Шведскими войсками. Жители престольнаго града, привыкнувъ получать однѣ печальныя вѣсти, не повѣрили симъ опраднымъ извѣстіямъ.

И дѣйствительно вскорѣ рушилось единодушіе Новгородцевъ. Услыша о приходѣ Лотовскаго Полковника *Карнозицкаго* къ *Спасу* на *Хутынѣ*, многіе Дворяне ушли къ нему. Къ щасшію, уѣздные Новгородскіе жители, гнушаясь измѣною, возсшали къ оборонѣ роднаго города. Въ *Тихвинѣ* собралъ дружину *Степанъ Горихвостовъ*; въ *Заонежскихъ погостахъ* вооружился *Евсевій Рязановъ*. Быстро устремился къ Новгороду *Горихвостовъ*; въ слѣдъ за нимъ поспѣшилъ *Рязановъ*, соревновавшій ему въ Вѣрѣ и вѣрности. Они сошлись въ селѣ *Грузинѣ*. Литовцы, захваща въ плѣнъ вѣсколько крестьянъ, выспрашивали о войскѣ Рускомъ. Простодушные поселяне отвѣчали: *Страшная пришла сила!* *Карнозицкій*, мечтавшій овладѣть Новгородомъ, бѣжалъ не отъ оружія, но отъ пустой молвы.

Между тѣмъ *Нижній Новгородъ* стѣснялся *Мордвою*, *Черемисой* и *Литовцами*, пришедшими изъ *Тушина*. Вѣрные Нижегородцы сдѣлали вылазку, отразили Литов-

цевъ и взяли въ плѣнъ Князя Вяземскаго, сообщника самозванца. Измѣнникъ Отечества умеръ позорною казнію.

Въ сіе время Бояринъ Федоръ Ивановичъ *Шереметевъ*, выступя съ *Балчика*, очистилъ многіе *Понизовые* города отъ мятежныхъ скопищъ. Нижегородцы, ободренные походомъ *Шереметева*, пошли къ *Балахнѣ*, взяли ее и привели жищелей къ присягѣ. Вѣрность восторжествовала, и простолюдимы начали собираться по селамъ и волостямъ. Въ *Юрьевѣ Поволгскомъ* дружина крестьянъ составила подъ начальствомъ сотника *Федора Краснова*; на *Ремшѣ* крестьянинъ *Григорій Лапша* созвалъ вѣрныхъ поселянъ и ополчился; въ *Балахнѣ* вооружился *Иванъ Кушниковъ*; въ *Гороховцѣ* *Федоръ Наговицынъ*; въ *Холуѣ* *Илья Денгинъ* былъ вождемъ сельскихъ дружинъ. Единодушно и совокупно устремились они въ *Лухъ*, очищали города отъ враговъ и примѣромъ своимъ возбуждали къ вѣрности. Вскорѣ двинулись они къ *Шуѣ*, гоня и поражая *Липовцевъ* и мятежниковъ. Радостная вѣсть о сихъ произшествіяхъ не донеслась еще тогда въ Москву.

Поморскіе города *Вологда* и Великій *Устюгъ* пристали къ правой сторонѣ. Раздал-

ся единодушный кликъ: *Умремъ за Вѣру!* Вооружились новыя сельскія дружины, и замѣвая мужествомъ неопытностью, гнали враговъ, привыкшихъ къ войнѣ и оружію. Встрѣтя въ селѣ *Даниловскомъ* многочисленныхъ сопрошниковъ, воины-поселяне пострадали; но умирая съ чистою совѣстью, они не ужасались смерти.

Между тѣмъ въ престольномъ градѣ произошло сильное волненіе. Князь Романъ Ггаринъ, Григорій Санбуловъ, Тимофей Грязновъ и сообщники ихъ, пришедъ въ думу Боярскую, требовали низверженія Царя Василія. Бояре отказавъ имъ, разошлись по домамъ. Мясешники, предавшись необузданному своеволію, вывели Памріарха изъ соборнаго храма на Лобное мѣсто и съ угрозами повторили требованіе свое. *Гермогенъ* отвѣчалъ: *Горе прельщающимся разератомъ!* Бунтовщики нагло призывали разошедшихся Бояръ; къ нимъ явился одинъ только Князь Василій Голицынъ. Негодуя на вѣрныхъ Бояръ, мясешники съ Лобнаго мѣста устремились въ чертоги. Царь Василій всегда отражалъ мужественно опасности, угрожавшія его личности: онъ вышелъ безъ стражи и небоязненно взиравъ на мечи, обращенные на грудь его.

Великодушіе устрашило злодѣйство. Мяшежники убѣжали въ село *Тушино*; Царь и Бояре укрѣпились въ *Москвѣ*.

Самозванецъ *Андрюшка*, или второй *Александръ*, не одолевая *Москвы* оружіемъ, послалъ войско къ *Коломнѣ*, для пресѣченія къ *Москвѣ* подвоза хлѣба. Тогда послѣдовала неслыханная дороговизна: четверть ржи продавалась по семи рублей; въ городѣ произошелъ голодъ. Началось волненіе: народъ бѣгалъ предъ Дворцемъ и вопіялъ на Царя *Василія Ивановича*. Вскорѣ возроптали и военные люди. Въ городѣ *Китаѣ* начальствовалъ тогда надъ ратными людьми *Иванъ Даниловичъ Левшинъ*. Твердостью духа и любовью къ Отечеству неоднократно удерживалъ онъ въ повиновеніи ввѣренное ему войско. Наконецъ, достигнувъ крайней необходимости, военные люди нагло и дерзостно кричали: Покуда намъ сидѣть въ осадѣ и умирать съ голоду? *Москва* гибнетъ; мы ее не удержимъ. „Какъ!“ вскричалъ *Иванъ Даниловичъ*: „вы ли такъ говорите? Вы ли тѣ воины, которые прошлою зимою подъ *Брянскимъ* плыли со мною между икръ ледяныхъ чрезъ *Десну* рѣку, подъ пулями *Липовскими*? . . . Ужели и вы пойдете

къ злодѣю въ Тушино? Устыдитесь! Когда Рускіе прибѣгли къ Липвѣ съ поклономъ? Гдѣ написано, кто слыхалъ, чтобъ Рускіе служили злодѣямъ, самозванцамъ и измѣнникамъ? . . . Но есѣли вы идете, мнѣ васъ не удержатъ; я одинъ буду оборонять церкви Божіи, одинъ буду сражаться съ врагами и измѣнниками, одинъ умру за Царя православнаго; однако на бѣлой стѣнѣ города Кипая!“ Слова сіи поколебали воиновъ; они укропились. — Что жъ намъ дѣлать? — сказали воины. „А вотъ что,“ отвѣчалъ Левшинъ: „пойдемъ со мною и раздѣлимъ мой запасъ, а шамъ. . . что Богъ велитъ.“ Всѣ послѣдовали за Иваномъ Даниловичемъ; нашли у него четверикъ сухарей, да окорокъ вѣщяны: въ семь состоялъ весь его запасъ, и тотъ былъ весь раздѣленъ поровну. Великодушіе и швердость начальника укрѣпили терпѣніе и мужество подчиненныхъ; они были непоколебимыми до самаго освобожденія Москвы.

Какъ будто бы къ подкрѣпленію словъ великодушнаго *Левшина* бѣжали изъ Тушина Ротмистръ *Татьяшъ Мезиновъ* и Князь *Романъ Гагаринъ*. „Не прельщайтесь обѣщаніями злодѣя,“ говорили они народу: „Онъ не Царь,

онъ самозванецъ. Усиливая его, Поляки хотѣли попрасть Вѣру православную. Войско Шведское уже въ Новгородъ; Литва опъ него отбила. Мужайтесь и будьте великодушны!“ Опъ сихъ убѣжденій буря разномыслія утихла.

Распри и несогласіе волновали и Тушинскія скопища. Литовскій Полковникъ *Бобовской*, укоряя Гетмана *Ружинского* за неудачные поиски противъ Москвы, вызвался взять ее, полетѣлъ къ стѣнамъ и былъ отраженъ. Вѣрность посрамила самохвальство.

Радость сія усугубилась пріятными вѣстями о томъ, что Бояринъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ приближается къ Нижнему; что многіе *Понизовые* города отклонились отъ злодѣя, и что Литовцы претерпѣли неоднократныя пораженія. *Протасьевъ* и сопутники его, сообщившіе сіе извѣстіе, щедро были награждены.

Желая загладить преступленія свои, жители Владимира поклялись въ вѣрности; казнили Воеводу Тумака *Вельяминова*, приверженца самозванца, и начали биться съ врагами, не щадя головъ своихъ.

Между тѣмъ Гетманъ *Ружинскій*, соединяя скопища свои, рѣшился напасть на Москву и выжечь деревянный городъ. Вѣрныя Мо-

сковскія дружины сражались съ нимъ цѣлый день. Къ вечеру Руская конница начала разстроиваться и пѣхота едва держалась. Видя изнеможеніе братій своихъ, быспро подоспѣли съ свѣжими войсками съ одной стороны Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ, знаменитый неизмѣнною Вѣрой и славой, а съ другой Князь Андрей Васильевичъ и Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ. Съ приходомъ ихъ въ полкахъ Рускихъ раздался побѣдоносный кликъ. Гепманъ Ружинскій, напавшій всѣми силами, испомилъ войска свои; осторожность и мужество Рускихъ увѣнчались успѣхомъ. Враги и мятежники въ трепетѣ и неустройствѣ побѣжали къ *Хадынкѣ* и зарѣку, бросая обозы свои. Ночь прекратила сраженіе. Никогда еще не было сшоль знаменитой побѣды со времени злоключеній града преспольнаго; враги не смѣли уже показываться подъ снѣгами его.

Въ сіе время и Нижній оживился прибытіемъ Боярина *Шереметева*. Немедленно отправилъ онъ войско на судахъ къ отраженію *Лисовскаго*, устремлявшагося за Волгу. Рускіе встрѣтили его на берегу и поразили.

Продолжая побѣдоносный путь, Шеремешевъ очистилъ *Муромъ* и приступомъ взялъ *Насимовъ*.

Въ продолженіи сихъ успѣховъ появились въ *Астрахани* при ноные самозванца. Три просіолоюдима, заразясь слухами о власти и о блескѣ сокровищъ, возмечтали быть Царями. Боярской слуга назбался *Августомъ*, сыномъ Царя Іоанна; крестьянинъ *Осининъ* наименовался сыномъ Царевича Іоанна, погибшаго отъ запальчивости *грознаго* ошца; *Лаверентій* выдалъ себя сыномъ Царя *Теодора*. Хитрые Астраханскіе козаки рѣшились воспользоваться ихъ невѣжествомъ. Увѣря, будто бы готовы ихъ опсипивать, они взяли ихъ съ собою, что бы прислужиться Тушинскому самозванцу выдачею новыхъ лжецарей. Не умѣя опличить притворства отъ истинны, они ввѣрились мнимымъ своимъ защитникамъ. *Осининъ* былъ повѣщенъ дорогою, а другіе его поварищи тому же подверглись по приказанію Тушинскаго самозванца. Многіе знали происхожденіе и имена сихъ несчастныхъ; но никто не вѣдалъ, откуда взялся *второй* *Лжедмитрій*. Нѣкоторые почитали его Царскимъ *Дьякомъ*, а другіе сыномъ поповскимъ, потому что онъ зналъ весь кругъ церковный.

Шведскія войска пришли въ Новгородъ подъ начальствомъ Француза *Понтуса де*

Лагардія и Шведскаго вождя *Ивельгора*. Письменно обязались они служить Россіи, а мысленно обрацали алчные взоры на Россію, ласкаясь корыстію и грабежемъ.

Еще до прибытія иноплеменныхъ войскъ, Князь Шуйскій *Скопинъ* отправилъ полки противъ мяшежнаго Пскова. Буйные Псковитяне рѣшились проливатьъ кровь, но не хотѣли раскаяться въ развратѣ своемъ.

Вскорѣ потомъ часть Шведскаго войска, предводимая *Ееотъ Горномъ*, названномъ въ старинныхъ лѣтописцахъ *Ивельгорномъ*, и Рускимъ Воеводою *Чулковымъ*, очистили отъ Липовцевъ Старую Русу и Торопецъ. Слѣша соединиться съ Шуйскимъ, *Горнъ* сошелся въ *Торжкѣ* съ Семеномъ *Головинымъ*, начальствовавшимъ передовыми войсками *Скопина*. Въ городѣ произошла стычка съ Липовцами, послѣ которой бѣжали они къ Твери. Шведы и Рускіе остались въ *Торжкѣ* въ ожиданіи главныхъ войскъ.

Призвавъ на помощь Бога и благословясь у Митрополита *Исидора*, Шуйскій выступилъ изъ Новгорода, отдохнуль въ *Торжкѣ* и двинулся къ Твери. Въ тридцати верстахъ отъ города переправился черезъ Волгу въ пустомъ мѣстѣ, скрывая походъ отъ

враговъ и отъ Тверскихъ мятежниковъ. Не взирая на то, Липовцы его предупредили, сразились и удержали за собою мѣсто битвы. Устроив войско, Скопинъ возобновилъ нападеніе, взялъ Тверской острогъ и поразили Липовцевъ, находившихся въ немъ. Шведы алча прибытка, порывались къ Твери, для обогащенія разореніемъ ея. Шуйской помня, что мятежники Тверскіе его соотечественники, не рѣшился испребить города приступомъ, но хотѣлъ покорить его осадой и убѣжденіями. Не надѣясь получить никакихъ выгодъ отъ оборонительной войны, Шведы нарушили условіе и поворошили къ Новгороду. Опасаясь ихъ мщенія, Скопинъ уговаривалъ ихъ соединиться съ нимъ. Сіе соединеніе воспослѣдовало въ *Колязинской* битвѣ.

Имя и подвиги Шуйскаго быстро разнеслись по всѣмъ вѣрнымъ Рускимъ городамъ. Отовсюду спѣшили къ нему съ *хлѣбомъ-солью* и всѣ единодушно называли его *отцемъ Государства*. Довѣренность, возбужденная его славою, готовила ему скорби и гоненіе. Но Герой не мысля о себѣ, желалъ только спасти Отечество. Къ достиженію сей цѣли вознамѣрился онъ очистить отъ враговъ *Переяславъ-Залѣской* и открыть свободное сообще-

ніе Москвы съ *Понизовыми* городами. Первый поискъ Рускихъ войскъ былъ безуспѣшенъ. Скопинъ отрядилъ новые полки подъ начальствомъ шурина своего *Семена Головина* и *Григорія Валуева*. Сіи вожди оправдали довѣренность Героя : *Переславъ* былъ взятъ ; *Шуйскій* посѣшилъ въ него и разослалъ по всѣмъ городамъ повѣстки, что бы вѣрные сыны Отечества несли вспоможенія къ оборонѣ Россіи.

До взятія *Переславля-Залѣскаго*, *Рязанцы* неудачно сражались съ *Литовцами* подъ *Коломною*. Не сила оружія, но вѣсть о усѣхахъ *Скопина* понудила *Литовцевъ* отступить изъ *Коломны* къ *Серпухову*. Вѣрный и мужественный Воевода *Федоръ Ивановичъ Шереметевъ*, совершившій славный путь отъ *Балчуга* до *Нижняго* и далѣе, разбитъ былъ *Литовцами* на поляхъ *Суздальскихъ*. По свидѣтельству лѣтописцевъ, сія неудача произошла отъ того, что не было мѣста, гдѣ бы пѣхота могла укрѣпиться.

Между тѣмъ *Московскіе* жишели, получая почти однѣ печальныя вѣсти и изнемогая отъ голода, шумнымъ скопищемъ возспали на Царя *Василія*. Ожидая продовольствія отъ самозванца, они хотѣли покориться ему. Къ щастію, подоспѣлъ *Елизарій Безобразовъ*,

отправленный отъ Скопина съ письмомъ къ Царю Василю. Патриархъ Гермогенъ, получа отъ Царя сіе письмо, прочиталъ его мятежникамъ; народъ успокоился, и по сему случаю происходило молебствіе съ торжественнымъ благовѣстомъ.

Оспорожный Князь Шуйскій Скопинъ, укрѣпя Переславъ - Залѣской, выпустилъ въ Александровскую слободу, находившуюся въ 101 верстѣ отъ Москвы, и гдѣ вѣкогда Іоаннъ Грозный пребывалъ съ опричными своими. Зная довѣренность Рускихъ къ Скопину, Сапега со всѣми силами отъ Троицы двинулся къ слободѣ. Сперва одержалъ поверхность; но появленіе Скопина съ новыми полками низпровергло замыслы Литовцевъ и заставило Сапегу возвратиться къ Троицѣ.

Въ сіе смутное время ненависть и зависть были злѣйшими врагами, губившими Рускихъ и Россію. Рязанскій уроженецъ Прокофій Ляпуновъ, не извѣстно по чему питавшій личную ненависть къ Царю Василю, умыслилъ поссорить съ нимъ Шуйскаго Скопина. Въ письмѣ своемъ къ нему именовалъ его Царемъ и говорилъ, что онъ достоинъ Царства по праву славы и заслугъ своихъ. Негодуя на сіе вѣроломство, Скопинъ хо-

иѣль наказати пословъ Ляпунова ; но видя ихъ слезы и искреннее признаніе , что они невольно отправились съ письмомъ , Герой сжалился и отпустилъ ихъ въ Рязань. Злобные наушники перетолковали сіе обстоятельство и поселили въ сердцѣ Царя Василія ненависть къ великодушному Скопину. Помня однако заслуги его и пропивуборствуя клеветѣ , онъ отправилъ къ нему лучшихъ Воеводъ своихъ , Князя Ивана Семеновича *Куракина* и Князя Бориса Михайловича *Лыкова*. Восхищенный прибытіемъ сихъ вѣрныхъ сыновъ Отечества , Скопинъ совѣтовался съ ними о поправленіи порядка общественнаго и военныхъ дѣлъ.

Чѣмъ прозорливѣе было усердіе вѣрныхъ Полководцевъ , тѣмъ неистовѣе свирѣпствовало злоумышленіе враговъ Отечества. Литовцамъ , засѣвшимъ въ Серпуховѣ , помогала Хошунской крестьянинъ *Сальковъ* , разбойничая по Коломенской дорогѣ , по которой шли всѣ съѣстные припасы. Въ то же время *Юртыескіе Татары* затрудняли проѣздъ въ Александровскую слободу. Наконецъ измѣною козаковъ , охранявшихъ *Красное село* , Тушинскіе злодѣи ворвались ночью въ Москву и зажгли дѣревянное укрѣпленіе въ томъ мѣ-

стѣ, гдѣ рѣчка *Неглинная* впадаетъ въ *Москву* рѣку; пламя, простершееся на сорокъ сажень, вскорѣ было погашено. Многіе изъ *Лишовцевъ* за наглоснѣ свою заплашили жизнию.

Первыя нападенія на разбойника *Салькова* были не удачны. Опасаясь однако укрѣпленій, сдѣланныхъ по *Коломенской* дорогѣ, онъ перешелъ на *Владимирку*. Князь *Пожарской*, выступя прошивъ *Салькова*, встрѣтился съ нимъ на рѣкѣ *Пехоркѣ* и поразилъ его шайки. Преступникъ бѣжалъ въ *Москву* съ тридцатью только сообщниками и принесъ повинную. Вторичный походъ *Пожарскаго* увѣнчался вторичнымъ успѣхомъ. Разбитіе *Салькова* принудило *Лишовцевъ* отступити отъ *Серпухова* и *Суздаля*.

Между тѣмъ *Сигизмундъ Третьій*, не удовлетворяясь тайными происками, и забывъ, что власть Царей поддерживается правосію, снялъ личину. Безъ объявленія войны приступилъ онъ къ *Смоленску*. Вспомоществуя вѣроломному *Королю* и опасаясь скорого прихода *Скопина* къ *Москвѣ*, *Михайла Салтыковъ* и сообщники его условились съ *Генманомъ Ружинскимъ*, что бы захватить самозванца, оповестъ его подъ *Смоленскъ*, выдать *Си-*

измунду и просить на престолъ сына его Владислава. Злодѣй Тушинскій, проникнувъ тайну злодѣевъ, бѣжалъ ночью въ Калугу съ ближайшими своими приверженцами. Побѣгъ втораго Лжедмитрія произвелъ сильную распрю между Литовцами и Рускими мятежниками. Укоряя другъ друга, что упустили самозванца, а съ нимъ и надежду пожать плоды вѣроломства и измѣны, сопровождали укоры свои грабежемъ и убійствомъ. Многіе изъ Рускихъ разбѣжались по городамъ, остальные застѣли въ обозѣ. На другую ночь приверженецъ самозванцевъ, Плещеевъ Глазунъ, похищя Марину, бѣжалъ съ нею въ Калугу и вручилъ Лжедмитрію мнимую его жену.

Михайла Салтыковъ и другіе измѣнники, прибывъ подъ Смоленскъ, умоляли Сигизмунда отпустить на Царство Владислава. Хитрый Король, измѣняя сану своему, притворно принялъ ихъ прозьбу, а въ сердцѣ своемъ положилъ похитить Руской престолъ не для сына, но для себя.

Хотя уже наступало освобожденіе Троицы отъ осады враговъ; но голодъ готовилъ Троицкимъ сидѣльцамъ гибель и смерть. Архимандритъ Іосифъ, не щадя ни запасовъ, ни казны, надвѣялъ немощныхъ, и слыша ро-

потъ на сію челоуѣколюбивую расточитель-
ность, говорилъ: *Лучше намъ умереть, не-
жели перестать милосать сиротъ.*

Получа вѣсть о бѣгствѣ Тушинскаго
самозванца въ Калугу, Сапега отступилъ въ
Дмитровъ. Осада Троицкой обители продол-
жалась около четырнадцати мѣсяцевъ. Вѣ-
ра, мужество и надежда на Бога уничтожали
всѣ замыслы враговъ высокоумныхъ. Въ
продолженіи сего времени были три присту-
па; второй особенно достопамятенъ. Къ
разрушенію подкопа, подведеннаго подъ на-
угольную башню, Восвода Князь Григорій Бо-
рисовичъ Долгорукой и Алексѣй Голохва-
стовъ; призвавъ на помощь Преподобнаго
Сергія, рѣшились сдѣлать вылазку. Къ пол-
камъ ихъ присоединились и старцы Троицкіе.
За три часа до восхожденія солнца возста-
ла внезапная буря, помрачившая небеса; вои-
ны не могли видѣть другъ друга; но сердца
ихъ не раздѣлялись ни мглою, ни волненіемъ
природы. Повѣсткою, къ нападенію на вра-
говъ, назначено было имя Сергія Чудотворца
и проекративый звонъ осадныхъ колоколовъ.
Началась битва. Старцы Троицкіе, сражаясь
съ врагами, восклицали: *Умремъ братіе за
Вѣру Христіанскую!* Устье подкопа было

отыскано и знаменіе враговъ уничтожено. Воины Рускіе сильно прислунади къ горѣ Волкушѣ, гдѣ находились орудія враговъ, стрѣлявшихъ изъ укрѣпленій. Въ то же время Троицкій служилель *Данило Селявинъ*, укоряемый соповарищами за то, что брань его перешель къ измѣнникамъ, громогласно возопилъ: *За измѣну брата моего пожертвую жизнию!* Съ сими словами ударилъ на враговъ, иалъ на мѣстѣ сраженія и увѣковѣчилъ имя свое въ лѣтописяхъ отечественныхъ. Согласно съ преданіями шѣхъ времени, можно сказать, что самъ Богъ охранялъ Троицкую обитель, укрѣпляя защитниковъ ея Вѣрою, мужествомъ и великодушіемъ.

По опустоженіи Сани отъ Троицы въ Дмитровъ, Князь Шуйскій *Скопинъ* посѣтилъ къ охраненію обители, отпрадя прошивъ Литовцевъ знаменитого Воеводу Князя Ивана Семеновича *Вуракина*. Санига бѣжалъ изъ Дмитрова, а слухъ о приближеніи *Скопина* къ Москвѣ засшавилъ удалились Гетмана *Ружинскаго* и Рускихъ измѣнниковъ. Враги успѣли захватить Ростовскаго Митрополита *Филарета Никитича*; они отвели его въ *Иосифовъ монастырь*, откуда вырученъ храбрымъ Воеводою *Григоріемъ Валусымъ*.

Князь Шуйскій Скопинъ, озаренный сла-
 вой, вступилъ въ Москву для мгновеннаго
 торжества и для горестной смерти! Москов-
 скіе жители приняли его такъ, какъ прини-
 мають Героя, на котораго соотечественники
 возлагають послѣднюю надежду нападающаго
 Отечества. Со всѣхъ сторонъ спекался къ
 нему народъ; повсюду раздавались клики: *Ты
 отецъ Государства!* Самъ Царь Василій при-
 казалъ его вспрѣчать. Новосклицанія Москов-
 скихъ жителей, ихъ радостныя слезы, испор-
 таемая присутвіемъ избавителя Рускихъ
 городовъ, сіи торжественныя изъясненія
 благодарности и усердія, снова возбудили въ
 сердцѣ Царя Василія лютую бурю подозрѣ-
 нія. Онъ живо почувствовалъ, что именуе-
 ся только Царемъ, а что Князь Шуйской
Скопинъ подлинно царствуетъ въ душахъ
 Россіянъ. Братья его участвовали въ нена-
 висти къ Герою. Великій человѣкъ, стре-
 мясь къ цѣли своей, не видитъ, или не хочетъ
 видѣть ничтожныхъ происковъ зависти и
 клеветы. Хотя Скопину и доносили о нена-
 висти къ нему Царя Василія и братьевъ его,
 но онъ готовился идти подъ Смоленскъ и
 опразить Сигизмунда, простиравшаго хищ-
 ную длань на Царство Руское. И лучшія

намѣренія человѣческія не всегда совершаются! Внезапная смерть постигла Героя. Отъ понесенныхъ трудовъ, а можетъ быть, и отъ скорби сердечной, приключилось ему сильное кровотеченіе, прервавшее его жизнь. Тщетно раболѣпные клеветники разглашали, будто бы подъ личиною любви къ Отечеству Скопинъ домогася власти и престола. Общій голосъ современниковъ, вступающій за Героя, вѣщаль: *Во всеміѣ Государствѣ извѣстно было, что онъ не мыслилъ никогда ни о владычествѣ, ни о престолѣ.* На молву клеветниковъ и завистниковъ почитатели Скопина возражали: *Чему завѣдуете? У Бога силою не лѣзя ничего взять. Онъ даетъ разумъ и мужество. Богъ далъ Князю Михайлу Васильевичу Шуйскому Скопину мужество, разумъ и славу.*

Прокофій Ляпуновъ, личный врагъ Царя Василія, рѣшился мстить за смерть Скопина; вѣряли слуху, будто бы онъ отправленъ Царскими наперстниками, или пользуясь предлогомъ, къ удовлетворенію ненависти своей. Онъ разослалъ грамоты, приглашая всѣ города мстить за Скопина. Такая повѣстка отправлена была и къ Князю Пожарскому, находившемуся у Николы Зарайскаго.

Пожарской немедленно препроводилъ грамоту къ Царю Василію, прося его, что бы отрядъ его усилили новыми полками. Получа отъказъ ошъ Пожарскаго, *Ляпуновъ* не вступилъ въ переговоры съ самозванцемъ, но не оставлялъ и вражды своей пропавъ Царя Василія.

Братья Царскіе, ненавидѣвшіе *Скопина*, не только не могли его замѣнить, но умножили бѣдствія Отечества и ускорили гибель брата своего. Князь *Дмитрій Ивановичъ Шуйскій*, принявъ начальство надъ Русскими и иноземными войсками, самъ доставилъ Шведамъ предлогъ въ измѣнѣ. *Ивельгоръ* требовалъ наемныхъ денегъ; Шуйской имѣлъ оныя, но отказалъ. *Ивельгоръ* за отказъ Шуйскаго, опмщая Россіи, послалъ увѣдомить Гетмана *Желтковскаго*, что онъ съ нимъ биться не будетъ, и опзывалъ *Делагардія*, сражавшагося уже съ Желтковскимъ. Рускія передовыя войска выступили изъ *Царева Займища*; походъ къ Смоленску не состоялся; полки разошлись, а нѣкоторые отряды пошлянулись въ Можайскъ. Малодушные Воеводы звали Желтковскаго къ Москвѣ, обѣщаясь ему помогать. Вождь Литовскій, сопровождая отказъ насмѣшкою, опвѣчалъ: „Когда васъ возьму, тогда и Москва будетъ

наша.“ *Цареео Займище*, оставленное безъ всякой защиты, присягнуло *Владиславу*. Съ сего времени усилилось разномысліе. *Желтоковскій* вступилъ въ *Можайскъ*; *Делагардій* успремился разграблять *Новгородскія* области. *Прокофій Ляпуновъ* еще болѣе вознегодовалъ на Царя *Василія*, котораго почиталъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій *Россіи*.

Тушинскій самозванецъ, услыша къ *Калугѣ* о разспроистѣ *Рускихъ* полковъ, обославшись съ *Санегою*, ояпъ двинулся къ *Москвѣ*. Въ сіе время пришли на помощь *Крымскіе Царевичи*. Сразясь съ самозванцемъ на берегахъ рѣки *Пары*, немедленно возвратились въ свой край, говоря, что они оставляють *Рускихъ* по причинѣ голода. Приходъ *Крымскихъ Татаръ* подтвердилъ, сколь не надежно постороннее вспомошествованіе. Кърысть заманила ихъ въ *Россію*; обманутая надежда заставила удалиться.

Тушинскій самозванецъ, освободясь отъ *Крымцевъ*, вмѣстѣ съ *Липовцами* напалъ на *Пафнутьевскую* обитель. Князь *Михайла Волконской* съ двумя другими Воеводами начальствовалъ тамъ войсками. Товарищи его, умысливъ сдать монастырь, приказали отворить ворота. *Липовцы* и

Рускіе мятежники врываються въ обитель. Измѣнившіе Воеводы убѣждаютъ Волконскаго покориться; онъ отвѣчаетъ: *Я умру у гроба Пафнутія Чудотворца!* Начинается грабежъ и убійство. Обыватели бѣгутъ въ церковь; Князь Волконской у входа бьется со врагами, получаетъ множество ранъ и упадаетъ подъ мечами злодѣевъ, какъ ревностный сынъ Вѣры и Отечества.

Долго противуборствовалала Коломна бурямъ, возмущавшимъ Московскіе предѣлы, долго не внимали никакимъ обольщеніямъ; наконецъ и она поколебалась. Поводомъ къ сему послужила измѣна *Михайла Бабинни-на*, сошеннаго начальника. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ важенъ примѣръ и одного человѣка. Съ усугубленіемъ внутреннихъ злоключеній каждый вѣрный сынъ Отечества долженъ укрѣпляться совѣстью и Вѣрой. Тщешно Владыка Іосафъ убѣждалъ Коломенскихъ жителей къ вѣрности; разномысліе воспоржествовало. Примѣру Коломны послѣдовала и *Рашира*. Послы отъ сихъ двухъ городовъ отправились въ *Зарайскъ* къ Князю Ножеарскому. Всѣ жители требовали, что бы онъ присягнулъ самозванцу. Ни урны, ни волненіе народное, ничто

не могло его поколебать: Никольскій Протопопъ *Димитрій*, одушевляя его Вѣрою, говорилъ: *Князь! благословляю тебя умереть за Вѣру!* Пожарской отвѣчалъ: *Умру, но не измѣню.* Великодушіе Героя удержало Зарайскъ отъ измѣны и обратило Коломну къ вѣрности.

Но ни мужество, ни вѣрность, ничто не могло отклонить шучи, скопавшейся надъ главою злополучнаго Царя Василія. Въ Іюль мѣсяцъ 1610 года Бояре начали переговариваться съ Тушинскими злодѣями въ томъ, что бы они оставили самозванца, а они сведуть съ престола Царя Василія. Отчаясь защищать Россію, они мечтали, что избраніе на Царство Сигизмундова сына успокоитъ ее. Послы изъ стана Тушинскаго свободно прибыли въ Москву и невозбранно въ ней дѣйствовали. Противуборскіе власти воцаряють силу и буйство. Во время переговоровъ, братъ Прокофья Лапунова, *Захаръ Лапуновъ* и сообщники его, съѣхавшись на Лобное мѣсто, возопили: *Не хотимъ Царя Василія!* Папріарха Гермогена и вѣрныхъ Бояръ выпроводили за Москву рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ. Не страшась смерти, Гермогенъ вѣщалъ народу: *Не оставляйте*

Царя своего! Голосъ великодушнаго пастыря заглушался буйственными кликами. Всѣ оставили Царя Василія, и ближнія родственники опъ него удалились. Своякъ его Князь Иванъ Михайловичъ Воротынской не успѣлся бышь главою мятежниковъ: онъ свелъ его съ престола. Изъ Царскихъ чертоговъ Шуйскій перемѣщенъ былъ въ прежній свой домъ.

Начавъ управлять Москвою, самовольные Бояре требовали опъ пословъ самозванца, что бы и они его оставили. Послы возразили: *Вы оставили своего Царя, а мы за нашего готовы умереть.* Съ сими словами возвратились они въ Тушино.

Царь Василій, оставленный всѣми, не упалъ духомъ. По свойству души своей, онъ былъ великъ во всѣхъ злключеніяхъ; щастіе производило въ немъ колеблемость, бѣдствія укрѣпляли его. Увидя Бояръ, приѣхавшихъ къ нему на другой день съ требованіемъ, что бы онъ постригся, онъ спокойно отвѣчалъ: *Я не обѣщаль и не хочу постричься.* Ни Царь, ни супруга его не произнесли ни одного слова при постриженіи, происходившемъ въ Чудовъ монастырь; другіе за нихъ отрекались. Патриархъ Гермогенъ, оплакивая заблужденіе мятежниковъ, не могъ ничего сдѣлать. Буйство

привело въ оцѣненіе Вѣру и вѣрность. Царь Василій владѣлъ колеблющимся престоломъ годъ и чешыре мѣсяца.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

Отъ 1610 до 1613 года Февраля 13 дня.

По низведеніи съ престола Царя Василія, избранъ Правителемъ Государства Федоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами. Въ грамотахъ, разосланныхъ по городамъ, описаны тогдашнія произшествія. „За нашъ развратъ“, говорили Московскіе Правители жителямъ иногороднымъ: „За нашъ развратъ давно уже льется кровь отъ браней междоусобиныхъ. Несогласія наши привлекли въ Россію Поляковъ и Литовцевъ; они не щадя ни житей, ни имуществъ, ни храмовъ Божіихъ; они рѣшились искоренить и Вѣру и Оумчестиво наше. Король Сигизмундъ споймъ въ Смоленскѣ; Генманъ Мельниковскій въ Можайскѣ; самозванецъ ещоры Лжедмитрій, сопровождаемый Литовцами и Рускими измѣнниками, пришедъ подъ Москву, учредилъ свой станъ въ селѣ Коломенскомѣ. Россіяне, упомянутые долговременнымъ междоусобіемъ, упомянутые распра-

ми, возбуждавшими отца на сына, сына на отца, друга на друга, оставили Царя Василія Ивановича и убѣждали его сойти съ престола. Уже его вѣсть на Царскій; исчезла причина, сѣвшая разномысліе, недоумѣіе и боязнь. Никшо не можешь теперъ сказать: *Я не люблю Царя Василія, и потому не вступаю за Отечество!* Онъ сошелъ съ престола 1610 года 17 Іюля; онъ не въ чертогахъ, но въ обители; онъ опрелекъ онъ міра, и мы опрелемся вражды и междоусобія. Возстаньте единодушно за Вѣру, избавьте матерей, женъ и дѣтей отъ разврата и нечестія. Будемъ сражаться съ врагами, доколь Богъ поможетъ намъ *всею землею* избрать Государя. Въ ожиданіи сего щасливаго времени поручаемъ править Государствомъ Князю Федору Ивановичу Мстиславскому съ товарищами. Наша сила, наше спасеніе заключающа въ единодушїи и единомысліи. Опринемъ ненависть, забудемъ недоброжелательство, одною душею и однимъ сердцемъ ополчимся къ оборонѣ Вѣры и Отечества.“

Бѣла появилась сія грамоша, уже Гетманъ Мѣстковскій двинулся изъ Можайска къ Москвѣ и расположился на Хорошевскихъ лугахъ, простирающихся по Москвѣ рѣкѣ.

Московскіе Бояре, увѣрившіе въ грамотѣ, что не изберутъ Царя безъ воли всей земли, нарекли Царемъ *Владислава*, Сигизмундова сына. Патриархъ Гермогенъ, противуборствуя злоумышленію, вѣщалъ: „Естьли Владиславъ приметъ Христіанскую Вѣру; то и я благословляю его принять: въ противномъ же случаѣ нѣтъ моего благословенія.“ Начались сношенія съ Гетманомъ Желтковскимъ, увѣрившимъ, что Сигизмундъ отпустиитъ сына своего на престолю Рускаго Царства и дозволитъ ему приобщиться къ Греческому исповѣданію. Осмотренный и прозорливый Гермогенъ непоколебимо настаивалъ, что бы не принимали Владислава до исполненія предположенныхъ условій и что бы не впускали Литовцевъ въ Москву.

Не смотря на всѣ предосторожности, *Желтковскій* занялъ Новодѣвичій монастырь. Приближеніе его къ Москвѣ ободрило злоумышленниковъ. Михайло Салтыковъ, неутомимый въ ненависти къ Отечеству, проливая притворныя слезы и увѣряя *Гермогена*, что онъ убѣжденъ его совѣтами, передавалъ всѣ вѣсти Желтковскому. Усилясь злоумышленниками, Гетманъ требовалъ, что бы немедленно отправлены были послы для приглашенія

на престоль Сигизмундова сына. Въ числѣ избранныхъ пословъ находился и Митрополисъ Филаретъ Никитичъ. Патріархъ Гермогенъ убѣждалъ ихъ твердо стоять за Вѣру и не внимать никакимъ обольщеніямъ. Филаретъ отвѣчалъ: *Умру, но не измѣню.*

Филаретъ клялся умереть за Россію, а злоумышленники поклявшись испребишь Опе-чество, ввели Литовцевъ въ снѣны Москвы, разглася, будто бы народъ хочетъ призванъ въ городъ самозванца. Тщетно возставалъ противъ сего Патріархъ Гермогенъ съ неизмѣнною швердостію духа; Желтковскаго вну-сшили въ Москву. Занявъ прежній домъ Го-дунова, размѣспилъ онъ войско по дворамъ Боярскимъ и взялъ къ себѣ крѣпостные ключи. Московскіе жишели стали осаждены въ родномъ своемъ городѣ. Самозванецъ, опасаясь Литовцевъ, бѣжалъ въ Калугу, гдѣ не избѣгъ ожидавшей его казни.

Разоряя Россію, Литовцы не пощадили и Калязинской обители, взятой присшупомъ.

Въ то же время Михайла Салтыковъ, умышляя съ Литовцами разореніе Москвы, распустилъ молву, будто бы враги заняли *Великіе Луки* и спѣшашъ къ Новгороду. Подъ

симъ предлогомъ выведена была изъ Москвы часть Рускихъ войскъ.

Царь Василій, оплакивавшій въ Чудовъ монастырѣ бѣдствіе Россіи, удаленъ былъ опшуда въ *Иосифовскую* обитель, а супругу его изъ Вознесенскаго монастыря отпра-вили въ Суздаль въ *Покровскую* обитель. Величіе не спасаетъ отъ злополучія; оно еще болѣе раздражаетъ зависть, мстящую стра-дальцамъ, нѣкогда блиставшимъ на чредѣ возвышенной.

Между тѣмъ Филаретъ, прибывъ съ про-чими послами подъ Смоленскъ, просилъ Сигизмунда объ отпускѣ сына его на престолъ Руской. Сигизмундъ напрошивъ того пребо-валъ, чтобы они склонили Смоленскъ сдать-ся. „Мы не можемъ,“ отвѣчалъ великодуш-ный Филаретъ: „мы не можемъ сего прика-зать Смоленску. Сынъ твой, получа престола, будетъ обладать всею Россіей; а тебѣ Го-сударь не прилично униженію вошчину твое-го сына.“ Раздраженный симъ отказомъ, Сигизмундъ усилилъ осаду и началъ подво-дишь подкопы. Но въ Смоленскъ былъ Вое-вода Михайло Борисовичъ *Шеинъ*, рѣшив-шійся пасть подъ его развалинами, но неиз-мѣнишь ни вѣрности, ни чести. На всѣ

убѣжденія Смоленскаго Архіепископа, предавшагося врагамъ; на всѣ обольщенія сей ревностный спиражь Смоленскихъ стѣнъ и слывы Отечества отвѣчалъ: *Не сдамъ Смоленска! Мы приглашаемъ на Царство Владислава; когда онъ будетъ Царемъ, тогда и города Рускіе будутъ ему принадлежать.*

Князь Пожарскій, не желая имѣнь и поземнаго Владыку и домотаясь, для пользы Россіи, поссорилъ Сигизмунда съ Австріей, отправилъ онъ себя грамоту, буди по бы призываеиъ на престолъ *Эрцгерцога Австрійскаго*. Хотя хитрость его не имѣла успѣха; но онъ вскорѣ потомъ отпѣшилъ врагамъ, сражаясь за Россію и за Отечество.

Къ распоряженію казны, похищенной *Желтковскимъ*, Сигизмундъ прислалъ въ Москву торговаго крестьянина Федора *Андропова*. Сей ничтожный временщикъ, величаясь случайностію своею, утѣснялъ соотечественниковъ, отъ которыхъ отрекся измѣной. Желтковскій, расположа полки свои къ содержанію Москвы въ тѣсной осадѣ, взялъ братьевъ Царя Василія; за нимъ пошелъ въ Іосифовъ монастырь, исторгъ оттуда страдальца и съ сими жертвами поспѣшилъ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ. Въ сіи бѣдственные дни

Царь Василій показаль, что хоща сведенъ съ престола, но не лишился владычества, превозмогающаго гоненіе злобы человѣческой. Мужественно стоя предъ Сигизмундомъ; не удосшоя его ни поклономъ; ни привѣтствіемъ, онъ сказалъ: *Не прилично Рускому Царю кланяться Королю Польскому: Судьбы Божіи подвергли меня плѣну; но онѣ накажутъ измѣнниковъ и клятеопреступниковъ.* Царь Василій опведенъ былъ въ Польшу, гдѣ вмѣстѣ съ братьями своими претерпѣлъ преждевременную смерть отъ злобы враговъ. Тѣла ихъ погребены были на большой дорогѣ; надъ прахомъ Венценоснаго страдальца воздвигли столбъ съ надписью: *Здѣсь лежитъ Царь Московскій!*

Филаретъ, пораженный смертію злопобуднаго Царя, еще болѣе возвысился духомъ. Укоряя измѣнниковъ, призывавшихъ на престолъ не Владислава; но Сигизмунда; онъ говорилъ явно: *Если Владиславъ приметъ православную Вѣру; то и мы его примемъ; а если на то не согласится; то онъ намъ не надобенъ.*

Между тѣмъ произшествія, совершавшіяся въ Калугѣ, снова подтвердили, сколь неважно шоржество измѣнниковъ и враговъ

Ошечества: *Урмаметъ*, произведенный Годуновымъ Касимовскимъ Царемъ, и измѣнившій при Царѣ Василіѣ, предался самозванцу съ сыномъ своимъ и Княземъ Петромъ *Урусовымъ*. Лжедмитрій, услыша о чь приверженцевъ своихъ, что *Урмаметъ* намѣренъ его умертвить, пригласилъ его на охоту, убилъ; бросилъ трупъ его въ *Оку* и разгласилъ, будто бы Касимовскій Царь, умышлявшій на жизнь его, бѣжалъ въ Москву. Никакіе происки не могутъ скрыть слѣдовъ злодѣянія. Князь Урусовъ, развѣдавъ о смерти Урмамета, рѣшился за него мстити. Выждавъ случая, когда самозванецъ съ малымъ числомъ приверженцевъ своихъ поѣхалъ въ поле, Урусовъ, собравъ своихъ друзей, поспѣшилъ въ слѣдъ за нимъ; нагналъ, спавши съ коня и обличая его въ убійствѣ Урмамета, приказалъ отрубить ему голову. Произведя казнь надъ вторымъ Лжедмитріемъ, Урусовъ немедленно бѣжалъ въ Крымъ. Злодѣи, истребляя злодѣевъ, мстятъ за невинность, оныя нѣхъ пострадавшую. Калужскіе жители, обольщенные Лжедмитріемъ, или самозванцемъ *Петрушкою*, предали тѣло его землѣ съ почестію, и въ то же время сына его

Исана, родившагося отъ развратной *Марины*, нарекли Царемъ своимъ.

Казань, негодуя за впущеніе въ Москву *Липовцевъ*, присягнула самозванцу, не зная, что его нѣтъ уже въ живыхъ. Великодушный Воевода *Богданъ Бѣльскій*, сопровивлявшійся ихъ измѣнѣ, учинился жертвою буйственной черни. Чрезъ нѣсколько дней получа вѣсть о казни самозванца *Петрушки*, Казанцы раскаялись въ преступленіи своемъ и пролили слезы надъ хладнымъ прахомъ невиннаго сирадальца.

Совѣтъ, составившійся изъ семи *Бояръ* въ началъ междоусобицы, не долго существовалъ. *Липовцы*, вступя въ Москву, взяли подъ спражу Предсѣдателя Совѣта; Князя *Федора Ивановича Мстиславскаго* и поварницей его; они оставили на свободѣ одного *Михайлу Салтыкова*, потому что онъ вмѣстѣ съ ними повялся возмущать и разорять Россію. По упышожени Боярскаго Совѣта, не было никакой опредѣленной Государственной власти. Говоря словами предковъ, престолъ вдовствовалъ; всѣ подпоры правленія рушились и пали; осталась одна *Вѣра*, соединяющая души союзомъ любви и

братства и порождающая тогда, когда
всѣ пособія человѣческія изнемогають.

Щастлива та страна, гдѣ Вѣра, добро-
дѣтель и милосердіе одушевляють сердца, и
гдѣ каждый соотечественникъ участвуетъ
въ горѣ и напасти соотечественника своего!
Жители Смоленской области, утѣшенныя
Сигизмундомъ, желая предохранить Москов-
скихъ своихъ братьевъ отъ бѣдъ своихъ, ими пре-
терпѣнныхъ, писали къ нимъ: „Братья и
сродники во имя Вѣры и Бога! извѣстна
вамъ смертная наша погибель, когда вы и
мы дались безъ всякаго сопротивленія Ли-
товскимъ людямъ въ своихъ городахъ и въ
уѣздахъ, и когда привесли мы къ нимъ го-
ловы и жизнь свою для избавленія душъ сво-
ихъ и для сохраненія Вѣры отцовъ на-
шихъ. . . . и мы всѣ изъ всѣхъ городовъ,
изъ уѣздовъ безъ остановки и безъ всякаго
пощаженья погибли. Во всѣхъ городахъ и
уѣздахъ, гдѣ завладѣли враги, не поругана
ли ваша Вѣра, не разорены ли цѣркви Божіи,
не истреблены ли Иконы и Божіи Образы?
Все то зрять очи наши! Гдѣ наши головы?
Гдѣ жены и дѣти, и братья, и сродники, и
друзья? . . . Не осталось ни тысячи де-
сяти, или сто сѣмь одного, и тѣ только съ

душею и тѣломъ ! И сіѣ смертная наша погибель не вѣдома еще вамъ была. Изъ многихъ городовъ и уѣздовъ многіе къ Королю въ обозъ пошли подѣ Смоленскъ : иной живеть шутъ годъ , иной болѣе году , чтобъ выкупить отъ плѣна и отъ горькія и смертныя работы бѣдныхъ матерей и женъ и дѣтей ; и никто не сжалился , никто не пощадишь ! Многіе ходили въ Липву , въ Польшу для своихъ матерей и дѣтей ; и тѣ головы свои потеряли . . . Матери , дѣти и беззлюбивые младенцы , все смертной порабощены рабѣ. Богъ , есть Царь Царствующихъ ; Онъ щадить ; Онъ милуетъ , Онъ отвращаетъ праведный Свой гнѣвъ ; прибѣгнемъ къ человеколюбію и милосердію Его ! Не отъ многихъ предашелей гиблетъ земля наша ; не многіе , для несыщнаго грабленія , отступили отъ Бога и Вѣры.

„Нынѣшняго года , за два дни до Рождества Христова , Михайла Салтыковъ и сообщники его писали къ Королю , что самозванецъ убитъ и Патріархъ Гермогенъ призываетъ Рускихъ къ защитѣ Вѣры и Отечества. Измѣнники увѣряютъ Короля , что онъ овладѣетъ Москвою , пришедъ съ войскомъ къ сѣверамъ ея.

„Не придетъ Король, не разсѣетъ сыновъ Москвы, не завладѣетъ Россіей, естъли только не опуступите ошъ Вѣры и Бога! Ополчитесь душами своими и головами; соединитесь, оставьте сирахъ; не надѣйтесь жить въ мирѣ и покоѣ; мы не пропивились, мы все принесли и всѣ погибли! Предатели своей Вѣры и земли обѣщавали вамъ все сладкое, все лучшее: не върыне ласкъ, не върыте предъщенію ихъ.

„Польна и Липва не дядуть вамъ Царевича Владислава на Московское Государство мимо своего Государства; много о томъ было у Липвы на сонмищѣ думы со всею землею, и положено на томъ, чѣнобъ выесть лучшихъ людей, опустошати всю землю и владѣти всею Московскою землею. Здѣсь мы немалое время живемъ; подлинно провѣдали; для того и пишемъ къ вамъ.

„Для Бога! подожиште крѣпкій совѣтъ межъ себя; пошлите въ Новгородъ и на Вологду и въ Нижвій нашу грамоту и свой совѣтъ къ нимъ пишите; спашьте всею землею за Вѣру православную, покажутся еще свободны, а не въ работѣ и въ плѣнѣ разведены! Вы сами вѣдаете, что дѣдается въ Смоленскѣ. Не на Божію ли помощь надѣясь,

стали за вѣру православную, и сидятъ крѣпко и несомѣнно, и милосердый Богъ не заступается ли ихъ? Сидѣшель Богъ, что сядъ насъ вся истинная правда написаа; можеша опъ всѣхъ Рускихъ людей по увѣдать.“

Получа грамоту Смоленскихъ страдальцевъ, Московскіе обыватели въ Январѣ 1614 года разослали ее по всѣмъ городамъ и въ то же время, извѣщая о своемъ состраданіи, писали: „Пишемъ къ вамъ, православнымъ Христіанамъ и братьямъ! о спираданіи и раззореніи Смоленскихъ нашихъ братій, не имѣющихъ, гдѣ главы кодиловаты. Они лишились ошцевъ, женъ, матерей, дѣтей, и насъ та же участь ожидаетъ. Но мы отврашимъ ее, естли каждый для всѣхъ и для Бога возشاءетъ на враговъ и измѣнниковъ. Богъ караетъ насъ за разраніе наше; очуствуемъ, смерть и погибель въ очахъ вашихъ. Услышите рыданія наши; соединитесь съ нами противъ общихъ вашихъ и нашихъ враговъ. Не забудьте, что естли крѣцокъ корень, то и дерево не подвижно: испребицца корень, и дерево падетъ, не имѣя гдѣ чему прилѣпиться.“

„Въ царствующемъ градѣ, въ снѣгахъ Москвы, хранится вся священная предковъ нашихъ. Забудемъ ли ее? Страшно и помы-

слишь о томъ! Еспьди будемъ едиподушны, тогда Богъ, Матерь Божія и Чудотворцы дадутъ намъ помощь свою. Не вѣрьте ле-
сши; не вѣрьте, будто бы враги васъ поща-
дятъ. Смоленскіе наши братья правду къ
намъ писади; видя претѣненіе Вѣры, разру-
шеніе храмовъ, намъ нечего и говорить о себѣ.
Жизнь наша въ Вѣрѣ и вѣриости. Измѣнни-
ки и враги рѣшились раззорить Вѣру; они
рѣшились испребыть Россію и имя Руское.
Ополчитесь съ нами *единодушно и однолично*;
еще не многіе устремились въ слѣдъ преда-
телей. Утвердимъ другъ друга на стезѣ
Вѣры. Святейшій Патриархъ Гермогенъ, какъ
вѣрный Пастырь, полагаетъ душу за паству
свою. Многіе готовы ему послѣдовать; но
не смѣютъ еще возстать явно. Да соеди-
нятъ насъ Богъ, Вѣра и едиподушіе!“

Жребій Москвы часъ отъ часу становил-
ся бѣдственнѣе. Лишовцы подъ разными пред-
логами высади изъ нее всѣхъ ея защитни-
ковъ; испребили деревянныя укрѣпленія; ото-
брали у жителей оружіе и даже заперпили
имъ носить палки. Осиротѣвшая Москва
осталась подъ защитою одного Бога; Богъ
одушевилъ Рускихъ ополчиться за матерь
Рускихъ городовъ, Прокфій. *Почетъ первый*

за нее вступился. Убѣжденіями своими отвлекъ онъ Калугу отъ Самозванцова сына и отвѣчая на грамоту *Нижегородцевъ*, отъ имени *Рязанскихъ* жишелей писалъ къ нимъ: „Вы уведомили насъ чрезъ сына Боярскаго *Ивана Онимкова*, что 12го Января 1611 года приѣхалъ къ вамъ изъ Москвы Боярскій сынъ *Романъ Пахомовъ* и посадскій служитель *Родіонъ Моисеевъ*, посланный вами въ Москву для совѣщанія со всѣми людьми Московскими. Патриархъ *Гермогенъ*, утѣсненный врагами и всего лишенный, не могъ письменно отвѣчать. Домъ его разграбленъ и всѣ служители отъ него удалены. Мы получили отъ васъ сіи вѣсти и кресто-уѣловальную грамоту, по которой вы и *Балахонцы* поклялись единодушно возстать за Москву. Собираясь въ походъ къ преспольному граду, вы просите, чтобы мы отправили къ вамъ нашихъ Чиновниковъ для переговоровъ, гдѣ намъ съ вами сойтись. И мы увѣряемъ васъ, что *Гермогенъ* и братья наши Московскіе терпятъ лютое гоненіе отъ *Литовцевъ* и измѣнниковъ Отечества. Бояре, промѣнявшіе Вѣру и вѣрность на блескъ міра сего, приглашали насъ къ незаконному союзищу своему. Мы отвергли ихъ приглашеніе; мы

узнали, что Гешманъ Желткоескій, цѣловав-
 щій крестъ во имя Короля своего, ни въ чемъ
 не устоялъ. Скорба о страдальцахъ Москов-
 скихъ, мы условились съ Калужскими,
 Тульскими, Михайловскими, Сѣверскими и
 Украинскими городами; мы условились съ
 ними возстать одной душою и всею землею
 биться со врагами до смерти. Устрашася
 великодушія нашего, враги облегчили жребій
 Папріарха Гермогена. Но не прекращая зло-
 умышленія своего, убѣждали Тулу не соеди-
 няться съ нами и отправили противъ насъ
 Сянегу и Струса. Тульскіе жители гнуша-
 ясь измѣною, прислали къ намъ грамоту
 измѣнниковъ. Владимиръ и прочіе города хо-
 тѣли съ нами умереть за Вѣру. Переговоря
 съ нашими повѣренными и призвавъ на по-
 мощь Бога, поспѣшите къ царствующему
 граду на разорителей Вѣры Христіанской.
 А мы съ дружинами нашими и со всею По-
 низовскою силою, спорящею подъ Шатцкомъ,
 пойдемъ на Коломну. Изъ Тулы Иванъ За-
 руцкій, а изъ Калуги Бояре съ полками сво-
 ими выступяиъ прямо къ Москвѣ, что бы
 намъ всѣмъ придти къ ней въ одинъ день.
 Пригласите и всѣ Позизовскіе города на
 сходъ къ Москвѣ. Запаситесь порохомъ, ко-

порымъ мы нуждаемся. *Василій Сукинъ*, приверженецъ *Сигизмунда*, хотя и злодѣйствующъ въ Коломнѣ; но всѣ жители Коломенскіе готовы умереть съ нами за Вѣру. Не будемъ медлить ни часу; каждое мгновенье дорого, когда должно спасать Отечество.“

Литовцы и Рускіе измѣнники, усмрашась единодушнаго ополченія сыновъ Отечества, требовали, чтобы Бояре и народъ утвердили подпискою, что прося на престолъ сына *Сигизмундова*, отдаются во всемъ на волю его. Такою уловкою хотѣли они поработить Россію *Сигизмунду*. Сочиня послыдную грамоту, они принуждали *Гермогена* приложить къ сей руку и запретиши *Прокофію Лануцоеу* сзывать дружины къ оборонѣ Москвы. Патриархъ *Гермогенъ*, не упадая духомъ среди всѣхъ бурь, шумѣвшихъ надъ его главою, отвѣчалъ: „Если Король опуститъ на престолъ Рускаго Царства своего сына, если дозволитъ ему принять Вѣру православную и если выведетъ изъ Москвы Литовцевъ; тогда я подпишу грамоту и дозволю приложить къ ней руки духовнымъ и Боярамъ. Но вы хотѣли цѣловать крестъ Королю, а не сына его. Не благословляю писать сей грамоты; отвергаю ее; проклинаю пѣхъ, коими“

рые ее подпишутъ. Не запрещу Прокوفью Лянунову ополчиться за Москву; благословляю вѣрныхъ воиновъ умирать за Вѣру и защищать Отечество!" Раздраженный сей отвѣтомъ, Михайла Салтыковъ бросился съ ножомъ на Патріарха. Гермогенъ, осѣняя ножъ крестнымъ знаменіемъ, воскликнулъ: *Да будетъ крестное знаменіе противъ ножа, и да будетъ проклятъ измѣнникъ!* и потомъ оборотясь къ Боярину Федору Ивановичу Мстиславскому, тихо промолвилъ: *Начинай добрый подвигъ; пострадай за Вѣру. Горю тебѣ, если прельстишься коварнымъ уловленіемъ; ты погибнешь!* Убѣжденія великодушнаго Пастыря щепоты были; Бояре, избранные правителями Государства, подписали грамоту, уполномочивавшую во всемъ Сигизмунда.

Услыша о полученіи сей грамоты подъ Смоленскомъ, Филаретъ и товарищи его рѣшились умереть, но не быть рабами насильственной власти. Сигизмундъ созвалъ Пословъ, велѣлъ прочитавъ грамоты и возвѣстивъ, что подписавшіеся Бояре во всемъ на волю его отдаются. Филаретъ возразилъ: „Видимъ въ сихъ грамотахъ подпись Бояръ; но не видимъ подписи ошца нашего Патріар-

жа Гермогена: Князя *Воротынскій* и *Голыцынъ* неволю приложили руки; ихъ держутъ подъ стражей. Мы согласны положиться на волю Короля, естли онъ опуститъ сына своего и позволить ему принять Вѣру православную. Но естли должно ему самому присягать, естли должно остаться Литовцамъ въ Москвѣ; то мы рѣшились посрамить за Вѣру и Отечество!“

За сей неустрашимый отвѣтъ Рускіе Послы еще болѣе спали ушѣсцѣны подъ Смоленскомъ.

Между тѣмъ вѣрныя дружины часъ отъ часу усиливались; слухъ измѣнниковъ поражаема восклицаніями: *Освободимъ Москву!* *Умремъ за Вѣру!* Михайла Салтыковъ и сообщники его, приступя къ Патриарху, требовали, чтобы онъ приказалъ разойтись войскамъ, слѣдившимъ къ Москвѣ. „Прикажу,“ отвѣчалъ Гермогенъ: „Прикажу, естли измѣнникъ Салтыковъ и Литовцы выйдутъ изъ Москвы. А естли нѣтъ, то благословляю ихъ умереть за Вѣру. Не могу слышать нечестиваго пѣніа, не могу видѣть поруганія храмовъ Господнихъ; гошовъ умереть съ вѣрными сынами церкви и Отечества.“

Посылая на жизнь Московских жителей, враги выпустили Патриарха изъ шемницы къ Вербному Воскресенью и приказали совершать обыкновенный обрядъ. Народъ, какъ будто бы предчувствуя уготовляемую ему гибель, не выходилъ на улицы: умыселъ злодѣевъ уничтожился.

Опшдая за сію неудачу и предупреждая приходъ дружинъ, сѣдившихъ къ Москвѣ, Литовцы приступили къ разоренію переборестольнаго града 1611 года Марша 19 го на Спирасной недѣль во Вторникъ. Вооруженный скопища враговъ, разсѣясь по улицамъ и по площадямъ, начали кровопролитіе. Первою жертвою былъ Князь Андрей Васильевичъ Годлицынъ, убитый въ собственномъ домѣ. Изъ Литвы убійцы усюремились къ Тверскихъ воротамъ; гдѣ, встрѣня сильный отпоръ отъ стрѣльцовъ, имѣвшихъ тамъ слободы свои, пошянулись на Срѣтенскую улицу. Бѣрный, мужественный Воевода Князь Пожарскій, совокупясь съ пушкарями, встрѣнилъ враговъ; сразился, разгнѣмилъ толпы ихъ, выгналъ въ городъ и укрѣнился на Дубянкѣ у прихода Поеденія Богородицы. Враги поспѣшили на Кулишнѣ. Воевода Иванъ Матѣевичъ Бутурлинъ отбивалъ ихъ отъ Яузскихъ воротъ;

но не могъ захватить *Кулишекъ* и прилежащихъ къ нимъ мѣстъ. Литовцы пошли за Москву рѣку. Иванъ Колтовской ополчился съ многочисленной дружиной; всѣ войны рѣшились или побѣдить, или умереть. Враги, спеша храбрымъ сопрошникамъ не оружіемъ, но огнемъ, зажгли *Бѣлой городъ*. Приверженецъ Литовцевъ, *Михайла Салтыковъ*, первый зажегъ свой домъ. Въ сей убійственный день неистовая злоба враговъ, не пощадила ни храмовъ Господнихъ, ни одра немошной старости, ни колыбели грудныхъ младенцевъ! Груды труповъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, лежавшихъ по улицамъ, превышались ростъ человеческій. Вмѣстѣ сражались они, вмѣстѣ пали за Вѣру и за градъ родной. Не зная о жребіи Москвы, никто не прислалъ на помощь; ни *Прокوفій Ляпуновъ*, ни другіе Воеводы. Бой продолжался цѣлый день; на утренней зарѣ въ Среду пришелъ опъ *Ляпуновъ* опрядъ, предводимый *Плещеевымъ*. Въ то же время и Литовцы подкрѣпились войсками, послѣдившими изъ Можайска съ Полковникомъ *Струсомъ*. Плещеевъ былъ отраженъ; оробѣвшіе войны, брося щиты, спасались бѣгствомъ. Въ сію несчастную битву съ *Литовцами* въ сѣнахъ Московскихъ ни

одинъ изъ Рускихъ отрядовъ не зналъ, кто главный начальникъ; куда идти и гдѣ должно соединиться. Всѣ сражались отдѣльно; отъ неизвѣстности и недоумѣнія нигдѣ не могли дѣйствовать совокупно. Многочисленная Липовская конница, выѣхавъ изъ города, распространила пожаръ въ различныхъ мѣстахъ. Пламя быстро разлилось отъ Чертольскихъ или Преиستنскихъ воротъ до воротъ Теерскихъ. Вскорѣ запылало и Замоскворѣе. Дружины воиновъ и жители разсѣялись. Среди общаго смятенія, подъ густымъ дымомъ, несущемся отъ пожара, Пожарскій сражался неутомимо; цѣлый день отспайвалъ отъ зажигательска *Срѣтенскую Часть*. Наконецъ изнемогши отъ множеска ранъ, въ безпамятствѣ упалъ. Ревностные воины подхватили его и повезли въ Троицкую обитель. Въ слѣдъ за Героемъ бѣжали жители Московскіе, надѣясь, что онъ будетъ мстителемъ за пострадавшую Москву. Сильная стужа, внезапно наступившая, удержала Липовцевъ въ стѣнахъ Москвы. Кремль, Китай и Бѣлый городъ обагрились кровію несчастныхъ жертвъ, не успѣвшихъ укрыться отъ ненасытной злобы враговъ. Кровь спрадальцевъ смѣшалась съ

пожарнымъ пепломъ. Весь Бѣлой городъ выгорѣлъ; всѣ деревянные укрѣпленія обратились въ прахъ; уцѣлѣли только слободы за *Нузою*. Враги начали укрѣпляться въ сѣнахъ осиротѣвшей и дымящейся Москвы. Они тогда прекратили убійство, когда некого было испреблять. Послѣдніе остатки Московскихъ дружинъ заперлись въ оградѣ *Симоновской* обитали, ожидая помощи отъ Бога и иногородныхъ братій.

Съ приходомъ подъ Москву иногороднаго ополченія воспослѣдовали новыя бѣдствія. Вожди дружинъ, возмущаясь завистью и несогласіемъ, спорили о первенствѣ, забывая, чію первенство защитниковъ Отечества заключаеиша въ усердіи и въ пожертвованіи личности своей. Послѣ долговременныхъ прений избраны были три главные начальника: Князь Дмитрій Михайловичъ *Трубецкой*, Прокофій *Аллуновъ* и Иванъ *Заруцкій*. Съ сего времени начались ежедневныя сшибки съ Литовцами.

Между тѣмъ Литовцы и измѣнники Рускіе, извѣщая Короля Сигизмунда о разореніи Московскомъ, заключили Патріарха Гермогена въ Чудовъ монастырь, и возвели на Патріаршій престолъ *Игнатія*, распригина приверженца. Радуюсь злоключенію града пре-

свольнаго, Сигизмундъ возвѣспилъ о томъ Рускимъ посламъ и требовалъ, чино бы Филаретъ убѣдилъ Воеводу Михайла Борисовича *Шейна* здать Смоленскъ. Возвышаясь духомъ по мѣрѣ усугубленія бѣдственной участи своей, Филаретъ рѣшительно отвѣчалъ: *Не буду писать о здачѣ Смоленска; щастливѣе тотъ, кто умираетъ за Вѣру и Отечество!* Великодушнаго Филарета и товарищей его разослали по городамъ Литовскимъ и, за вѣрность ихъ къ родинѣ, подвергли неволѣ и поруганію. Добродѣтель, подобно солнечному сіянію, на время только облакается тучами. Во дни скорби и сѣннованія, Филаретовы добродѣтели озарились новымъ блескомъ. Удивляясь непреоборимому его мужеству, непоколебимости въ Вѣрѣ и вѣрности, и враги спали къ нему благоговѣшью.

Провидѣніе, охраняющее народы, къ поддержанію падающей Россіи, послало двухъ бессмертныхъ мужей: *Филарета* и *Гермогена*. Оба страдали они въ неволѣ и оба, не страшась смерти, являли примѣръ любви къ Отечеству. Литовскіе вожди и вѣроломный Михайло *Салтыковъ*, угрожая Гермогену казнью, настоятельно требовали, что бы онъ приказалъ разойтись войску. Неустра-

шимый страдалецъ на всѣ ихъ требованія отъѣчалъ: *Что вы мнѣ грозите? Я одного Бога боюсь.*

Главный гонитель Гермогена, Салтыковъ, лишился съ сіе время сына, убишаго Новгородцами, подозрѣвавшими его въ сношеніи съ отцемъ. Тщешно вопіялъ онъ: *Если отецъ мой придетъ сюда съ Литовцами, я стану съ нимъ биться!* Новгородцы не вѣрили словамъ сына развратнаго отца. Враги Отечества, враги добродѣтели, суть лютойшіе враги и семейству своему.

Бѣдствіе Смоленской области часъ отъ часу умножалось. Въ стѣнахъ Смоленска свирѣпствовала повальная болѣзнь; враги каждый день приступали, и всегда были отражаемы. Хотя отъ болѣзней и непрестанныхъ сраженій множество погибло воиновъ, но *Шейнъ* противоборствовалъ съ непоколебимою неустранимостью. На всѣ Сигизмундовы требованія о сдачѣ Смоленска онъ возражалъ: *Не сдамъ, пока буду живъ.* Въ чемъ не могла устоять сила Литовцевъ, къ тому способствовала измѣна. Андрей Дедишинъ, Смоленскій уроженецъ, домогавшійся Сигизмундовыхъ милостей, извѣстилъ его, что по ту сторону города не прочны укрѣпленія, спроенныя осенью.

По означенному мѣсту началась стрѣльба ночью, стѣны обвалились; враги ворвались въ городъ и овладѣли имъ. Воевода Михайла Борисовичъ *Щеинъ* со всемъ семействомъ своимъ захваченъ былъ на башнѣ. Немедленно подвергли его пылкѣ, для исторженія тайны, гдѣ хранился казна Смоленская. Безмолвно выдерживая всѣ испязанія, онъ устыдилъ мучителей своихъ непоколебимою швердостію духа. Заключая въ оковы и разлучая съ семействомъ, *Щеина* сослали въ Пруссію, гдѣ содержали десять лѣтъ въ неволѣ.

Овладевъ Смоленскомъ, Король возвратился въ Литву. Юрій Потемкинъ принесъ о семъ извѣстіе въ Москву. Въ окрестностяхъ и въ стѣнахъ города сражались съ перемѣннымъ щастіемъ. Сапега, раздраженный неоднократными неудачами, бросился разорять Переяславъ - Залѣскій и другіе города.

Между тѣмъ вожди Московскіе рѣшили очистить *Бѣлый городъ*. Дружины Рускія сперва взяли укрѣпленіе на *Розьмѣ болотѣ*; потомъ *Никитскую* башню; вскорѣ *Алексѣевская* башня и *Троицкія* ворота ошныты были у враговъ.

Побѣждая Литовцевъ, но страшась Сигизмундова владычества и желая разсоришь

ею съ Швеціей, Воеводы Московскіе послали въ Швецію просить на Царство Королевскаго брата *Филипа*. Безначаліе и разномысліе начинали уже свирѣпствовать. *Заруцкій*, покровительствуя *Маринѣ*, настаивалъ, что бы возвели на престолъ сына ея.

Распри Вождей, пришедшихъ спасать Москву, часъ оцъ часу усиливались въ пагубѣ ея. Никто не хотѣлъ повиноваться; всѣ домогались начальства и первенства. *Прокофій Ляпуновъ*, по суровости ли права своего или по раздраженному самолюбію, нагло обходился съ дѣтьми боярскими и съ Боярами, и заставлялъ ихъ дожидаться себя въ сѣняхъ. Особенно гналъ онъ козаковъ. *Заруцкій* грабилъ и разорялъ города; дружины рапныя съ голоду умирали подъ Москвою. Князю *Грубцкому* не воздавали никакихъ почестей.

Первые враги наши, развратныя спраси. Ощутя сію кепину, воины, жишели Московскіе и козани написали грамоту, состоявшую въ слѣдующихъ статьяхъ: *Вопервыхъ*, Начальникамъ быть единодушными; *вовторыхъ*, военныхъ людей награждать по достоинству, а не сверхъ мѣры; *втретьихъ*, взявъ Начальникамъ волости, принадлежащія имъ и сану Боярскому; а доходы

съ помѣстьевъ Боярь , находившихся въ Москвѣ , наравнѣ съ доходами Дворцовыхъ волостей употребить на содержаніе войскъ. *Наконецъ* убѣждали вѣрныхъ сыновъ Опечества не укоряя приверженцевъ Тушинскаго самозванца , и общими силами возсташъ къ оборонѣ Государства. Заруцкій и Трубецкой отвергли сію благонамѣренную грамоту , названную *приговоромъ* всей земли и доказывающую , что предки наши и среди мятежей уважали умѣренность и правосудіе. Прокофій *Ляпуновъ* подписалъ ее; недоброжелатели его сочинили другую подложную грамоту , въ которой извѣщали , будто бы Ляпуновъ повелеваетъ убивать козаковъ.

Заруцкій , начальствуя буйными скопищами , называвшими себя *сольными козаками* , отдалъ все въ добычу ихъ своеволія , что бы только они способствовали коварнымъ его замысламъ. Ляпуновъ явно и неустрашимо обличалъ своевольныхъ ратниковъ Заруцкаго и никого изъ нихъ не пускалъ къ себѣ. Ляпуновъ имѣлъ недоброжелателей ; Заруцкой ненавидимъ былъ всѣми благонамѣренными людьми и любимъ одними злоумышленниками. По приказанію Ляпунова , захвачены были для наказанія двадцать человекъ *сольныхъ коза-*

ковъ. Товарищи выручили ихъ, привели въ таборы подъ Москву и съ яростными воплями возстали на Ляпунова, угрожая ему смертію. Видя торжество своеволія, онъ вознамѣрился ѣхать въ Рязань. Злоумышленники, опасаясь упустить жертву свою, удержали его изъвленіями ложнаго раскаянія. Осторожный и прозорливый Ляпуновъ при семъ случаѣ впалъ въ разспавленные сѣни. Между тѣмъ, поддѣльная грамота о убійствѣ козаковъ, возмущала противъ него умы и наполняла сердца ненавистію. Снова составилось буйное сонмище, снова требовало оно Ляпунова къ отвѣсту. Сперва поколебался онъ, потомъ укрѣпясь Вѣрою и рѣшась умереть, но не покориться угрозамъ злодѣйства, пошелъ къ мяшежникамъ. Для чего вы призывали меня, сказалъ онъ съ твердостію духа. Ты хочешь побить всю нашу братію; вотъ грамота, тобою подписанная. Ляпуновъ возразилъ: Не правда, грамота подписана рукою злодѣйскою. Но да будетъ воля Божія! Готовъ умереть, а злодѣйства не потерплю.

Освирепѣвъ отъ сихъ словъ, одни изъ мяшежниковъ устремились къ нему съ обнаженными мечами, другіе бросились грабить

его домъ. Ляпуновъ и на разореніе дома и на смерть взиралъ безтрепетно. Въ самое то мгновеніе, когда мечи убійць сверкали надъ главою страдальца, *Иванъ Ржевскій*, непримиримый врагъ Ляпунова, вступаясь за него, вскричалъ: *Я врагъ Ляпунову; но онъ другъ Вѣры, другъ правды и земли Руской; или исторгну его изъ злодѣйскихъ вашихъ рукъ, или умру съ нимъ. Страшитесь! Богъ взыщетъ съ васъ неповинную кровь.*

Чѣмъ болѣе усиливается добродѣшель, тѣмъ яростнѣе свирѣпствуетъ ослѣщенное буйство. Ляпуновъ и Ржевскій, раздѣленные во время жизни ненавистію, вмѣстѣ пали подъ ударами убійць. Одинъ умеръ, обличая злодѣевъ, другой, вступаясь за врага своего, погибъ за правду.

Скорбя о злополучіи Отечества, Ляпуновъ не умѣлъ соблюсти обходительности, привлекающей сердца. Онъ не любилъ Царя *Василія* за бѣдственное его правленіе; но нельзя забыть, что онъ первый воззвалъ къ оружію Рускія дружины.

И древній Новгородъ возмущался отъ несогласія воиновъ съ гражданами, отъ безпечности Воеводъ и предательства. *Дела-гардій* остано- вился съ полками своими въ

семи верстахъ отъ города на Хутынѣ. Развратный Воевода Василій Бутурлинъ, преданный вину, каждый день ѣздилъ къ иноплеменникамъ, пировалъ съ ними и совѣщался о пагубѣ соотечественниковъ. Между тѣмъ дворовой человѣкъ Лутюхина, Иванъ Шваловъ, извѣстия Шведовъ о неустройствахъ Новгородскихъ, взялся ихъ провести ночью въ Чудовицкія ворота. Съ помощію сего предаателя враги вступили въ городъ; вопли поражаемой спражи извѣстили жителей, что городъ въ опасности. Бутурлинъ ограбля ряды и наполня повозки добычею, поспѣшилъ изъ города. Въ защиту Вѣры и имени Рускаго ополчились Стрѣлецкій голова Василій Гаяутинъ, Дьякъ Авфиногенъ Голенищевъ, козачій атаманъ Шаровъ и сорокъ человѣкъ козаковъ. Мужественно и отважно ударили они на враговъ; на каждомъ шагу разили и каждый шагъ заставляли покупать кровью. Сдайтесь! вопіяли враги: Мы пощадимъ васъ; мы наградимъ васъ почестями. Вѣрные козаки и Начальники ихъ поклялись умереть, а не быть плѣнниками. Они сдержали свое слово; они пали отъ ранъ съ оружіемъ въ рукахъ и увѣнчались славною смертію.

Въ то же время Софійскій Протопопъ *Амосъ*, запершись съ друзьями своими въ домъ своемъ, непоколебимо защищался, не внемля ни угрозамъ, ни обольщенію. Не за-долго передъ тѣмъ *Амосъ* подвергся запре-щенію Митрополитскому. Съ восходомъ сол-нечнымъ *Исидоръ*, совершая молебствіе на градской стѣнѣ и видя *Амосово* мужество, благословилъ его заочно и осѣнялъ крестомъ жилище его. Враги, раздраженные упор-ствомъ великодушнаго *Амоса* и неизмѣнныхъ его друзей, устремились всѣми силами и за-жгли домъ; никто не сдался; всѣ погибли. Но изъ пепла пожарнаго возсіяла ихъ слава, увѣковѣчивающая Вѣру, вѣрность и велико-душіе.

Всѣ ратныя люди разсѣялись; Новгородъ остался безъ обороны. Воевода Князь *Одо-евскій* и Митрополитъ *Исидоръ* невольно вступили въ переговоры съ *Делагардіемъ*. Уловляя Новгородцевъ хитростію, *Дела-гардій* обѣщаль пощадить частныя имуще-ства, а взять одну общественную казну. Коварство отвлекаетъ сперва отъ всего общаго, а потомъ похищаетъ и все ча-стное. Новгородцы съ своей стороны обя-зались призвать на Царство Шведскаго Ко-

родевича. Послы немедленно были отправлены: Новгородъ отдѣлился отъ Москвы и отъ Россіи. Предатель *Бутурлинъ* не воспользовался добычей своей; Шведы нагнали его въ *Бронницахъ* и все опіяли; онъ остался съ однимъ позоромъ, обезславившимъ имя его.

Подъ Москвою не прекращались междоусобія и раздоры, опаснѣйшіе иноплемennаго оружія. *Санега*, разоритель *Переяславля* и другихъ Рускихъ городовъ, пришелъ въ Москву, ограбилъ ее и удалился. Другіе предѣлы Россіи также страдали отъ различныхъ злоключеній. *Черкесы* ворвались въ *Калужскую* область, распространили грабежь, убійство и захватили множество плѣнниковъ. Число враговъ непрестанно умножалось. *Гетманъ Хоткевичъ*, приближась къ Москвѣ, намѣренъ былъ разорить Руской станъ; къ счастью, воины одушевились мужествомъ и отразили его съ усѣхомъ. *Хоткевичъ* претерпя важную потерю, отступилъ на зѣму въ село *Рогачево*.

Между тѣмъ въ странахъ Сѣверной Россіи появился новой самозванецъ. Изъ-за *Яузы* бѣжалъ въ *Ивангородъ* дьяконъ *Сидоръ*, назвавшійся Царевичемъ *Димитріемъ*. *Ивангородцы* приняли его и успремались ко *Москву*,

который также къ нему присталъ. Приверженносшь къ самозванцамъ споль быспро дѣйствовала, что и подѣ Москвою нѣкоторые Воеводы присягнули новому Лжедмитрію; но дворяне, противоборствуя угрозамъ и насилію, отвергли самозванца, прослывшаго подѣ именемъ Лжедмитрія *Калужскаго*.

Въ сіе плачевное время Вѣра и всѣ Рускія добродѣтели укрывались въ стѣнахъ *Троицкой* обители. Архимандритъ *Діонисій* спалъ на неусыпную спражу Ошеческа. „Домъ Пресвятой Троицы,“ говорилъ онъ: „не зануспѣемъ. Не пощадимъ ничего для бѣдныхъ. ничего не пожалѣемъ для раненыхъ воиновъ. Жизнь наша въ Вѣрѣ и въ служеніи ближнихъ.“ Монашырскія хранилища отперзлись въ пользу бѣдныхъ и раненыхъ воиновъ. Сорокъ дней въ брашской трапезѣ не употребляли квасу и питались однимъ *вскнымъ* хлѣбомъ. Все прочее отдавали спрадальцамъ. Днемъ и ночью *Діонисій* надзиралъ за больными и ранеными; бѣлье монашырское отдавалось на перевязку ранъ.

Въ то же время нѣсколько скорписцевъ, изъ которыхъ отличнѣйшимъ былъ Алексѣй *Тихоносъ*, переписывали грамоты *Діонисія* и Келаря *Палицына*. „Вспомните,“ вѣщали они:

„вспомните, сколько Царствъ и владычества погибли отъ раздоровъ и разврата. Богъ возвышаетъ Царства за Вѣру и добродѣтель. Не теряйте времени; медленность разрушитъ всѣ предпріятія наши. Плѣнь и разореніе угрожаютъ Россіи; укрѣпимся братолюбіемъ; воспанемъ за Вѣру единодушно.“

Въ сихъ обстоятельствахъ въ достопамятный 1612 годъ учредился всеобщій *тридневный постъ*. Отъ старцевъ, на краю гроба стоявшихъ, до грудныхъ младенцевъ, всѣ участвовали въ семъ благочесливомъ подвигѣ. Смиреніе и разкаяніе примирили землю съ небесами. Первые лучи радостной надежды блеснули въ стѣнахъ *Нижняго Новгорода*. Одушеваясь грамошами *Діонисія* и *Келаря Палицына*, Нижегородскій мясной продавецъ *Розьма Мининъ*, по прованію *Сухорукій*, служившій некогда въ войскѣ, пришедъ на площадь, возоцилъ къ народу: „Естьли хотимъ спасти Московское Государство; то не только не пощадимъ жизни, но пожертвуемъ семействами и имуществами своими. Заложимъ женъ и дѣтей; все отдадимъ, чтобы только мужественный и опытный Начальникъ вступился за Вѣру и повелѣбы насъ къ освобожденію Москвы.“ Голосъ Минина

опозвался во всѣхъ душахъ; всѣ воскликнули: *Не пощадимъ ни себя, ни семействъ, ни имуществъ своихъ!* По общему приговору согласились призвать Стольника Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, лѣчившагося отъ ранъ въ деревнѣ своей, во 120 верстахъ отъ Нижняго. Печерскій Архимандритъ Феодосій съ выборными Нижегородцами отправился къ Пожарскому. *Князь!* сказалъ онъ: *вступи за Вѣру и Отечество!* Въ болѣзни своей одушевляясь рвеніемъ къ общей пользѣ, Пожарскій отвѣчалъ: *Радъ вступить, радъ умереть за Вѣру и Отечество, но къ сему нужны единодушное послушаніе и усердныя пожертвованія. Отыщите надежнаго человека и поручите ему земскую и воинскую казну.* Архимандритъ и спутники его сказали, что они не знаютъ такого человека. Князь Пожарскій, давно уже сносившійся съ Мининымъ, возразилъ: *У васъ Козьма Мининъ; онъ служилъ въ полкахъ; онъ знаетъ воинскій разпорядокъ.* Послы спѣшають въ Нижній и убѣждаютъ Минина принять казну въ вѣдѣніе свое. Мининъ, зная народное непостоянство и желая обуздать оное необычайными средствами, заставилъ подписать слѣдующій достопамят-

ный приговоръ: *Для снабженія всѣмъ нужнымъ войска, не пощадимъ ни себя, ни женъ, ни дѣтей.* Опасаясь, чтобы Нижегородцы не отступились отъ словъ своихъ, Мининъ немедленно пригласилъ согражданъ своихъ утвердить оный рукоприкладствомъ и послалъ къ Пожарскому.

Между тѣмъ на голосъ Вѣры и вѣрности Смоленяне спѣшили въ Нижній. Новогородцы поручили имъ идти къ Герою и просить, чтобы онъ не медлилъ пріѣздомъ своимъ. Получа приговоръ Нижегородцевъ и уважая просьбы Смоленянъ, Пожарскій отправился въ Нижній. На пути встрѣтился онъ съ *Вяземскими* и *Дорогобужскими* дружинами. День прибытія его въ Нижній былъ днемъ радости и общаго торжества.

Принявъ въ распоряженіе свое казну, Мининъ первою обязанностію почелъ удовлетворить жалованьемъ дружины, ополчившіяся къ оборонѣ Отечества. Но отъ сей задачи казна *Нижегородская* истощилась. По приглашенію Пожарскаго, *Поморскіе* и *Помозовые* города съ радостію сдѣлали важныя пожертвованія деньгами и отправили Пословъ совѣщаться о дѣлѣ общемъ. Вѣсть, быстро разнесшаяся о собраніи ополченія въ Ниж-

челѣ, привлекла туда Коломенцевъ, Рязанцевъ; Украинцевъ и Стрѣльцовъ; бывшихъ въ Москвѣ при Царѣ Василѣ. Начальники немедленно снабжали ихъ всѣмъ нужнымъ. Единодушіе и согласіе царствовали въ полкахъ; пѣхота снарядилась и устроилась; конница, утомленная дальными переходами, удобрялась; души и сердца воиновъ пламенѣли Вѣрою и любовью къ Отечеству.

Казань, отвергнувъ голосъ вѣрныхъ сыновъ, хотѣла владычествовать отдѣльно; Дьякъ Никаноръ Шульгинъ былъ главою мятежниковъ. Хотя вѣсть сія огорчала Пожарскаго, но не охладила рвенія его къ общей пользѣ.

Услыша о Нижегородскомъ ополченіи, враги требовали, чтобъ Гермогенъ не допустилъ его къ Москвѣ. Гермогенъ отвѣчалъ: *Благословляю воиновъ, ополчившихся къ освобожденію Москвы; да поразитъ гнѣвъ Божій измѣнниковъ Отечества!* Злодѣи обрekli Гермогена въ жертву голода. Лишенный пищи и силъ, великій страдалецъ скончался 17 Февраля 1612 года. Прахъ его покойтся въ Чудовомъ монастырѣ въ церкви Архистратига Михаила; добродѣтели и имя его дошолъ

не изгладятся изъ сердець Рускихъ , доколѣ, не исчезнетъ имя Руское.

Страшась Нижегородскаго ополченія, *Заруцкій* съ сообщниками своими вознамѣрился захватить *Ярославль* и всѣ *Поморскіе* города , что бы воспрепятствовать *Пожарскому* соединенію съ *Ярославцами*. — Посовѣтовавшись съ *Мининымъ*, Князь *Пожарскій* отрядилъ въ *Ярославль* нѣсколько дружинъ подъ начальствомъ двоюроднаго брата своего Князя *Дмитрія Петровича Лопаты - Пожарскаго*. Князь *Дмитрій* оправдалъ родственную довѣренность ; быстро пришелъ онъ въ *Ярославль* и захватилъ приверженцевъ *Заруцкаго*. Главный его наперсникъ *Андрей Просо-вецкій* не оспажился идти къ *Ярославлю*.

Съ надеждою на Бога и съ послѣдними Рускими воинами , *Пожарской* и *Мининъ* посѣщали въ *Ярославскую* область. Усердіе ихъ оживотворило жителей всѣхъ городовъ. *Балахонцы* радостно ихъ встрѣшили и на-дѣлили казною. Въ *Балахну* подоспѣлъ съ дружиною *Матвѣй Плещеевъ*. Новые воины потчасъ снабжены были всемъ нужнымъ. Въ *Юрьевъ-Повольскомъ* ревностные жители , встрѣчая защитниковъ Отечества , от-верзли и обѣщія и казну. Въ семъ городѣ

къ полкамъ Пожарскаго присовокупились Юртовскіе Татары и получили вспоможеніе изъ пожертвованій Юрьевцевъ.

Во время стоянія Пожарскаго на *Решмѣ*, прибыли къ нему изъ Владимира Послы отъ Окольного Артемія Васильевича *Измайлова*, державшаго сторону Вѣры и правоты. Сіи Послы извѣстили Пожарскаго о Псковскихъ происшествіяхъ. Обольстясь обѣщаніями Калужскаго самозванца, Иванъ *Плещеевъ* и Казаринъ *Бегичеевъ* предались ему съ дружинами своими. Казаринъ, старостию лѣтъ сближаясь съ гробомъ, во корыстную увлекаясь къ неправотѣ, увидя самозванца, воскликнулъ: *Вотъ истинной нашъ Государь Калужскій!* Къ щастію, *Плещеевъ* и бывшіе съ нимъ козаки, разкаясь въ преступленіи своемъ, сказали: *Не хотимъ зла Москoескому Государству; не ебремъ самозванцу.* Условясь съ Псковскимъ Воеводою Княземъ Иваномъ Федоровичемъ *Хованскимъ*, они захватили самозванца *Сидорку*, поспѣшили съ нимъ въ Москву и сообщниковъ его разсадили по тюрьмамъ. Сіи вѣсти подтвердились новыми Московскими извѣстіями о паденіи самозванца. Отпустя Владимирскихъ и Московскихъ Цословъ, Пожарской двинулся къ *Кинешмѣ*,

откуда направилъ путь въ *Кострому*. Малодушный *Костромской Воевода Иванъ Шереметевъ*, не доброжелательствуя Отечеству, не хотѣлъ пропустить *Пожарскаго*. Узнавъ о семъ отъ вѣрныхъ людей, *Пожарской* и *Мининъ* ускорили походъ, прямо пошли къ *Костромѣ* и остановились въ виду города. Примѣръ развратнаго начальника возбудилъ сильный мятежь. Одни держали его снѣроу, другіе, преодолевъ злоумышленниковъ, восстали на жизнь его. *Пожарской* избавилъ *Шереметева* отъ смерти, на мѣсто его опредѣлилъ въ *Костромѣ* Воеводами: Князя *Романа Гагарина* и Дьяка *Подлѣсова*. Имена соучастниковъ въ освобожденіи Отечества драгоцѣнны для соотечественниковъ. Въ то же время Князь *Пожарскій* отправилъ въ *Суздаль* родственника своего *Романа Петровича Пожарскаго*, къ предупрежденію замысловъ *Просовецкаго*, измѣнившаго Отечеству, въ ожиданіи награды отъ *Заруцкаго*.

Провожая *Пожарскаго* и *Минина*, *Костромскіе* жители не щадили ни имуществъ, ни изъявленій благодарности; въ *Ярославѣ* *Нижегородское* ополченіе принято было съ такимъ же воспоргомъ. Хотя *Ярославцы* предлагали щедрые дары, но *Пожарской* и

Мининъ не принялъ ихъ, имѣя все нужное
 для содержанія войска. Всѣ мысли ихъ устре-
 милась къ освобожденію преспольнаго града.
 Деньги помогаютъ; Вѣра и мужество спаса-
 ютъ Отечество. Изъ разныхъ городовъ
 спешались люди всякаго званія, обрекая въ
 пользу службы и себя и имущества свои. Но
 и лучшія предпріятія сопровождаются неудоб-
 ствами! Сильное скопище Черкасоевъ заняло
 Антоніевъ монастырь; козаки стояли въ
 Целищѣ. Василій Толстой съ измѣнниками
 изъ подъ Москвы пришелъ въ Пошехонъ и въ
 окрестностяхъ сего города распространилъ
 разореніе и убійство. Многіе Дворяне отъ
 злобы его пострадали за то, что вѣрность
 предпочитали жизни. Не совѣсть, но страхъ,
 что бы не подвергнуться опасности отъ Шве-
 довъ, занявшихъ Тихвинъ, удержалъ Тол-
 стого отъ дальнѣйшаго буйства. Въ сихъ
 общеносельствахъ Пожарской и Мининъ не-
 раздѣльными душами и мыслями совѣщались
 съ духовными и земскими чинами о пользахъ
 Государственныхъ. Въ слѣдствіе совѣщанія
 въ Новгородѣ отправили Пословъ, а про-
 тивъ Черкасоевъ отрядили войско. Посламъ
 поручено было сказать Митрополиту Иси-
 дору, Делагардію и всѣмъ Новгородцамъ,

что бы они обо всемъ писали откровенно, и что естли рѣшились призвать на Царство Шведскаго Королевича, то и они соглашающагося, но съ пѣмъ, что бы онъ принялъ Греческое исповѣданіе. Въ самомъ дѣлѣ они отнюдь о семъ не помышляли; цѣль посольства состояла въ томъ, что бы отклонить Шведовъ отъ нашествія на Полорскіе города. Митрополитъ *Исидоръ*, отрадая подъ игомъ иноплемениковъ, не смѣлъ объясняться чистосердечно; а *Делагардій* отвѣчалъ, что онъ отправитъ для переговоровъ Пословъ отъ всего *Новгородскаго Государства*. Симъ наименованіемъ умышлялъ онъ рѣшительно отдѣлить Новгородскую область отъ Россіи. Возвратившіеся Послы донесли, что отъ Новгорода нельзя ожидать добра.

И съ другой стороны злоумышленіе стѣсняло подвиги сыновъ Отечества. Казанскіе пришельцы, предводимые *Иваномъ Биркинымъ*, возмутили Ярославль; даже и Смольяне, прежде всѣхъ приставшіе къ Нижегородскому ополченію, поколебались отъ междоусобія. Не смотря на всѣ сіи затрудненія, Князь *Дмитрій Мансуровичъ Черкасскій* поразилъ *Черкасовъ* и способствовалъ къ укрощенію козацкихъ приверженцевъ *Заруцкаго*. Козац-

кіе Ашаманы: Богданъ Поповъ, Федоръ Березнинъ, Алексѣй Нутовъ и Максимъ Чекушниковъ, оставя измѣнниковъ, дѣйствовали съ Княземъ Чернаскимъ и вмѣстѣ съ нимъ заслужили отъ всей Руской земли честь и славу.

Раздоры Начальниковъ не прекращались въ Ярославль. Не къ кому было прибѣгнуть; не съ кѣмъ было совѣтоваться. Пожарской и Мининъ не могли уже убѣждать. Общее вниманіе обращилось на Митрополита Кирила, удалившагося отъ паствы Ростовской въ Троицкую обитель. Для блага общаго онъ рѣшился жертвовать личною безопасно-стію, возвратился въ Ростовъ, и оттуда отправился въ Ярославль. Въ лицѣ Митрополита Кирила являлся посредникъ между враждующими Начальниками. Всѣ къ нему прибѣгали и всѣ почитали совѣты его безпрекословнымъ опредѣленіемъ. Торжество сіе принадлежитъ Вѣрѣ и добродѣтели.

Прошивъ Заруцкаго, утѣснявшаго Переяславль — Залѣскій, уѣзды и посады, отправленъ былъ Воевода Иванъ Федоровичъ Пауловъ. Въ то же самое время прибыли Новгородскіе Послы. Опасаясь Шведовъ, они повѣрили, что согласны призвать на Царство Шведскаго Королевича; но наблюдаше-

ли тогдашнихъ произшествій утвердительно говоряшъ, что симъ прищворнымъ соглашеніемъ хотѣли усыпить *Делагардія*, а впрочемъ имъ и въ мысль не приходило избрать Царя иноплеменинаго.

Князь Пожарской готовился къ освобожденію Москвы; Заруцкой умышлялъ его пагубу. Къ убіенію Вождя Нижегородскаго ополченія онъ отправилъ онъ сообщниковъ своихъ и приказалъ имъ подкупить Рязанца *Семена Жданова*. Сей злодѣй жилъ у Князя, пользовался его благодѣяніями и рѣшился быть его убійцею. — Нѣсколько разъ приходилъ онъ ночью къ одру Пожарскаго; безпрестанно мога умертвить соннаго, но страхъ удерживалъ руку его. Наконецъ изверги условились поразить жертву свою въ спячій. Наблюдая всѣ шаги Пожарскаго, подстерегая его у сѣзжей избы, откуда шелъ онъ осматрѣвъ снаряды, назначенные подъ Москву. Убійцы прицѣпились у *Разридныхъ* дверей. Едва Князь перешагнулъ черезъ порога, козакъ *Романъ* взялъ его подъ руку, между тѣмъ *Етенька*, сообщникъ *Заруцкаго*, кинулся прамежъ ихъ, покушался ударить Князя ножомъ въ бокъ, промахнулся и рѣнулъ въ ногу *Романа*; раненый застоналъ и

упалъ. Пожарской, не подозрѣвая никакого злоумышленія, хотѣлъ идти; народъ остановилъ его и воскликнулъ: *Князь! тебя хотѣли убить!* бросились обыскивать злодѣевъ, и нашли ножъ у убійцы. Терзаясь совѣстью, онъ во всемъ признался, и объявилъ сообщниковъ своихъ. Мщеніе народное готовило имъ смерть; Пожарскій ихъ простилъ.

И великій человекъ подверженъ слабостямъ! Негодуя на враговъ своихъ, Пожарской замедлился походомъ къ Москвѣ. Ласкатели, угождающіе страстямъ, заняли его пирами и спарались похищать у него дни и мѣсяцы, когда каждый мигъ былъ дорогъ. Архимандритъ *Діонисій*, скорбя о медленіи Пожарскаго, два раза отправлялъ къ нему Пословъ; но тщетно. Наконецъ Авраамій *Палицынъ* самъ рѣшился ѣхать въ Ярославль. Онъ прибылъ туда 28 Іюля; именемъ Бога и Вѣры убѣждалъ Пожарскаго, Минина и войско; напоминалъ, что они начали *доброе дѣло*, и что они будутъ оповѣщать Богу, если не довершатъ подвига своего. „Вожди послѣдняго Рускаго ополченія,“ говорилъ онъ: „занимаются междоусобіями, безпечностью и пиршествами; ласкашельство и коварство уловляютъ ихъ въ сѣти свои: а враги не

дремлющъ , враги усиливаются : Гетманъ Хоткевичъ съ свѣжими войсками спѣшитъ къ Москвѣ. Если вы не предупредите его, Москва и Россія погибнуть.“

Убѣжденія Вѣры подѣйствовали ; войско выступило. Первый почлегъ былъ въ семи верстахъ отъ Ярославля. На другой день Пожарской поручилъ полки Князю Андрею Ивановичу Хаванскому и Минину, приказавъ имъ идти на Ростовъ , а въ окрестные города разослалъ сборщиковъ отыскивать ратныхъ людей и отводить ихъ къ общему ополченію. Готовясь для спасенія Отечества жертвовать жизнью, Пожарской вознамѣрился сперва прибѣгнуть къ Богу и поосѣнить прахъ родителей своихъ. Съ небольшимъ отрядомъ отправился онъ въ Суздаль къ Свасу и къ Ефимію Чудотворцу. Отслужи молебенъ и простясь съ родительскими гробами , поспѣшилъ въ Ростовъ , гдѣ соединился съ войскомъ. Множество иногородныхъ ратниковъ прибыли къ ополченію. Усиля ими полки свои и услыша , что Шведы изъ Новгорода собираются на Бѣло - озеро , Пожарской, при выступленіи изъ Ростова , отрядилъ туда нѣсколько дружинъ съ Воеводою Григорьемъ Образцовымъ.

Успрашася молвою о походъ Пожарскаго, Заруцкой убѣждалъ въ Коломну къ Маринѣ и сына ея провозгласилъ Царевичемъ. Но видя, что вѣрность преодолѣваетъ вѣроломство, поспѣшилъ въ Украинскіе города.

Между тѣмъ Пожарской остановился въ Троицкой обители до окончанія условій съ козаками. Тщешно Князь Трубецкой звалъ его въ Москву; тщешно извѣщалъ о приближеніи Хоткевича: войско возмутилось междоусобіемъ. Одни хотѣли идти къ Москвѣ, другіе вопіяли: *Не пойдёмъ! Князя Пожарскаго для того заманиваютъ въ Москву, чтобы убить его также, какъ убили Прокофія Ляпунова.* Слыша сіи вопли, Келарь Авраамій Палицынъ сказалъ Пожарскому: *Князь! злодѣи, покушающіеся на жизнь твою, не могутъ коснуться твоей души. Славно быть страдальцемъ за Вѣру и Отечество!*

Пожарской рѣшился или умереть, или спасти Отечество. Немедленно отправилъ онъ въ Москву Князя Василья Ивановича Туренина и приказалъ ему укрѣпиться у Пречистенскихъ воротъ, для отраженія Хоткевича.

Устроилось все войско къ походу: Пожарской и Мининъ прибѣгли съ моленіемъ къ Чудотворцамъ Сергію и Никону. Архимандритъ

Діонисій, благословя ихъ, пошелъ за пруды, снѣлъ на горѣ *Волкушѣ*, откуда оскіялъ крестомъ полки; Свѣщенники окропляли ихъ Святой водою.

Въ сіе время отъ Москвы дулъ сильный сопроотивный вѣтръ; войско содрогнулось: казалось, что и природа споспѣшествовала врагамъ. Съ пренешомъ прикладывались воины ко кресту, и принимали благословленія *Діонисія*. Когда пришла очередь благословляться Начальникамъ, вдругъ вѣтръ перемѣнился и подулъ въ пыль. Отъ сей внезапной перемѣны оживошворилось все войско, Архимандритъ *Діонисій*, продолжая оскіявъ полки, воскликнулъ: *Богъ съ вами! Да поможетъ вамъ великій Чудотворецъ Сергійъ пострадавъ за Вѣру! Отъ вѣтра, дувшаго въ пыль, всадники едва держались на коняхъ. Воины ускорили шаги, радостная надежда порывала ихъ къ стѣнамъ пресшольнаго града; тысячи голосовъ восклицали: Умремъ за Вѣру и за домъ Пресвятыя Богородицы! Перемѣнившійся вѣтръ продолжался до самаго пораженія Гетмана *Хоткевича*. Келарь *Авраамій Палицынъ* сопровождалъ *Пожарскому*. Полки остановились на *Яузѣ* въ пяти верстахъ отъ города; разъѣзды посланы были*

къ *Арбатскимъ* воротамъ. Князь Трубецкой приглашалъ Пожарскаго въ свой станъ, но онъ отказался подъ предлогомъ ночного времени. На другой день войско его перешло къ *Арбатскимъ* воротамъ, сдѣлало укрѣпленіе и окопалось. Трубецкой возобновилъ приглашенія; Пожарской и полки его рѣшительно отвѣчали, что budouть дѣйствовать отдѣльно. Непріязнь возмутила главныхъ Начальниковъ.

Отправленная спржа, для развѣдыванія о непріятелѣ, извѣстила Пожарскаго, что Хошкевичъ спѣшитъ къ Москвѣ. Войско его устроилось; враги остановились на *Поклонной горѣ*. 22 Августа Хошкевичъ переправился черезъ Москву рѣку у *Девичьего монастыря* и устремился къ Пречистенскимъ воротамъ. Пожарской пошелъ ему на встрѣчу. Трубецкой, стоявшій за рѣкою у *Крѣпостнаго двора*, просилъ у Пожарскаго нѣсколько сотенъ, для пораженія враговъ въ тылъ. Не предполагая никакого обмана, Пожарской отрядилъ ополченныя пѣхоты сотенъ. Конница сражалась съ Гепманомъ съ перваго до осьмага часу. По непріязни къ Пожарскому, Трубецкой не помогаль ему; а козаки, завидуя вновь пришедшимъ войнамъ, говорили: *Они богаты; пусть*

сами отступаютъ. Хопкевичъ напиралъ всѣми силами; конница изнемогала. Пожарской спѣшился; всѣ послѣдовали его примѣру. Начался новый бой; противники почти схватывались руками: споль они сблизились! Между тѣмъ Начальники пяти сотенъ, отправленныхъ къ Трубецкому, видя его бездѣйствіе, презрѣли угрозы и поспѣшили на помощь полкамъ Пожарскаго. Воспылавъ рвеніемъ къ Вѣрѣ и любовью къ Отечеству, козацкіе Атамааны: Филатъ Межекосъ, Афанасій Коломнинъ, дружина Романовъ и Марка Розловъ, воскликнули: Князь Трубецкой! ненависть твоя къ Пожарскому губитъ Москву и войско. Мы идемъ на помощь братьевъ нашихъ! Сказали — и устремились въ путь славы. Подкрѣпясь помощію козацкихъ Атамановъ, Пожарской отразилъ Хопкевича. Поляки опять отступили къ Поклонной горѣ, а на другой день, то есть 23 Августа, перешли къ Донской обители. Гетманъ двинулся со всемъ обозомъ. Князь Трубецкой спалъ въ Лужникахъ; Пожарской расположился на берегу у Ильи Обиденнаго. Пришедшихъ Воеводъ изъ Ярославля отрядилъ онъ туда, гдѣ былъ сперва деревянной городъ; многія сотни высланы были противъ

Гетмана. Бой продолжался съ утра до шестаго часу вечера. Хоткевичъ наступалъ всѣми силами; при семъ отважномъ нападеніи и полкъ Пожарскаго едва могъ устоять. Трубецкой и козаки видѣли гибель братій своихъ и удалились въ станъ свой. Раздраженное самолюбіе и зависть заглушили въ сердцахъ ихъ любовь къ Отечеству. Хоткевичъ сталъ у храма *Екатерины Мученицы* и занялъ укрѣпленіе у церкви *Климента Папы Римскаго*. Друживы Пожарскаго, изнемогшія отъ сильнаго и продолжительнаго бою, со слезами вопіяли: *Мы не защитимъ престольнаго града; Богъ оставилъ насъ!* Пожарской призываетъ *Авраамія Палицына* вмѣстѣ съ другими духовными, совершавшими молебствіе у Ильи *Обыденнаго*. Палицынъ спѣшитъ къ полкамъ Пожарскаго, видитъ общее уныніе, слышитъ рыданіе и вопли утомленныхъ воиновъ: *Мы не устоимъ безъ козаковъ!* Забывъ старость свою, презирая опасность, помня только Бога и Отечество, Палицынъ стремится къ козакамъ, споявшимъ у укрѣпленія предъ храмомъ *Климента Святаго*. „Отъ васъ,“ вѣщаетъ онъ козакамъ: „отъ васъ началось доброе дѣло; вы неусыпно стояли за Вѣру православную; вы претерпѣвали

раны; вы переносили голодъ и бѣдность; о мужествахъ вашемъ гремитъ молва въ дальнихъ Государствахъ: не погубите славы и заслугъ своихъ!" Козаки восклицають: *Умремъ за Вѣру; не погубимъ славы нашей; иди къ товарищамъ нашимъ; зови ихъ къ намъ!* Палицынъ прибавилъ: *Ополчася на враговъ, возглашайте имя Сергія! вы узрите славу Божию.* Спѣша къ полкамъ козацкимъ, Палицынъ встрѣчаетъ многія дружины ихъ у церкви Никиты Мученика; они уже удалились въ станъ свой, но замедлили при переправѣ черезъ рѣку. Палицынъ повторяетъ имъ то же, что вѣщалъ товарищамъ ихъ. Сердца ихъ воспламени жалостью и усердіемъ къ Вѣрѣ. *Умремъ*, воскликнули они: *Или отразимъ враговъ! пострадаемъ за Вѣру.* Съ быстротою молнии полетѣли они на мѣсто битвы. Отряды козацкіе, бывшіе уже за рѣкою, видя, что братья ихъ поворотились, немедленно пустились вбродъ и вплавъ. Загремѣло въ полкахъ козацкихъ имя Сергія! Укрѣпленіе Климентское было взято грудью и единодушною ревностью; пало множество Ляховцевъ и въ томъ числѣ семь сотъ Венгровъ. Они оставили родную страну для добычи, и стали жертвою смерти. Козаки за

няли укрѣпленіе ; пѣшія дружины залегли въ ямахъ и высокой крапивѣ , что бы поразить враговъ внезапностью. При кликахъ побѣдоносныхъ , оживотворясь новымъ мужествомъ , Рускіе воины еще болѣе воспылали благодарностью къ Богу , Подателю славы и побѣдъ. Единодушно положили они соорудить три храма : первый во имя Срѣщенія Пресвятой Богородицы ; второй во имя Іоанна Богослова ; третій во имя Московскаго Митрополита Петра Чудотворца.

Уже день 23 Августа , проведенный въ упорномъ бою , страхъ и надеждъ , склонялся къ вечеру ; Мининъ , блюститель общественной казны , убѣждалъ Князя Пожарскаго дать ему нѣсколько дружинъ къ отраженію враговъ ; Пожарской отвѣчалъ : *Выбирай , кого хочешь !* изъявляя симъ словомъ полную къ нему довѣренность. Выбравъ Ротмистра Хмѣлескаго и три дворянскія сотни , Мининъ переправился черезъ рѣку , пошелъ къ Крымскому двору ; быстро и отважно успремился на конные и пѣшіе непріятельскіе отряды. Обманутые мужественнымъ напоромъ Минина , враги думали , что все войско противъ нихъ дѣйствуетъ , и обратились въ бѣгство. Мининъ преслѣдовалъ ихъ , тѣснилъ

и поражалъ. Между тѣмъ Руская пѣхота, залегшая въ ямахъ, пустилась тихомолкомъ въ обходъ и приблизилась къ стану Липовскому. Вся конница ударила. Хопкевичъ бросилъ станъ. Овладевъ станомъ и обозомъ непріятельскимъ, Воеводы и войско разположились во рву деревяннаго города. Кипя ревностью и отважностью, полки желали продолжать бой; Начальники отвѣчали: *Въ одинъ день двухъ радостей не бываетъ*. А что бы тревожишь и упомляшь враговъ, Пожарской приказалъ спрѣлать до самаго разсвѣта. Дымъ и огонь, слившіеся густымъ дымомъ, казались пожарнымъ пламенемъ. Непріятели, отступая къ Донской обители, во всю ночь не смѣли сѣшиться. Возмущаясь страхомъ, 24 Августа бѣжали они возвѣстити стыдъ свой и мужество защитниковъ преспольнаго града.

По удаленіи Хопкевича, Липовскія войска занимали еще различные части города, и Кремль былъ въ ихъ рукахъ. Хотя внѣшніе враги сильно были поражены, но внутренняя вражда не прекращалась. Князь Трубецкой требовалъ, что бы начальники Нижегородскаго ополченія являлись къ нему въ станъ; Пожарской и Мининъ не соглашались. Наконецъ

для совѣщанія условились сѣзжаться на Неглинной.

Въ сіе время буйные Черкасы, свѣдавъ о выходѣ войскъ изъ Ярославля въ Москву, отклонились отъ Литовцевъ, устремились къ Вологдѣ и пришли ночью къ стѣнамъ ея. Безпечные Воеводы, забывъ осторожность и долѣ свой, не умѣли ничего предвидѣть; Вологда была жертвою ихъ преступной оплошности. Черкасы, овладѣвъ ею, ограбили жителей и общественную казну.

Къ щастію, Вожди Московскіе, по мѣрѣ успѣховъ надъ врагами, усугубляли осторожность и неусыпность. Услыша, что Хоткевичъ намѣренъ подъ сильнымъ прикрытіемъ проводить запасы къ Полякамъ, изнемогавшимъ отъ голода въ стѣнахъ Кремля, они сдѣлали отъ рѣки укрѣпленіе и выкопали ровъ. Главные Начальники попеременно сами находились на непрестанной стражѣ днемъ и ночью. Гепманъ, узнавъ о дѣятельности Рускихъ Вождей, опмѣнилъ намѣреніе свое. Осторожность не рѣдко дѣйствуетъ сильнѣе оружія.

Голодъ въ Кремлѣ часъ отъ часу умножался. Вожди Литовскіе приказали Боярамъ и прочимъ Рускимъ людямъ, находившимся

въ стѣнахъ Кремлевскихъ , отпустить женъ и дочерей. Бояре , огорченные симъ приказомъ , просили Пожарскаго, Мицина и войско принять семейства ихъ подъ защиту свою. Князь Пожарской самъ пошелъ на встрѣчу имъ и съ должнымъ уваженіемъ развелъ по домамъ родственниковъ и знакомыхъ. Козаки, озлобясь на Пожарскаго за то, что не дозволилъ грабиль злополучныя семейства, хотѣли его убить. 22 Октября загладили они преступленіе свое , взявъ приступомъ *Китай*.

Литовцы , видя предъ очами своими вопрепшанное свирѣпство голодной смерти, рѣшились сдаться. Не желая договариваться съ Княземъ Трубецкимъ, они прибѣгли къ Князю Пожарскому. Великодушный Герой , возвышая славу свою человеколюбіемъ , оставя всѣхъ плѣнныхъ при ихъ имуществѣхъ , безвредно опшравилъ по городамъ. Несказанно было страданіе Литовцевъ въ Кремль ! Они не только гибли нечистыми животными, но въ испугленіи ума пожирали другъ друга. Столь люто наказывающся враги спокойствія и разорители чужихъ областей.

Сила враговъ исчезала ; зависть и междоусобія все еще свирѣдствовали. Козаки, завидуя войску Пожарскаго , съ угрозами

непрестанно требовали платы. Келарь Авраамій Палицынъ въ сіе время былъ въ Троицкой обители. Издержавъ всѣ деньги на пользу Опечесства, онъ послалъ къ козакамъ драгоцѣнныя ризы и прочія церковныя сокровища. „Примите,“ писалъ онъ: „Примите все сіе въ залогъ; не оставляйте только дѣла своего: защищайте Вѣру и градъ престольный. Вы много прешерпѣли, вы много понесли нужды и трудовъ: мужайтесь, крѣпитесь! Богъ васъ не оставитъ. Поддержите славу свою новымъ рвеніемъ къ Вѣрѣ и Опечесству!“ При чтеніи сего письма козаки возрыдали и немедленно отправили къ Палицыну двухъ Атамановъ со всѣми вещами, присланными изъ Троицы. „Возвращаемъ,“ отвѣчали они: „Возвращаемъ все, принадлежащее дому Живоначальной Троицы. Готовы терпѣшь многочисленныя бѣдствія и скорби, не оставимъ дѣла нашего: ради биться до изнеможенія силъ за градъ престольный и за Вѣру православную.“

Сигизмундъ, упорствуя въ злоумышленіи противъ Россіи, вступилъ въ Вязьму, и обольсая нѣкоторыхъ Боярскихъ дѣшей, въ томъ числѣ и Князя Федора Енцльдеева, отправилъ ихъ въ Москву съ извѣстіемъ о при-

ближеніи овоемъ. Полагая, что Москва еще въ рукахъ Литовцевъ, измѣнники посѣщали въ нее и были захвачены. Прочитавъ бывшія при нихъ грамоты, Рускіе Вожди ужаснулись тѣмъ болѣе, что жители Московскіе разбѣжались и во всемъ былъ крайній недостатокъ. Тщешно посылали въ Казань за продовольствіемъ; бунтовщикъ Никаноръ Шульгинъ угрожалъ смертію всѣмъ посламъ Московскимъ. Бѣдственны были сіи обстоятельства; но души Рускихъ Начальниковъ не упали: они слова поклялись умереть за Вѣру и Отечество.

Король Польскій изъ Вязьмы пошелъ подъ *Погорѣлое* городище. Сильно приступалъ онъ и съ такою же упорностью былъ отражаемъ. *Погорѣльскій* Воевода Князь Юрій *Шахоевской* послалъ сказать Сигизмунду: *На что напрасно проливать кровь; иди подъ Москву: если овладѣешь ею, то и мы будемъ твоими.*

Сигизмундъ, устремясь отъ *Погорѣлаго* къ *Волоколамску*, отправилъ къ Москвѣ *Желткоевскаго* молодого и съ нимъ нѣкоторыхъ изъ Рускихъ Пословъ, бывшихъ въ Польшѣ съ *Филаретомъ*. Онъ приказалъ имъ именемъ его требовать, что бы приняли на Царство

сына его *Владислава*. Внезапнымъ появленіемъ устѣвъ *Московскихъ*, *Желтковской* привелъ въ уныніе полки *Рускіе*; но вскорѣ мужественная рѣшимость одолѣла мгновенный страхъ. *Рускіе* ополчились. Въ сильномъ и упорномъ бою враги взяли въ плѣнъ Стольника *Ивана Философа*. Употребляя лесть и угрозы, *Желтковской* разирашивалъ плѣнника: Много ли осталось въ *Москвѣ* жителей, есть ли запасы, и хотятъ ли *Рускіе* имѣть Царемъ сына *Сигизмундова*? *Философъ* отвѣчалъ: *Москва* многолюдна и всемъ запасена. *Рускіе* не хотятъ принять на Царство сына *Сигизмундова*; они хотятъ имѣть своего Царя и поклялись умереть за Вѣру православную. Мечтая нанести *Москвѣ* страхъ, враги сами вострепетали и быстро отступили къ *Волоколамску*. *Философъ* предешавленъ былъ Королемъ. Снова разирашивали его о *Москвѣ*, и онъ снова то же повторилъ, не склоняясь ни на какія обольщенія и не ужасаясь смерти.

Раздраженный симъ отвѣтомъ и негодуя на вѣрность *Рускихъ*, *Сигизмундъ* сильно началъ приступать къ *Волоколамску*. Воеводы *Нарамышевъ* и *Чемесовъ* не умѣли ни одушевлять войско, ни отражать нападеній.

Волоколамскъ и честь имени Рускаго спасены были козацкими *Ашаманами*: *Нелюбовымъ Маркою* и *Иваномъ Епанчею*. Лично вездѣ присутствуя, разили они враговъ и засшавили *Сигизмунда* отступити.

Смирилась гордыня, восторжествовала вѣрность. Быстро бѣжалъ *Сигизмундъ*, преслѣдуемый голодомъ и зимними бурями. Трупами *Поляковъ* и наемныхъ воиновъ устилались снѣжныя равнины. Никто не поражалъ враговъ; они сами отдали себя въ жертву смерти.

Въ опасности и злключеніи Рускіе прибѣгали къ Богу, и въ щасіи не забыли Его. Получа вѣсть о бѣгствѣ враговъ, Вожди Московскіе учредили благодарственное молебствіе. *Трубецкой* и Начальники дружинъ его молились въ церкви *Казанской Богородицы* за *Покровскими* воротами; *Пожарской* съ сошрудниками своими совершалъ молебствіе въ храмъ *Іоанна Милостиваго* на *Арбатѣ*. По окончаніи службы полки сошлись на *Лобномъ мѣстѣ*, гдѣ были встрѣчены *Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ*. Увидя священныя залогі *Вѣры*, на которыя не надѣялись уже никогда взирашъ, воины Рускіе заливались сле-

зами и восклицали: *Богъ и Пресвятая Бого-
родица защитили насъ!*

Въ сіе время, желая показать Рускимъ доброжелательство свое, нѣсколько тысячъ *Англинскихъ* войскъ, прибывъ къ *Архангельску*, послали извѣстить Московскихъ Начальниковъ, что они готовы вмѣстѣ съ ними дѣйствовать противъ враговъ. Рускіе отвѣчали: *Благодаримъ васъ; намъ не нужна ваша помощь: Боевъ очистилъ Государство наше Рускими людьми.*

Вѣрные сыны Ощечества прибѣгали къ Богу, а измѣнники, умышляя новую пагубу, разсылали по городамъ возмущительныя грамоты. Вѣспники ихъ были перехвачены; коварство изобличилось предъ лицомъ цѣлой Россіи. Всѣ измѣнники поспрадали; всѣ они подверглись стыду и безславію.

Побѣда вѣшнихъ враговъ и внутреннее злоумышленіе, Рускіе Вожди побѣдили и всѣ междоусобныя вражды. Укрѣпясь единодушіемъ, они рѣшились избрать Царя не по произволу своему, но по волѣ Божіей. Заключая знаменіе сей воли въ единодушномъ согласіи, разослали они по городамъ грамоты, приглашая на общій съѣздъ всѣ чины Государственныя.

Между тѣмъ Делавардїи, обладавшій Новгородомъ, прислалъ пословъ съ требованіемъ о возведеніи на Престолъ Шведскаго Королевича. Рускіе снова повторили: *Не хотимъ на Царство иноземца; мы переговаривались съ вами изъ Ярославля для того только, что бы вы не внесли меча и огня въ области Москвитинъ. Не давно Англичане предлагали намъ войска свои; мы не приняли ихъ. Богъ защитилъ насъ; съ помощію Его готовы сразиться съ вами и очистить Новгородскую землю.*

Трехлѣтнее междоусобице, есть торжество Вѣры и вѣрности. Войско и Вожди Рускіе неоднократно возмущались междоусобицами; Вѣра оживляла любовь къ Отечеству. Сіе достопамятное время разительнѣе свидѣтельствуетъ, что Царства земныя спасающіяся Вѣрою и существующія надеждою на Провидѣніе небесное.

Конецъ пятой Части.

